

ЛИНА ФИЛИМОНОВА

ТАЙНЫ
ИЛИ

ВАСИЛЬКОВ

МОЕ НЕСКУЧНОЕ ЛЕТО

Лина Филимонова
Тайны Васильков или
мое нескучное лето

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70651108

SelfPub; 2024

Аннотация

Студентка Катя едет на каникулы в деревню отдохнуть и на досуге заняться поисками сокровищ, о которых прочитала в старом письме. Она не подозревает, что тихая деревня Васильки станет ареной странных событий, а ей придется бороться с неведомым противником и... с неожиданной влюбленностью.

Содержание

Глава 1, в которой появляется таинственное письмо	5
Глава 2, где фигурируют старые друзья и домашние животные	19
Глава 3, повествующая о странном происшествии с полотенцем	36
Глава 4, в которой появляется тракторист Ваня, а все остальные предаются разгулу	52
Глава 5, где романтическая пара совершает прогулку по кладбищу, а из книги исчезают страницы	64
Глава 6, о мотоцикле с коляской, расследовании и прелестях семейной жизни	79
Глава 7, рассказывающая о новых страшных шутках	95
Глава 8, в которой Катя пугается по-настоящему	107
Глава 9, где речь заходит о Пустом человеке	122
Глава 10, повествующая о доблестном защитнике Ване	139
Глава 11, в которой на сцену выходит Орлиный глаз	152
Глава 12, о голых коленках и случайном ухажере	170
Глава 13, где подозрения ширятся и нарастают	185

Глава 14, в которой Пустой человек нападает	196
Глава 15, рассказывающая о сокровищах и очень хитром плане	208
Глава 16, повествующая о ходе операции "Коварная луна"	227
Глава 17, где фигурируют испуганный лось, мрачный Серый и возмущенная Белка	238
Глава 18, в которой Орлиный глаз призывает разложить все по полочкам	249
Глава 19, о бабе Груше, которая берет дело в свои руки	261
Глава 20, рассказывающая о самых разных васильках	275
Глава 21, где обнаруживается труп	286
Глава 22, в которой речь снова заходит о прозвищах	301
Глава 23, повествующая о том, как Ваня поймал злоумышленника	313
Глава 24, где сокровище сияет всеми гранями	324
Глава 25, о комарах, портящих всю романтику	346
Глава 26, в которой наступает время разоблачений	358
Глава 27, где разоблачения продолжаютя и, наконец, обнаруживается сокровище	373

Лина Филимонова

Тайны Васильков или мое нескучное лето

Глава 1, в которой появляется таинственное письмо

Посвящается моим родителям и деревне Мальцево

– Может, там еще и привидения есть?

– Размечталась.

– А что? Разве это совершенно невозможно?

– Привидения водятся в фамильных замках.

– А мне кажется, бабушкин дом вполне заслуживает того, чтобы там поселилось маленькое симпатичное привидение.

– Ты, как всегда, все перепутала. Кроме домового за печкой, лешего в лесу по соседству и водяного в озере там больше никакой нечисти нет.

– Что-то я не помню там никаких водяных и леших, – задумчиво проговорила я. – А ведь я там не одно лето провела.

– Конечно, не помнишь. Они всегда так делают, – со зна-

нием дела продолжал мой любимый брат Борька, который терпеть не может, когда его так называют.

– Что делают? – не поняла я.

– Голову заморачивают.

– Над тобой, видно, хорошо поработали, – заметила я, не скрывая сарказма. – До сих пор никак не разморочишься. Наверняка это были русалки. Штук пять.

– Да-а, – мечтательно протянул Борька. – Русалки. Я бы тоже с тобой поехал. Правда. С огромным-преогромным удовольствием. Но никак не могу.

– Как же, как же. Без тебя же вся наша экономика рухнет. Если не страны, то города точно.

Борька фыркнул.

– Может, я и приеду, – сказал он. – Потом.

– Потом будет поздно. Я уже сама все сокровища найду. С тобой делиться не буду, даже и не думай.

– А посмотреть хоть дашь? И потрогать, – заискивающе спросил Борька.

– Потрогать – ни за что, – строго сказала я.

– Эх, Катька, завидую я тебе. Поедешь в деревню, будешь там пить парное молоко, трескать бабыгрушины пирожки с творогом...

– Я больше люблю с капустой.

– Нет, с творогом лучше, – мечтательно сказал брат. – Выйдешь на луг, ляжешь в мягкую зеленую травку, а над тобой – облака. Плывут, никуда не торопятся. И ты никуда не

торопишься... Красота!

Вообще-то ни в какую деревню я не собиралась. Сначала. Да и потом тоже. Планов на лето была целая куча – сиди выбирай. Только оказалось, что ничего из запланированного мне не подходит. По разным причинам.

Во-первых, в этом году, совершенно неожиданно, по крайней мере, для меня, наступил мировой финансовый кризис. До поедания кожаных ремней дело еще не дошло, да и вряд ли дойдет, но в семье был объявлен режим разумной экономии. Так что я вычеркнула из своего списка путешествия в далекие страны и полную смену имиджа моей комнаты.

Во-вторых, оказалось, что Никита – козел. Другого слова я подобрать не могу, да и не хочу. На самом деле это не во-вторых, а во-первых, но неважно. Не дождется.

В-третьих, вся наша веселая компания разъезжается на лето, кто куда.

В-четвертых, на мое предложение найти себе на лето работу, чтобы поддержать семью в трудное время, Борька сказал: «Наработаешься еще. Это твои последние в жизни каникулы. Помни об этом и проведи их так, чтобы... ну, ты сама знаешь».

И, наконец, в-пятых.

Вообще-то в квартире у нас порядок. Мама любит чистоту, я люблю чистоту, и папа тоже, иногда. Но есть одно место,

куда наши с мамой руки никак не могли добраться, и куда долгое время складывалось все подряд – от моих кукол, которые рука не поднималась выбросить, до папиных, ни разу не надеванных, болотных сапог. Место это – антресоли.

И вот, решив куда-нибудь пристроить свои, накопившиеся за годы учебы в университете, непонятно, нужные или ненужные, конспекты, я забралась на стремянку и открыла дверцы. На меня смотрел одноглазый плюшевый медведь, опирающийся на помятый походный котелок. На голове его красовалась соломенная шляпка с ленточкой. Свободного места не было. Я положила пакет с конспектами на пол и решила раз и навсегда покончить с этим вместилищем хаоса. Я собиралась, наступив на горло своей сентиментальности, выбросить все ненужное, а нужное протереть тряпочкой и аккуратно сложить обратно.

Плюшевый медведь полетел на пол, за ним – шляпка, котелок, клетчатый плед и все остальное, до чего я смогла дотянуться со стремянки, и перечень чего занял бы целую страницу. Для того, чтобы вытащить содержимое самого дна антресолей пришлось взять швабру. На полу образовалась огромная пыльная куча, глядя на которую, я засомневалась в своей способности к систематизации. Может, просто распихать все это по мусорным мешкам, да и выбросить? А потом начать заполнять антресоли заново. Хорошая идея.

Я пнула кучу ногой, выражая таким образом свою явную досаду и хорошо скрываемую растерянность, с вершины съе-

хала старая картонная коробка с крышкой, крышка раскрылась, из коробки высыпались конверты, фотографии, листки бумаги и несколько открыток. Я наклонилась и подняла упавший к моим ногам тетрадный листок, исписанный аккуратным крупным почерком. Судя по оставшимся следам от сгибов, когда-то он был сложен пополам. Почерк был незнакомый. Похоже на письмо. Не то что бы я всегда, когда вижу чужое письмо или, например, эсэмэску в чужом телефоне, немедленно бросаюсь их читать. Вовсе нет. Но, почему-то сразу, как только этот листок приземлился у моих ног, мои глаза выделили среди всех слов, одинаковых по размеру и цвету, только одно слово – «сокровище». А потом, на соседних строчках, я увидела свое имя, повторявшееся несколько раз.

Я подняла листок. Это было письмо бабушке от ее давней подруги Эммы Константиновны, которую судьба забросила во Владивосток, и с которой они всю жизнь переписывались. В письме, среди расспросов о здоровье и всестороннем рассмотрении вопроса о способах выращивания огурцов в теплице, были такие строки: «Надеюсь, ты надлежащим образом позаботилась о своем сокровище, которое собираешься оставить внучке Катеньке. Время сейчас беспокойное...». И так далее. Дальше – о нашем беспокойном времени и о внуках Эммы Константиновны. О сокровище больше ни слова. А мое имя, постоянно встречающееся в письме – это вовсе не мое имя, а бабушкино. Ее тоже звали Катей. То есть Ека-

териной Андреевной.

Очень интересно. Почему это я ничего не знаю ни о каких сокровищах? И никто не знает, насколько я знаю.

Итак, решено. Я еду в Васильки. Это деревня так называется. Искать сокровища и отдыхать. Нет, наоборот. Отдыхать, принимать участие в традиционных деревенских развлечениях и, заодно, искать сокровища. Если они существуют. Ведь этим словом, даже если оно написано не в кавычках, можно назвать все, что угодно. От очень богатой бабушкиной библиотеки до самого бабушкиного дома. Который, кстати, мне и достался по завещанию.

– Надо бы каких-нибудь гостинцев привезти бабе Груше, – говорю я.

Баба Груша – это наша деревенская соседка и какая-то родственница. Очень дальняя. Она за бабушкиным домом присматривает.

– Конечно. Обязательно, – соглашается мама.

Мы сидим с мамой и Борькой на нашей кухне и пьем чай. Папа в гостиной смотрит телевизор, читает газету и разговаривает по телефону. Понятно, что одновременно с этим еще и пить чай было бы слишком даже для него. Он все-таки не Юлий Цезарь.

Мама была очень удивлена моим желанием поехать в Васильки. С тех пор, как умерла бабушка, я там почти не бывала. В Васильки ездили в основном родители, да и то не часто.

Ну и Борька с семьей бывал несколько раз. И дело вовсе не в том, что я разлюбила Васильки. Просто все некогда было. То экзамены, то поездки к южным морям, то бурный роман... А вот сейчас самое время. Тихая деревенская жизнь, прогулки по лесу, купание в речке, встречи с друзьями детства – это как раз то, что мне нужно. Ну и сокровища, конечно.

Сессия уже закончилась, я купила веселенький сарафан с ромашками, кеды, очень скромный голубой купальник и написала письмо бабе Груше, чтобы она морально подготовилась к моему приезду.

– Даже не представляю, что ей нужно, что нравится... В деревне бабушкам все время дарят платки. У них у всех, наверное, все шкафы платками забиты, – продолжала я разговор о подарках.

– Не шкафы, а сундуки, – поправил Борька. – Я знаю, что ей точно нужно. Водка. Пара ящичков.

– Она что... того? Пьет, в смысле? – Я была очень удивлена. Никогда не видела бабу Грушу пьяной.

– Бутылка водки – самая твердая валюта в деревне, – со знанием дела объяснил брат. – Баба Груша женщина одинокая. Забор починить, огород вскопать, такса одна – бутылка водки. Деньги-то там особо тратить не на что.

– Да, что-то такое я припоминаю... Значит, ты добудешь мне два ящичка водки. Раз уж ты так хорошо в этом разбираешься.

– Без проблем. Надеюсь, ты довезешь их в целости и со-

храннысти. Не будешь по дороге прикладываться. Сейчас штрафы за это дело знаешь какие...

– Борис, перестань, – мама строго посмотрела на сына. Потом перевела взгляд на меня и вздохнула. – Все-таки мне страшно тебя отпускать. Совсем одна, в дороге, а потом – в деревне...

– Почему одна, деревня же еще не вымерла, насколько я знаю. Народу там хватает. И баба Груша под боком. Тебе бы только поволноваться, – сказала я с легким упреком.

– Да, мамуль, – присоединился Борис, – деревня сейчас – самое безопаснейшее место. Уж намного безопаснее тех клубов, куда твоя любимая доча ходит развлекаться.

Я за маминой спиной показала брату кулак.

– Так что я, на твоём месте, был бы просто счастлив, что Катька, хотя бы на пару недель, уезжает из города, этого вместилища порока и разврата, наркомании, проституции и азартных игр, – патетически закончил Борис и с победным видом посмотрел на нас с мамой.

– Я что-то не пойму, какое отношение к моей умной, интеллигентной и порядочной девочке имеют перечисленные тобой явления? – Мама тоже может прищемить хвост кому угодно.

– Ну, это я так, фигурально выражаясь. В общем и целом.

– То-то же. Как все-таки хорошо, что придумали сотовые телефоны, – вспомнила мама. – Не знаю, как мы раньше без них жили.

– Вот именно, ты же в любой момент сможешь позвонить и узнать, как у меня дела.

– Да нет, за твое пребывание в деревне я более или менее спокойна. Меня больше тревожит, как ты туда доберешься. Там такая запутанная дорога, а навигаторы ее не знают...

– Мам, я же тебе говорил, у меня есть очень подробная карта. Буквально со всеми тропинками и придорожными сортирами. Так что, я уверен, что, несмотря на врожденный топографический кретинизм, Катька не заблудится.

Но я заблудилась. Сначала я ехала по большой широкой дороге, потом несколько раз сворачивала на дороги поменьше и поуже. Гладкий ровный асфальт остался далеко позади, с каждым новым поворотом на дорогах появлялось все больше ям, колдобин и неожиданных препятствий вроде лежащего прямо посередине огромного колеса от трактора или упавшего дерева, перегородившего дорогу больше, чем наполовину. Я поняла, что уже пересекла тайную границу между Деревней и Городом. Проходит она вовсе не там, где стоят указатели. Увидеть ее очень трудно, но когда ты оказываешься на другой стороне, это сразу ясно. И дело не только в том, что дорога стала хуже. Главное – изменилась атмосфера. Еще несколько десятков километров назад я чувствовала привычное напряжение и мне, как обычно, казалось, что надо торопиться, и непременно нужно обогнать этого нахала на «вольво» и показать вон тому «мерседесу», который не

торопясь едет посередине дороги, что он тут не один... Даже потом, когда пригород закончился, и машин стало совсем мало, я все еще дышала в привычном неровном, торопливом и рваном ритме.

Теперь я дышу по-другому. Медленно и легко. Теперь я уверена, что торопиться мне совершенно некуда, потому что, если нужно куда-то опоздать, я и так это сделаю, без лишних движений. Даже электронные часы, кажется, поддались влиянию здешнего вялотекущего заколдованного времени и стали тянуть со сменой цифр на экране. Я заметила, что мои губы сами собой растянулись то ли в радостную улыбку, то ли в довольную ухмылку.

Я с удовольствием крутила баранку, подпевала жизнерадостным песенкам, которые передавали по радио, и глазела по сторонам. Бескрайние зеленые поля, милые деревенские домики, коровки и козочки, беззаботно жующие травку – все складывалось в умирительную безмятежную картинку предстоящего отдыха.

Я проехала деревню Мальцево. Потом, на очень живописной, почти сказочной развилке с огромным камнем, испещренным надписями, отражающими многогранность русского языка, повернула налево, как и было нарисовано на карте рукой Бориса. И что же? Дорога из гравийной постепенно превратилась в грунтовую, потом вообще практически в тропинку, пока не исчезла окончательно. И что мне теперь делать? Я даже не уверена, что смогу здесь развернуться.

Да, это очень на меня похоже. Выбрать не тот поворот. В подобных ситуациях мне всегда везет, как утопленнику. Я имею в виду, когда надо выбирать. Билет на экзамене, короткую спичку, число, на которое я собираюсь поставить все свои фишки в казино... Не то чтобы я патологический неvezунчик. Мне не везет только в тех ситуациях, когда я сама, своей рукой должна выбрать из равных возможностей. Билет мне всегда попадает самый противный (поэтому приходится учить все), из спичек – единственная длинная, и я иду мыть посуду, ну, а в казино... об этом и говорить не стоит. Я туда больше не хожу, на что бы там не намекал мой ехидный братец. Денег он мне тогда дал, и маме ничего не сказал... замечательный у меня брат. Даже нотаций не стал читать. Только сказал: «Значит, повезет в любви». Насчет любви – это вряд ли. Хватит с меня. Сначала порхаешь, как бабочка, щебечешь, как птичка, мурлычешь, как кошечка... а потом раз – и все. Понимаешь, что тебя выпотрошили и набили соломой, как чучело. Больно, стыдно и муторно.

Хотя бывает, что и везет людям. Как Борьке и его Иришке. Но это такая редкость, что мне точно не светит.

Так, о чем это я? Борька. Это он рисовал маршрут и ошибиться не мог. Это я что-то перепутала. Совершенно непонятно, где. Мальцево было. Развилка была. Поворот налево, и я должна была проехать еще десять километров по проселочной дороге до Васильков. Но никаких Васильков здесь нет. Они исчезли!

Я заглушила мотор, чтобы он не мешал мне думать. Хотя, что тут думать, надо разворачиваться и ехать обратно к камню. Может, стоит повнимательнее надписи почитать. Вдруг там написано: налево пойдешь – коня потеряешь... и так далее. А заодно и местоположение Васильков подробно разъяснено.

Небо затянулось тучами, стало пасмурно и неудобно. Верхние ветки сосны, возле которой я остановилась, закачались, и сверху послышалось скрипучее карканье. Я высунула голову в открытое окно и посмотрела вверх.

– Карр, – сказала ворона, глядя на меня одним глазом.

– Здравсьте, – вырвалось у меня.

Ворона взмахнула крыльями и плавно опустилась на капот машины. Она была черная и огромная, ростом со среднюю собаку, а клюв ее выглядел так устрашающе, что мне очень захотелось немедленно закрыть окно. Я протянула руку к кнопке, но тут же отдернула. Еще не хватало, чтобы она подумала, что я ее боюсь. Это просто птица, а я между прочим, человек. У меня мозг больше, а мозг – это главное.

Ворона, как ни в чем ни бывало, прогуливалась по моей машине, время от времени поглядывая на меня то одним, то другим глазом. Ее когти издавали скрежещущий звук, от которого у меня сводило зубы. Но я не прогоняла ее, потому что мне было интересно, что она будет делать дальше и еще потому, что не была уверена, что смогу ее прогнать. Очень уж по-хозяйски она себя здесь чувствует и очень уж у нее

смышленный взгляд, несмотря на то, что я вижу ее глаза попеременно.

Походив, подумав и, наконец, придя к какому-то решению, ворона остановилась прямо передо мной, расправила крылья и замахала ими. Я думала, она собирается взлететь, но она не взлетала, а только махала на меня крыльями. Это было похоже на приглашение убираться отсюда подобру-поздорову. Я повернула ключ зажигания, ворона немедленно переместилась на ветку сосны и оттуда внимательно и молча наблюдала, как я рыча двигателем и вспахивая колесами землю, разворачиваюсь, стараясь не задеть кустов и деревьев. Что самое удивительное, мне это почти удалось. И я укатила, довольная собой, под одобрительное прощальное карканье своей новой знакомой.

Снова добравшись до камня, я осмотрела окрестности более внимательно. Ну конечно! Здесь есть еще одна дорога налево, причем она выглядит гораздо более наезженной, чем та, по которой поехала я. Вообще, оказывается, это очень странный перекресток. Я даже задумалась, не о нем ли поется в старой песне «Машины времени». Здесь точно не меньше семи дорог, дорожек и тропинок, уходящих в разные стороны. Но теперь я почему-то была уверена, что вот эта левая дорога – настоящая левая и ведет она именно в Васильки, а не к вороне или еще какому-нибудь лесному зверю в гости.

Дорога весело побежала вперед, не сужаясь и не расширяясь, только повернула раза два. Я выехала на опушку леса

и увидела впереди извилистую речку. Сердце мое застучало быстрее. Знакомые места! Сейчас будет мост, потом поле, потом лесополоса, а за ней – Васильки.

Мост не внушал мне доверия. Он выглядел, так, как будто последние лет пятьдесят держался из последних сил только ради встречи со мной. Вот сейчас я по нему поеду, и он развалится. Я его помню, он всегда здесь был. Но раньше я совершенно не задумывалась о его надежности. Наверное, потому, что была не за рулем. Меня везли, я сидела, глазела по сторонам, и даже не пыталась запомнить, сколько деревень мы проехали, куда поворачивали и как, наконец, оказались в нужном месте. Это и называется топографический кренинизм.

Тут я услышала шум мотора. Кто-то еще едет в Васильки. Я отъехала в сторонку, чтобы посмотреть, как этот кто-то преодолет мост. Из леса вылетел огромный черный джип с тракторными колесами, и, не сбавляя скорости, перелетел через речку по мосту. Или над мостом? Не знаю, не уверена. Мост издал несколько кряхтящих и стонущих звуков, но, к моему удивлению, не развалился. Прекрасно. Я уверенной рукой направила свой автомобиль в сторону Васильков, прямо по мосту и дальше – по разбитой непогодой и всякими джипами дороге.

Глава 2, где фигурируют старые друзья и домашние животные

Баба Груша, как и всегда, встретила меня вздохами и причитаниями. Я так и не поняла толком, что именно ее так расстроило: то, что я «такая взрослая и красивая», то, что я «такая худая, ну разве так можно» или то, что я так сильно похожа на свою бабушку. Она несколько раз прикладывала к глазам кончики своего белого платочка в мелкую крапинку, не отрываясь, смотрела на меня, пока я уминала блинчики с медом и сметаной, и качала головой.

– Ну, вылитая Катерина Андревна, – вздыхала она. – Вот так зашла бы ты неожиданно, у меня бы сердце остановилось, ей богу.

– Поэтому я и написала письмо. Телефона же у вас нет.

– Нет. А зачем он мне?

– Хотела телеграмму отправить, мама говорит: нельзя, напугаешь, – продолжала я.

– Ох, – баба Груша схватилась за сердце. – Телеграмму...

Я поняла, что мама была права. Пока баба Груша разобралась бы, что в телеграмме нет ничего страшного, ей пришлось бы выпить пузырек валерьянки. Так что я действительно написала настоящее письмо, купила конверт с маркой

и опустила его в почтовый ящик. Да, они еще существуют! Настоящие, не электронные. Это был волнующий опыт. Потом буду внукам рассказывать, что я еще застала времена, когда письма писали от руки на бумаге...

Когда я, немного смущаясь, вытащила из машины три ящика водки (Борька постарался) и несколько пакетов с разными деликатесами, нужными в хозяйстве вещами и, конечно же, праздничными яркими платками, баба Груша совсем раскисла. Мне весь вечер пришлось ее успокаивать.

Мне всегда нравился бабушкин дом. Он просторный, светлый, в нем нет ничего лишнего: никакого хлама, старых сундуков или скрипучих доисторических шифоньеров. А есть маленькая, очень удобная, кухонька, оборудованная всем необходимым, вместительная гостиная, она же столовая, две спальни и небольшая сумрачная комната, которая гордо именовалась «библиотекой», но, при большом наплыве гостей, выполняла функцию спальни. И, конечно, – о боже! – предмет деревенских пересудов на протяжении всего первого года, проведенного бабушкой в деревне – ванная и туалет. Вся деревня, по слухам, ходила смотреть на этот вызов традиционной антисанитарии, качала головами и ждала, когда же что-нибудь сломается. Но ничего не сломалось. Прекрасно функционирует по сей день. И все благодаря бабушкиной настойчивости и умению везде, где бы она ни появлялась, создавать «условия, достойные человека».

Когда родные отговаривали бабушку от переезда в деревню, мотивируя это отсутствием удобств, бабушка заявила: – Я совершенно не понимаю, почему в конце двадцатого века является неразрешимой проблемой установка в доме сортира.

Сортир был установлен, в придачу к нему была оборудована сибаритская (по тем временам) ванная комната, со стенами бледно-розового кафеля, белым полом и украшенным затейливым витражом окном. Вода качалась из колодца при помощи насоса и нагревалась газово-электрическим котлом. Газ в нашу деревню, очень кстати, провели лишь за несколько лет до начала нового тысячелетия. А до этого все топили печи дровами.

Сейчас, конечно, никого не удивишь санузлом. Новые дачники, активно скупающие землю в Васильках в последние годы, понастроили такого, что деревенские просто устали удивляться. Говорят, в том четырехэтажном дворце, который занимает очень красивый участок прямо на берегу речки, два бассейна: один в доме, второй – на улице. С подогреваемой водой. Да, цивилизация надвигается на Васильки семимильными шагами. Это неплохо, только не нужно забывать об аккуратности. Под ноги смотреть, чтобы не испортить чего ненароком.

Оставшись одна, я включила свет во всем доме и с удовольствием все осмотрела. Ничего не изменилось, и это так приятно. Та же клетчатая скатерть на маленьком столике в

кухне возле окна, те же розовые цветочки на обоях в моей спальне, и те же часы на стене в гостиной...

Мне всегда ужасно нравились эти часы. Очень старые, с потускневшим циферблатом без стекла, позолоченными стрелками и маятником, но главное – с цепочками и гирями. Мы с бабушкой заводили их по вечерам, перед сном, раз в три дня, и я была очень горда, когда мне доверяли потянуть за гиры и придать дополнительный заряд жизни этому загадочному механизму. Ходили они исправно, а вот отмечали начало нового часа ударами только тогда, когда у них было подходящее для этого настроение. Иногда несколько раз за день, а иногда – раз в неделю или даже реже.

Я поставила стрелки на девять часов и потянула вниз маленькую гиру, похожую на еловую шишку. Она сначала не поддавалась, но потом все же, со скрипом начала двигаться вниз на удлиняющейся цепочке. Интересно, не разучились ли часы отбивать удары?

Письмо я показала только брату. Он сказал: «Хм» и высоко поднял свои густо колосающиеся брови.

– Ну, что ты об этом думаешь? – нетерпеливо спросила я.
– Уверен, ты замечательно проведешь время, – изрек он.
– То есть ты считаешь, что это какая-нибудь ерунда, вроде полного собрания сочинений Тургенева довоенного издания с золотым тиснением?

– Ерунда! – фыркнул Борис. – И это мне говорит студент-

ка, без одного курса выпускница, одного из лучших в стране гуманитарных вузов! Кто там у вас преподает русскую литературу?

– Да ну тебя, – надулась я.

– Нет, я вовсе не исключаю, что у бабушки где-нибудь припрятан бриллиант с голубиное яйцо или какой-нибудь там старинный перстень с огромным рубином, – проговорил Борька. – Всякое бывает.

– Ты думаешь? – с надеждой спросила я.

– Только очень странно, что никто ничего об этом не знает.

В общем, он не поверил. А я? Сама не знаю. Найти какое-нибудь сокровище было бы необыкновенно приятно и познавательно. Такого со мной еще никогда не случилось.

Одно я знаю точно: в подобном предприятии нужно действовать очень деликатно и неспешно. Как бы между делом. Если я, как коршун, наброшусь на бабушкин дом, распотрошу его и выверну наизнанку, я точно ничего не найду, даже если оно есть. Сначала нужно подумать. Два раза, как минимум. Потом разделить территорию на условные квадраты, и начинать. Главное – система. Меня ведь хлебом не корми, только дай что-нибудь систематизировать.

Значит, так. Действовать буду сверху вниз, слева направо. Верх – это крыша. Вряд ли что-то можно отыскать с наружной стороны. Там только темно-бордовая черепица, которую настелили перед переездом бабушки. До сих пор как

новенькая. Я не исключаю, что под ней можно организовать тайник, но мне трудно представить, чтобы бабушка, при всей своей любви к подвижным занятиям, карабкалась по крыше на виду у всей деревни и что-то там прятала... Скажем так, вероятность этого ноль целых одна сотая процента. Не ноль только потому, что иногда случаются даже невероятные вещи. Например, сантехники приходят через пятнадцать минут после вызова.

Еще на крыше есть труба. Прилагается к печке. Ни тем, ни другим никто не пользуется вот уже второе десятилетие. Так что печка служит больше для антуража. Что касается трубы, то вероятность такая же, как и относительно крыши. А вот печка... А что, это хорошая идея! Я вскочила и помчалась на кухню, где был вход в эту самую печку. Ну, то место, куда дрова бросают. Не знаю, как называется. Надо будет выяснить, а то как-то неудобно быть такой невеждой.

Я осторожно подняла щеколду и потянула на себя скрипучую чугунную дверцу. Я ожидала, что на меня посыплется многолетняя зола или пыль, но ничего подобного не произошло. В печке было чисто, сухо и пусто. Запах, конечно, был, и довольно сильный. Пахло сто лет назад сгоревшими дровами и древней золой. Под большой дверцей расположена дверца поменьше. Ее я тоже открыла. Здесь запах был еще сильнее, но тоже не обнаружилось ничего интересного.

Между печкой и трубой есть дымоход, но как туда можно попасть или хотя бы заглянуть одним глазком, я совершенно

не представляю. Бабушка, скорее всего, тоже не представляла.

А что это я, собственно, делаю? Я же решила начать сверху и действовать планомерно и систематически. А сама, совершенно не по плану, накинулась на печку... Так не пойдет. Чердак так чердак. Правда сейчас уже темнеет и, вообще, все новые дела, как известно, лучше начинать с понедельника. А завтра как раз, очень кстати, понедельник. Так что сегодня я могу расслабиться, и никакая совесть не имеет права грызть меня.

Осмотр чердака не дал ничего, кроме серии душераздирающих чихов. Толстый слой пыли укрывал пару старых сундуков, несколько сломанных стульев, кипы перевязанных проволокой журналов «Нева» и еще кое-какие, не представляющие никакого интереса для кладоискателя, предметы.

Сначала при виде сундуков я воспрянула духом. Конечно, где же еще быть сокровищам, как не в сундуках! Еноту понятно. Но потом я вспомнила, что бабушка на чердак практически никогда не поднималась, а все, что находится внутри сундуков, было сложено туда моими и мамиными руками после ее смерти. В основном это была бабушкина одежда: платья из странной на ощупь синтетической материи, длинные юбки, строгие блузки с бантами, которые бабушка в деревне практически не надевала и несколько теплых мягких шалей.

Я на всякий случай тщательно осмотрела всю одежду, особенно карманы, там, где они были, и простучала сундуки на предмет обнаружения двойного дна. Двойное дно обнаружено не было, измерения с помощью рулетки показали, что размеры сундуков внутри и снаружи практически не отличаются. Ну ничего, зато я, хотя бы, проявила в этом деле свою недюжинную смекалку.

Во время моего посещения чердака вся накопившаяся за долгие годы пыль поднялась в воздух, образовав настоящие пылевые туманности пугающей плотности. Вскоре я начала чихать и никак не могла остановиться, поэтому решила retirоваться. Спускаясь по лестнице, прислоненной к стене, я чуть не грохнулась на землю вместе с ней, так как не смогла удержаться от чиха, потрясшего все сооружение до основания. К счастью, я не свернула себе шею и моя эпопея не закончилась безвременно.

Как обычно, днем в деревне никого нет. Неизвестно, куда они все днем деваются. Спят, наверное. Встают же рано, часа в четыре утра. Ужас. А днем, видимо, спать ложатся. Хотя, наверное, не все. Потому что иду я сейчас по совершенно безлюдной, как будто вымершей, улице, и все равно у меня ощущение, что на меня со всех сторон смотрят. И я точно знаю, что когда я дойду до противоположного конца деревни, там уже все будут знать, куда я иду и зачем, хотя я, может быть, и сама этого пока не знаю. Просто гуляю. Возможно,

загляну к кому-нибудь из своих старых знакомых, если смогу их узнать.

В те времена, когда я с ватагой мальчишек и девчонок лазила тут по садам и скакала по полям, лица у нас обычно были так перемазаны, что мы с трудом представляли, кто как выглядит на самом деле. Да и выросли все. Хотя бабульки меня узнают. Вот у кого острый глаз и чуткий слух. Это они, наверное, сейчас смотрят на меня из-за тюлевых занавесок, притаившись за горшками герани, читают мои мысли, а потом передают их соседкам на расстоянии.

Все-таки отвыкла я от деревни. Иду сейчас, как по минному полю. Ощущение, что на каждом шагу подстерегают неведомые и непредсказуемые опасности.

Самое страшное – это звери. В смысле, домашние животные. Ну, куры, ладно. Утки тоже ничего. Ходят, едят, никого не трогают. Но все остальные... Хотя бы тот же петух. Вчера бегал вокруг меня, крыльями хлопал, кричал что-то. И что я ему сделала? Не нужны мне его куры, я просто мимо шла. А он сначала смотрел одним глазом, потом повернул голову, посмотрел другим, потом снова повернул голову... Борода трясется, глаз какой-то жуткий, с желтым отливом, сам когтями землю роет. Я остановилась на всякий случай. Не хочу, чтобы он на меня сзади напал. Лучше встретить врага лицом к лицу. И тут он как заорет. Я чуть на землю не свалилась от звуковой волны. Не знаю, кто услышал в этом вопле «кукареку». По-моему, совсем не похоже. По крайней

мере, у этого петуха получилось что-то вроде «Э. Э. Э, Э, Э. Э-э-э-э-э-э». Последний вопль долго отдавался у меня в ушах. Петух в экстазе закатил глаза, а я, не оглядываясь, и по мере возможности стараясь не терять чувства собственного достоинства, быстрым шагом пошла дальше.

Но сейчас, кажется, никаких опасных зверей не видно. Несколько кур копошатся в пыли, да где-то вдалеке мычат коровы.

Рано я обрадовалась. Впереди, метрах в десяти от меня у изгороди стоит бык. Даже и не бык, наверное, а так, маленький бычок. И откуда он взялся? Минуту назад его не было. Наверное, из ворот вышел. Сердце мое быстренько убежало в левую пятку и оттуда тихонечко постукивало. Я пошла медленнее, лихорадочно соображая, считается ли розовый цвет разновидностью красного. На мне была розовая майка. Бледно-розовая, совсем не яркая...

Бычок уставился на меня исподлобья, точь-в-точь как малолетние гопники, околачивающиеся в нашем районе. Думает. Я пошла еще медленнее, стараясь держаться поближе к плетеному забору на противоположной от быка стороне улицы. Не знаю, зачем. Вряд ли я через него, если что, перелезу. А уж если все-таки перелезу, то вряд ли бык не сможет перепрыгнуть его или просто снести своим большим рогатым лбом. Бычок мыкнул что-то трубным голосом и побежал ко мне. Я вжалась в забор, не отрывая глаз от неминуемо приближающейся ко мне смерти. Бычок быстро набирал

скорость, но, когда до меня оставалось не больше полутора метров, резко остановился, как собака, которую дернул за поводок хозяин. И тут я увидела веревку, которой он был привязан к столбу. Толстую такую веревку, настоящий канат. Бычок, глядя на меня, жалобно замычал. «Бедненький, – подумала я, – отобрали игрушку».

Я все еще ощущала некоторую слабость в ногах, поэтому от забора не отлипала. Бычок смотрел на меня все жалобнее. По-моему, у него даже слезы в глазах стояли.

– Ну, чего тебе? – спросила я.

Он помотал головой.

– Скучно, наверное, – предположила я.

Он внимательно смотрел на меня, видимо, пытаюсь понять мои слова, но его интеллектуальное развитие, похоже, еще не достигло нужных вершин. Я достала из кармана завалявшуюся там половину шоколадного батончика и протянула бычку. Он взял батончик своими теплыми губами, а потом облизал мою руку шершавым щекотным языком. Похоже, ему понравилось. Надеюсь, быкам не вредно есть шоколад. Хотя, даже если вредно, при его размерах надо пару ящичков для достижения эффекта.

Я решила распрощаться с общительным бычком и направилась дальше, а он начал рыть копытом землю, мычать и изо всех сил дергать веревку. Ну прямо как щеночек, который хочет, чтобы с ним поиграли. Я с опаской посмотрела на столб к которому он был привязан. Столб, вроде бы не ме-

нее надежный, чем веревка. Это хорошо. Не знаю, чем могут закончиться игры с таким вот «щечочком». Он вполне может нечаянно проткнуть мой бочок своими остренькими рожками.

Я помахала ему рукой, и, стараясь не обращать внимания на доносившиеся мне вслед жалобные вопли, отправилась дальше.

А вот и первая встреча. Сергей Спиридонов, или Серый. Идет, на плече удочки, причем, насколько я понимаю, самые продвинутые, с разными там катушками, навороченными крючками и блеснами. Ничего удивительного. Серый всегда пропадал на речке или на озере, ловил рыбу ведрами даже в тех местах, где ее никогда не было, и сразу же после этого терял к ней интерес. Приносил своей бабке, а она уж, бедная, придумывала, чтобы еще такое из нее приготовить или кому бы ее подарить.

А еще Серый славился своим умением собственноручно изготавливать хитрые приспособления для рыбалки, при виде которых обалдевшая рыба сама прыгала ему на крючок. Да и вообще он мастер на все руки, вся деревня носит ему сломанные утюги и телевизоры, которые он принимает с недовольным видом и которые почти сразу же, как только он берет в руки отвертку, снова начинают работать.

– Привет, – говорю я.

– Здорово, – говорит Серый.

И смотрит исподлобья. Но я знаю, что это не от того, что он не рад меня видеть. Просто он всегда такой. Интроверт.

– Отдохнуть приехал? – спрашиваю.

– Ага, – кивает Серый.

– Молочка попить, свежим воздухом подышать, жирок накопить, – продолжаю я вполне светскую беседу.

– Молоко и все остальное, конечно, хорошо, но я приехал не из-за этого.

– А из-за чего? – спросила я.

– Рыбу ловить, – сказал Серый и помахал своими сложными удочками. – Ничего нет лучше, чем сесть на берегу, забросить удочку и ждать...

– Да вроде в нашей речке с рыбой в последнее время не очень, – нерешительно сказала я. – Говорят, вся куда-то подевалась...

– Нормально, если знать, на что ловить и как. Но ты права. Речка – это для разминки. Главная рыбалка – на озере. Вчера я там такого сома поймал – не поверишь – метра полтора.

Глаза Серого заблестели. С его лица сразу слетело скучающее выражение, и он принялся в красках описывать, как он подсекал и вел этого самого сома. Сом был очень хитрый и коварный, и, если бы на месте Серого оказался какой-нибудь другой, менее опытный рыбак, то он бы не только остался без улова и удочек, но и, возможно, был бы захвачен в рабство этим самым сомом.

А я думала об озере. До него километров десять, не по

дороге, и даже не по протоптанной тропинке, а по самой чаще леса, где ориентируются только местные, да и то не все. Потому что ходить туда не любят. Когда мы были маленькими, старшие ребята пугали нас рассказами о каких-то «черных русалках», которые водятся в этом озере и утаскивают на дно каждого, кто пристально посмотрит в его темные воды. И еще о каких-то утопленниках, которые выходят из воды в полнолуние. Это все, конечно, чепуха, но местные озеро недолюбливают. Интересно, почему?

– И не лень тебе так далеко ходить? – спросила я Серого, который уже закончил свой рассказ, и его лицо снова приняло сонное скучающее выражение.

– А я коротким путем, – сказал Серый.

– В первый раз слышу про короткий путь, – удивилась я.

– Много есть чего, о чем ты еще услышишь в первый раз, – философски заметил Серый и в нетерпении посмотрел за мое плечо.

– Ну, я пошел. А то к вечернему клеву не успею. Топать-то далеко.

– Ну, пока. Еще увидимся.

Я пошла дальше. Не успела я пройти и ста метров, как услышала вопль:

– Катька!

Ко мне торопилась вроде бы незнакомая молодая женщина в спортивном костюме и косынке. И только когда она по-

дошла поближе я тоже завопила:

– Галка! – и бросилась ей навстречу.

В те времена, когда я каждое лето приезжала в деревню, Галка была моей самой-самой лучшей подругой. Именно с ней я делилась всеми своими секретами, так же как и она со мной, с ней вдвоем мы ходили в лес и даже на дальние луга, дрались с мальчишками, когда была в этом необходимость... ну и вообще! Галка – это Галка.

– Я слышала, что ты приехала, – сказала запыхавшаяся Галка, – хотела зайти сегодня...

Я смотрела на эту крепкую, пышущую здоровьем, как румяное яблоко, женщину и у меня в голове что-то с чем-то не состыковывалось. И только когда она знакомым движением поправила челку, которая сразу же приняла прежнее положение, все состыковалось, и мне даже показалось, что у нее снова появились торчащие в разные стороны хвостики и неизменные чумазные пятна неизвестного происхождения на лбу и на щеках.

– Конечно, заходи, – ответила я. – Посидим, поболтаем...

– Ты надолго?

– Не знаю, – я пожала плечами. – Как получится.

– Пока не надоест, значит.

– Как вообще... дела? – спросила я и почувствовала, что мой вопрос прозвучал немного неестественно. Мы так давно не виделись, что рассказ о произошедших с тех пор переменах займет, наверное, не один час...

Галка пожала плечами.

– Хорошо. Картошку вот окучиваю.

– Ты же не здесь жила, – вспомнила я.

– Ну, так то родительский дом. А это наш.

– Ваш? Так ты замуж вышла? – догадалась я.

– Да, – сказала Галка, и в голосе ее появилось что-то медовое. – Весной.

– А за кого?

– Да вон он идет, мой муж, – Галка махнула рукой куда-то мне за спину.

Я обернулась. По дороге шел худой, но, по всей видимости, крепкий, высокий и загорелый парень в длинных шортах и клетчатой рубаше. Он улыбнулся во весь рот, продемонстрировав белые ровные зубы, и приветственно махнул рукой.

– Да это же Вовка Крапивин! – воскликнула я. – Ты вышла замуж за Вовку? – изумлению моему не было предела.

– А что? – обиделась Галка. – Не хуже других, наверное.

Она с нескрываемым восхищением смотрела на своего новоиспеченного мужа.

– Да нет, просто... все так странно, – проговорила я. – Я так давно вас всех не видела, что еще не привыкла, что вы выросли. Как-то в голове не укладывается. Он же тебя всю жизнь дразнил, просто прохода не давал! – вспомнила я. – А один раз даже чуть не столкнул в колодец.

– Кто это тут вспоминает мою буйную юность? – это по-

дошел Вовка.

Мы поздоровались.

– Это Катька не может поверить, что мы уже выросли, – объяснила Галка. – Удивляется.

– Ну, допустим, не только мы повзрослели, – говорит Вовка и окидывает меня оценивающим взглядом. – Ты тоже ничего себе девица.

Я заметила, как в глазах Галки вспыхнул и тут же погас зеленый огонек. Вовка подошел к ней и обнял за плечи. Видно, он тоже не лишен наблюдательности.

– Может, у вас и дети есть? – спросила я испуганно.

Галка скромно опустила глаза.

– Скоро будут, – сказала она непривычно тихим голосом.

– Третий месяц, – заговорщицки подмигнул мне Вовка и погладил Галку по животу.

– Вот это да, – сказала я. – Поздравляю.

– Да ты в гости заходи, – сказал Вовка. – Вечером. Мы сейчас вечерами дома сидим. Телевизор смотрим.

– Зайду, – сказала я и медленно побрела дальше.

Это что же такое делается, а? Все, оказывается, повзрас-тали, стали настоящими дяденьками и тетеньками. Дома сидят, детей рожать собираются... С кем я буду играть в казаки-разбойники?! И искать сокровища...

Глава 3, повествующая о странном происшествии с полотенцем

Вечером я сидела в гостиной, в бабушкином кресле-качалке, листала первую попавшуюся книжку, которая оказалась «Капитанской дочкой» и думала. О своей бабушке, о том, почему она переехала в деревню, хотя была горожанкой и по происхождению, и по привычкам, о дедушке, которого я практически не помню, о своем отце, который, как говорят, очень похож на деда... Свет моргнул, как будто в сети упало напряжение. Что ж, обычное дело. Надо на всякой случай найти свечи. Не знаю, как сейчас, но раньше отключения электричества случались очень даже запросто.

Свечи, насколько я помню, хранились в двух местах: в кладовке и в бабушкином комоде. До комода было ближе, и я направилась к нему. Выдвинула верхний ящик, обнаружила аккуратные стопочки выглаженных кухонных полотенец и носовых платков. Во втором ящике были шкатулки с нитками, иглками и пуговицами, огромные портновские ножницы, мотки резинки, ленточек и прочая галантерейная ерунда. А еще там лежала записная книжка в темно-зеленом переплете. Я уставилась на нее со смешанным чувством. Вполне вероятно, что она хранит какие-то секреты, возможно, да-

же именно те, которые мне так хочется узнать. Но это же бабушкина вещь...

Я протянула руку и взяла записную книжку. Наверное, все-таки, бабушка не стала бы возражать против этого. Во-первых, если у нее и были какие-то личные тайны, в которые она не хотела никого посвящать, то вряд ли она стала бы записывать их в книжке, которая хранится в таком легкодоступном месте. Во-вторых, в письме Эммы Константиновны было четко написано, что сокровища, чем бы они не являлись, бабушка собиралась оставить мне. Так что можно считать вполне обоснованным мое желание немного порыться в бабушкиных вещах и поискать какие-нибудь указатели. А в третьих... я вспомнила глаза бабушки. Не то чтобы даже вспомнила, просто у меня все это время было такое ощущение, что она стоит в дверях комнаты и смотрит на меня. Когда я совершала какой-нибудь проступок, например, вместо обеда, оставленного мне уехавшей по делам бабушкой, съела две коробки обнаруженных в буфете конфет, бабушка никогда меня по-настоящему не ругала. То есть не кричала на меня и не называла обидными словами. Она просто объясняла мне, почему я поступила неправильно, и какие могут быть последствия, если я буду так же делать и впредь. Я внимательно ее слушала, потупив взгляд, потом сообщала, что все поняла и постараюсь, если получится, больше так не делать. А когда я, с некоторым страхом и сомнением, поднимала глаза, то видела, что бабушка вовсе на меня не сердит-

ся, потому что взгляд у нее такой же ласковый и спокойный, как и всегда.

Я взяла книжку и вернусь в библиотеку. Про свечи я забыла. Записная книжка была заполнена до половины. Она содержала в себе массу полезной информации: расчеты по ремонту беседки и забора, рецепт варенья из малины с добавлением лимонной корки, телефоны неизвестных мне Иванов Петровичей и Михайлов Васильевичей, скорее всего, как-то связанных с ремонтом, какие-то даты и цифры, а также рисунки домиков, деревьев и кривобоких человечков. У бабушки была привычка в задумчивости, взяв карандаш или ручку, что-нибудь чиркать на бумаге. Особыми художественными талантами она не обладала, и ее рисунки напоминали работы учеников младших классов.

Один из рисунков меня особенно заинтересовал, так как выделялся среди прочих размерами и физиологической достоверностью. Это был рисунок глаза: зрачок, аккуратно заштрихованная радужная оболочка, изогнутые ресницы... А рядом – большой знак вопроса и запись аккуратным почерком: «спросить Степана Пантелеевича». Видимо, бабушка долго о чем-то размышляла, о чем-то, для нее непонятном, но известном некоему Степану Пантелеевичу. И это что-то, скорее всего, связано с глазами. Может, он окулист? Интересно, почему глаз всего один и почему эта запись сделана аккуратным каллиграфическим почерком, в то время как все остальные выглядят небрежными и пестрят сокращени-

ями?

Оказалось, он вовсе не окулист. Баба Груша на вопрос о Степане Пантелеевиче, сообщила:

– Степка-то? Да это ж профессор.

И небрежно махнула рукой.

– Профессор? – переспросила я, удивившись фамильярности тети Груши. – Это что, прозвище, что ли?

Я знала, как в деревне любят давать прозвища и как трудно бывает от них избавиться. Да что там трудно, вообще невозможно. Я, к сожалению, в свое время не смогла избежать действия этого древнего обычая. Очень надеюсь, что сейчас никто мое прозвище не вспомнит.

– Почему прозвище? Звание это его. Он с Федором, дедом твоим, в институте вместе работали.

– А почему вы его так... Степкой зовете? – поинтересовалась я. Все-таки было странно, что баба Груша звала какого-то малознакомого коллегу моего деда Степкой. Или я что-то не понимаю в деревенском этикете?

– Дак я их обоих, и деда твоего Федора, и Степку вот такими пацанами помню, – она показала ладонью примерно метр от пола. – Сама тогда такая же была, – добавила баба Груша задумчиво.

– Так он местный, из Васильков?

– Сам-то он городской, как и дед твой. Их на лето сюда привозили, подкормиться на деревенских харчах. Дачники

они, одним словом.

– А сейчас он где? – решила я выяснить все вопросы до конца.

– Да здесь, недалеко живет, на хуторе. Один, как сыч. Только псины у него две, огромные, говорят, зубастые. Я сама не видела, но люди болтают.

– Так он в деревню жить переехал?

– Дача у него это. Летом приезжает, живет. Иногда и зимой навещается. К нам заглядывает тоже, помнит.

– Так, значит, профессор, – задумчиво проговорила я.

Мой интерес к таинственному Степану Пантелеевичу как-то сразу уменьшился. Наверное, тоже филолог, и они с бабушкой обсуждали новейшие гипотезы о времени происхождения «Слова о полку Игореве» или спорили о том, в чьих стихах больше лиризма, Фета или Тютчева. Вряд ли это может иметь отношение к интересующей меня проблеме.

К бабе Груше приехала двоюродная племянница с дочкой. Баба Груша в последние два дня только о них и говорила. Я почему-то представляла эту племянницу как тетеньку неопределенных лет в цветастом халате. Почему? Убейте, не знаю. А племянница оказалась симпатичной улыбчивой девушкой, года на два-три меня старше. Когда я увидела на ней примерно такой же сарафан, как у меня, только не с ромашками, а с незабудками, я сразу поняла, что мы легко найдем общий язык.

– Привет. Ты, наверное, Катя, – племянница без промедления приступила к процедуре знакомства.

– Да. Я Катя. А ты, видимо, племянница. Почему-то баба Груша никогда не говорила, как тебя зовут.

– Я, кажется, знаю, почему, – улыбнулась племянница. – Меня зовут Изабелла.

– Что, правда?

– Ага. В свое время баба Груша жутко обиделась на моих родителей за это имя. Она хотела, чтобы меня назвали Варварой, в честь прабабушки.

– Тоже неплохо, – прокомментировала я.

– Так что она всю жизнь зовет меня Варей.

– А мне как тебя называть?

– Да как хочешь, – махнула рукой Изабелла-Варвара. – Друзья зовут меня Белкой, муж – Изюмкой, а дочка – Мусей. Я на все имена откликаюсь.

Она потрянула своей светло-каштановой шевелюрой, и снова улыбнулась, причем участвовали не только голубые глаза, губы и ямочки на щеках, но, по-моему, даже веснушки, живописно расположившиеся на носу. Я решила, что буду звать ее Белкой. Ей это имя очень идет, и, кроме того, я рассчитываю быть занесенной в список ее друзей.

– А вон там, на грядке с горохом, моя дочка. Ее зовут Алинка, и, кажется, больше никак.

В огороде сосредоточенно копошилась маленькая копия Белки, с такими же голубыми глазами, ямочками и веснуш-

ками, но с еще более светлыми волосами, к тому же волнистыми. Она срывала стручки гороха и почти целиком запикивала их в рот.

– Алина, горох нужно чистить, я же тебе показывала, – сказала Белка.

– Чистить долго, – объяснила Алинка. – И так вкуснее.

– У тебя может живот заболеть.

– Ну и пусть. Ты дашь мне таблетку, и он пройдет.

– Как ты думаешь, это вредно? – обратилась Белка ко мне.

– Думаю, нет, – решила я. – Горох очень молодой, стручки мягкие и, действительно, очень вкусные.

– Ну ладно, ешь, – Белка махнула рукой.

– Да что ж ты такая худая-то, – жалостно вздохнула баба Груша. – Не ешь же почти ничего!

Это после того, как я съела восемь пирожков с капустой, два с творогом и выпила кружку молока размером с маленькое ведерко! Вообще-то это моя недельная норма.

– Щей-то хоть поешь! Что твоя мать скажет? Голодом тебя тут морили? – Она снова покачала головой. – И эта тоже, – она посмотрела на племянницу. Сама худая, дочка – кожа да кости. И что вы там, в своем городе, едите?

– Мы вполне себе хорошо питаемся, – сказала Белка. – Конечно, таких пирожков нам никто не печет... – Она потянулась к тарелке с пирожками, но мощным усилием воли сама себя остановила и убрала руку за спину.

– Да, – подтвердила я, – таких вкусных пирожков я никогда в жизни не ела. Просто не могу остановиться.

Белка с завистью посмотрела на меня.

Баба Груша немного оттаяла, но так просто отступить от волнующей ее темы она не могла.

– Кто ж тебя замуж возьмет, такую тощую?

Вот, оказывается, что ее волнует.

– Знаешь, бабуля, – начала Белка необычно серьезным голосом. – Это в твоё время считалось: чем толще, тем красивее. Теперь все наоборот. Теперь мужикам подавай худых да стройных.

– Да, да, – закивала баба Груша. – Я видела по телевизору. Ходят – сами полуголые, длиннющие, худющие, аж ребра торчат. Но все в брильянтах...

– Вот такие дела, – продолжала Белка. – Кате замуж надо?

– А как же, – согласилась баба Груша. – Деток нарожать надо. А у нее – зад с кулачок.

Я прыснула и отвернулась.

– Ничего, замуж выйдет, там и отрастит до нужных размеров. А пока – приходится терпеть. Ей же богатого мужа надо, не какого-нибудь тракториста. Чтоб машина, квартира, дача на море...

Вот, оказывается, какие у меня планы.

– В общем, толстеть ей пока нельзя. Так что ты картошкой с салом ее не корми. Да и блинчики на сметане... не очень часто. Тут от одного молока можно так раздуться, ушей из-

за щек не разглядишь, – Белка встала и подошла к зеркалу.

Видно, уши были еще видны, потому что она вернулась к столу и налила себе из кувшина стакан молока.

– О, господи, – причитала баба Груша. – Где это видано: ребенка голодом морить.

– Я не ребенок, – отозвалась я. – Я девушка на выданье. Вот выйду за олигарха, подпишу брачный контракт, потом и отъемся, – я подмигнула Белке.

– Хантракт, хантракт, тьфу, – выразила свое отношение баба Груша.

– Ты меня просто спасла, – сказала я Белке, когда мы вышли прогуляться дома. – Ты не представляешь, что тут творилось до твоего приезда. Она в меня столько еды запихивала, я ходила, как бочонок на ножках.

– А теперь на меня перекинулась. И на Алинку. Нет, ну как они тут, в деревне, столько едят, да еще все такое калорийное, и не толстеют?

– А работают, знаешь, как?

– Да-а... Но мы-то отдыхаем. Я так ни в одно платье к концу отдыха не влезу.

– Ты что, собираешься лежа отдыхать?

– А что тут делать-то?

– Не волнуйся, дела найдутся. Хочешь быть в форме, надо отдыхать так, чтобы к вечеру еле доползать до кровати.

– Согласна. Надеюсь, у тебя есть план? – Белка хитро по-

смотрела на меня.

– Есть. А, Б и Ц. И еще несколько запасных. А все-таки здорово ты придумала, про мужа. Мне бы такое в голову не пришло.

Белка фыркнула и, уже знакомым мне движением, тряхнула волосами, откинув голову назад.

Следующей на очереди, в соответствии с тщательно разработанным мной планом поисков была веранда. Но я решила, перед тем, как всерьез браться за веранду, еще раз порыться в бабушкином комодe. И сразу же нашла еще одну записную книжку, на этот раз алфавитную, с адресами и телефонами. Она выглядела изрядно потрепанной, а так как моя бабушка была человеком чрезвычайно аккуратным, то из этого я сделала вывод, что книжка очень старая. В ней практически не было пустого места.

И тут вдруг в мою голову пришла мысль, которая уже давным-давно должна была там находиться, но почему-то опоздала. Эмма Константиновна. Вот кто мне нужен! Хотя я никогда в жизни ее не видела, но заочно мы с ней знакомы, причем она, скорее всего, из бабушкиных писем, знает обо мне гораздо больше, чем я о ней. А что, собственно, я о ней знаю? Только то, что живет она во Владивостоке. И что они с бабушкой дружат чуть ли не с ясельной группы детского сада и вместе учились в институте. И все. Читая свои письма, бабушка иногда передавала мне от нее приветы, ну и я тоже

просила передать привет от меня...

Я начала лихорадочно листать телефонную книжку, в поисках нужного мне имени. Я ведь даже не знала фамилии бабушкиной подруги! А, может, ее адрес и телефон бабушка знала наизусть, и поэтому их нет в записной книжке? Это было бы совсем некстати. Беспорядочный поиск ничего не дал, поэтому пришлось его упорядочить, начать с самого начала и планомерно, страница за страницей, двигаться к концу. При этом меня неотступно преследовало предчувствие, что, если Эмма Константиновна и вписана в эту телефонную книгу, то непременно на самой последней странице.

Эмма Константиновна все же нашлась, причем не в конце, а в середине. Я, затаив дыхание, смотрела на номер телефона, предваряемый кодом Владивостока в скобках. Неужели все так просто? Я сейчас позвоню, спрошу у Эммы Константиновны о сокровищах и все узнаю... Моя рука застыла на полпути к телефону. Потом я ее отдернула, чтобы она не вздумала двигаться по этому пути дальше. Не надо спешить, сказала я себе. Надо все хорошенько обдумать. И лучше сделать это завтра, на свежевыспавшуюся голову, а не сегодня. Вечером, после шести, думать вредно.

Я спала в той самой комнате, где жила всегда, когда приезжала. Конечно, бабушкина спальня больше, в ней два окна и зеркало в старинной раме, но... Мне показалось, что было бы неправильно, если бы я поселилась там. И вовсе не пото-

му, что бабушка была бы против. Сама не знаю, почему. И потом, эта, меньшая спальня всегда считалась моей. Я к ней привыкла. Я ее любила и снова чувствовала себя здесь десятилетней девчонкой, у которой голова идет кругом от ничем не ограниченной свободы, от невероятных и заманчивых возможностей, о которых в городе и мечтать не приходится.

Бабушка никогда не мешала мне делать все, что мне хотелось. Я лазила по деревьям (в том числе и в чужих садах), плавала на плоту, бродила, где вздумается с ватагой ребятни, строила «штабы» и исследовала чердак в поисках сокровищ... Все повторяется. Сокровища я тогда все же нашла. В жестяной банке из-под леденцов. Помнится, это были какие-то украшения: бусы, сережки, заколки. Я была в диком восторге. И только через несколько лет догадалась, что это сама же бабушка мне их и подкинула. Интересно, куда я их потом дела? Совершенно не помню. Наверное, где-то здесь и лежат. Надо будет поискать. Хотя, что это я? Я же ищу что-то совсем другое. Знать бы еще, что именно.

Окно моей спальни выходит в сад, и я всегда любила сидеть на широком удобном подоконнике. Вот и сейчас я взгромоздилась на подоконник вместе с ногами (поместилась, к счастью) и предавалась воспоминаниям. Вечернее солнце золотило верхушки деревьев, в комнату проникал свежий ветерок, наполненный запахом травы, возле подсолнуха, неизвестно почему выросшего рядом с моим окном, жужжала оса. Из окна мне была видна дорога, проходившая

за бабушкиным огородом. По ней, поднимая пыль, пронесся уже знакомый мне черный джип. Он настолько не вписывался в тихий умиротворенный деревенский пейзаж, что его появление вывело меня из состояния задумчивости. Что-то в Васильках становится слишком оживленно. Я спрыгнула с подоконника и направилась в ванную, чтобы умыться.

Я открыла дверь ванной, еще не включив свет, сделала шаг вперед и отпрянула, потому что в лицо мне прыгнуло что-то мягкое и мохнатое. Я вскрикнула и отступила назад. Сердце гулко билось о грудную клетку, его удары отдавались в ушах.

В ванной царил полумрак, но света, проникающего через окно, было достаточно, чтобы все видеть. На полу у моих ног лежало банное полотенце, большое и пушистое. В сине-белую полоску. Обычно оно висит на крючке около ванны, метрах в двух от двери.

Я включила свет и не увидела ничего особенного. Все как всегда. Безупречный порядок, все вещи на своих местах, чистота и красота. Только полотенце, лежащее на полу, выбивается из общей картины. Я машинально подняла его и положила на бак для белья. Еще раз оглядев ванную комнату, я вышла, прикрыв за собой дверь. Колени почему-то дрожали, а в руках была такая слабость, что я с трудом выключила свет.

Весь следующий день я старалась не думать об этом по-

лосатом полотенце. Убрала его в бак для белья, взяла новое и повесила его на тот же крючок. Но каждый раз, открывая дверь ванной, я чувствовала, что внутри у меня что-то напрягается, словно сжимается какая-то пружина.

Вместо полотенца я стала думать об Эмме Константиновне. Когда я совсем уже решила, что глупо прятать голову в песок, то есть оттягивать звонок, который может оказаться в моем деле решающим, и неважно, что после этого звонка «мое дело» может развеяться, как дым, до меня дошло, что Владивосток находится в другом часовом поясе. Сейчас там ночь! Так что придется отложить звонок как минимум до завтра.

А сегодня на очереди была кладовка. Безрезультатно. Зато я навела там порядок. Вытерла пыль и рассортировала все предметы по смыслу: гвозди с шурупами и гайками, молотки с отвертками, банки с корзинками, резиновые сапоги с дождевиками и так далее. Логика всегда была моей сильной стороной.

Все-таки я рассказала Белке о произошедшем со мной загадочном недоразумении. Это произошло под вечер, когда мы сидели у бабы Груши в саду.

– А ты бы что делала, если бы на тебя прыгнуло полотенце? – спросила я Белку, закончив рассказ.

– Я бы взяла палку и билась с ним насмерть, – с улыбкой сказала Белка, но, увидев мое серьезное лицо, добавила – Не

знаю.

– Вот видишь. И я не знала.

– Наверняка этому есть какое-то простое и понятное объяснение.

– Хотелось бы его знать.

Атмосфера неуловимо изменилось. Вроде бы все так же, как и было несколько минут назад: светильник под зеленым абажуром освещает стол, кошка растянулась на крыльце, Алинка, высунув кончик языка, что-то сосредоточенно раскрашивает фломастерами... Но у меня возникло ощущение, что по спине потянуло холодным влажным ветром. Я даже оглянулась, но ничего не увидела, кроме сгущающихся сумерек.

– Может, останешься у нас? – спросила Белка.

– Ни за что, – воинственно заявила я. – Это мой дом, он мне нравится, и я не позволю... – я замаялась. – В общем, ничего никому не позволю.

– Какая ты смелая, – восхитилась Белка. – Я бы на твоём месте испугалась.

– Так и я испугалась. И сейчас немного боюсь, – разоткровенничалась я. – Но я не позволю страху... – начала я торжественно, потом посмотрела одним глазом на Белку, и мы рассмеялись. – Да ну их всех. Я просто лягу спать. Устала, как собака. На сене.

– Если что – звони. Я положу телефон под подушку.

Я пошла домой и легла спать. Уснула, даже не успев тол-

ком поздороваться с подушкой.

Глава 4, в которой появляется тракторист Ваня, а все остальные предаются разгулу

– Привет, – говорю я и чувствую себя немного странно. Я никак не могу поверить, что этот интеллигентный мужчина в очках без оправы и есть Колька Сопля, который когда-то стрелял в меня из рогатки перезрелыми сливами только на основании того, что я младше и не могу дать сдачи.

– Привет, – говорит Колька. И смотрит на меня, округлив глаза. – Ну ты... вообще, – говорит он. – Невозможно поверить.

– Ты тоже, – киваю я.

Мы улыбаемся, и неловкость постепенно исчезает. Он снимает очки, и я вижу те же хитрые и одновременно с этим доверчивые глаза. Понятно, что этот человек готов и подлянку какую-нибудь устроить ближнему, не со зла, а чтобы весело было, и поверить во что-нибудь совершенно необыкновенное, вроде русалки, которая живет в лесном пруду и может утопить тебя, если ты ей не понравишься. А если понравишься... ну, не знаю, что он там себе представлял в тринадцать лет.

– А я вот своих пацанов в деревню привез. А то они дума-

ют, что морковка в супермаркете растет, а молоко из коровы выходит прямо в пакетах.

– Сколько их у тебя?

– Кого?

– Пацанов.

– Двое. Близнецы. Егор и Данила. По пять лет, – отчитался Колька.

– Да-а, представляю, – протянула я. – Ну, им тут понравится, я уверена.

– Еще бы, – усмехнулся Колька. – Они уже весь дом на уши поставили. Бедная моя бабка. Светка-то ничего, привыкла. Они у нее как в армии – железная дисциплина.

– А они с девочками дружат? – спрашиваю я.

– С девочками? – удивился Колька. – Дружат, наверное.

Смотря какие девочки.

– Девочка одна. Зовут Алина. К бабе Вере племянница приехала с дочкой. Тоже пять лет, – объяснила я.

– О, – сказал Колька. – Я вижу, собирается компания. Надо их познакомить.

– Надеюсь, ты их не учил... из рогатки. Сливами.

– Нет еще, – ничуть не смутился Колька. – Потом научу.

А ты что, до сих пор обижаешься?

– Да нет. Просто вспомнилось.

– А помнишь, как ты на спор залезла на самый высокий дуб, а потом слезть не могла?

– А помнишь, как тебя бык рогами поддел, когда ты перед

его носом бабкиной красной юбкой размахивал? – не осталась я в долгу.

– До сих пор шрам остался, – Колька задрал майку и показал белый рваный шрам на боку.

Мне показалось: еще немного, и мы начнем хвастаться друг перед другом, у кого больше и страшнее синяки и ссадины.

– Слушай, пойдем ко мне в гости, я тебя со своими познакомлю. Или вот что: приходите сегодня вечером вместе с бабыгрушиной племянницей и ее дочкой. Посидим, поболтаем, чаю попьем. Или еще чего, покрепче.

– Хорошо, мы придем.

– Ну, тогда до вечера, – распрощался со мной Коля.

Итак, вечером в среду я вышла из дома в своем любимом сарафане с ромашками и в новых бело-голубых кедах. Летнее солнце клонилось к закату.

Я закрывала калитку, когда услышала за спиной:

– А вы чьих будете?

– Я – ничьих, – говорю, – просто погулять вышла. – А вы кто?

– А я... это... тракторист.

– Новый? – спросила я. Я еще помнила дядю Сашу-тракториста, который в свободное от работы время громко и невпопад играл на гармошке, выпив для храбрости пару стаканов самогона.

– Ага. Новый, – ответил тракторист.

Я окинула взглядом его внушительную фигуру в потертых джинсах и белой майке. При таком размахе плеч он, по-моему, может и без трактора вспахать целое поле. С плугом в руках. Глаза у него голубые, а волосы торчат в разные стороны, как будто он только что с сеновала слез. В ухе серьга. Да, прогресс и до деревни докатился.

– Меня Иваном зовут, – представился тракторист.

– Ваня, значит. Очень подходяще.

– Для чего?

– Для тракториста. А где же ваш трактор?

– А, – Ваня неопределенно махнул рукой. – Загорает. Колесо менять надо.

– Что ж вы его одного-то бросили? – укоризненно спросила я.

– Кого?

– Да трактор ваш.

– С этим колесом часа на два возни, а мне что-то так жрать захотелось, извините, кушать... В общем, решил перерыв устроить.

– Ну, тогда не буду вас задерживать. А то еще, чего доброго, в голодный обморок упадете. Возись потом с вами.

– Ни за что на свете! – пылко возразил Ваня. – Голодные обмороки не в моем стиле, – добавил он более спокойно.

Через пять минут светской беседы мы перешли на «ты», я сообщила свое имя и узнала номер его телефона. Я бы не

стала его запоминать, но он сам запомнился: почти все цифры одинаковые.

– Ну ладно, я пойду, – сказала я. – Дел куча.

– Корову подоить, кур пощупать, – усмехнулся Ваня.

– Ага. А потом у меня дружеская встреча. Да и твой трактор, наверное, по тебе соскучился.

– А может, это... – Ваня замялся.

– Что – это?

– Сходим куда-нибудь? Не сегодня, так завтра.

– На сеновал? – невинным голосом спросила я.

Ваня опустил глаза и, кажется, даже немного покраснел. А говорят, молодежь нынче испорченная. Приехали бы к нам в Васильки, посмотрели на это чудо природы – застенчивого двухметрового тракториста с серьгой в ухе...

– Я хотел сказать: прогуляться.

– Обязательно сходим. Только не сегодня. Может быть, на следующей неделе, если дождя не будет.

Я помахала Ване рукой и пошла в сторону бабыгрушиного дома, чувствуя спиной неотрывный пристальный взгляд.

Когда я сообщила Белке, что мы идем в гости знакомить Алинку с двумя кавалерами, ее, Белку с моим другом детства и его семьей, а меня с его женой, она не выразила восторга.

– Гости, особенно в деревне, – это всегда обжираловка. А еще, не дай бог, самогон пить заставят.

– Никто никого не будет ни к чему принуждать, – завершила я Белку. – Колька Сопля и его семья – вполне приличные люди...

Белка усмехнулась.

– Ты же, вроде, с его семьей еще не знакома.

– Да, но судя по тому, как выглядит сам Колька...

– А как он выглядит?

– Ну, не знаю... – я задумалась. – В общем, Соплей я бы его в глаза называть не стала. Кажется, его хронический насморк закончился, и вообще... сама увидишь.

– Вообще-то, я собиралась начать здесь новую жизнь, – заявила Белка.

– Ну, ну, – хмыкнула я. – Бегать по утрам, делать зарядку, правильно питаться, естественно, не пить и не курить... И еще, наконец, по-настоящему возьмешься за английский. Надо провести лето с пользой.

– Ага, – удивленно и растерянно кивнула Белка. – Я даже учебники с собой взяла. Знаешь, в институте все как-то некогда было... То одно, то другое... И похудеть немного не мешало бы. А еще я хотела закаляться. Обливаться ледяной водой из колодца. А как ты догадалась?

– Очень просто. Мне тоже такие мысли в голову приходили, когда я сюда собиралась. Но я-то учебники не взяла.

– И что же тебя остановило?

– Мой любимый брат.

– Да? – заинтересованно спросила Белка.

– Он сказал: «Чего их туда-сюда без толку возить. Пусть дома полежат, им здесь лучше». Я как-то сразу ему поверила.

– Да... – протянула Белка.

– Он меня хорошо знает.

– А я все-таки попробую, – уже не так бодро, как вначале, сказала Белка.

– Пробуй, конечно, – поддержала я. – Ты – совсем другое дело. Вдруг у тебя железная воля и стальные нервы.

– Вдруг... – согласилась Белка.

– А я буду предаваться лени, как совершенно безвольное существо.

Белка с завистью вздохнула и пошла переодеваться.

– Обязательно надо, за встречу, за знакомство, – сказала баба Вера, Колькина родная бабушка по материнской линии, и водрузила на стол пузатую стеклянную бутылку с неизвестной жидкостью очень красивого малинового цвета.

– Что это? – хором спросили мы с Белкой.

– Настоечка, – объяснила баба Вера. – Черносмородиновая.

– Интересно, сколько в ней градусов? – с подозрением спросила Белка.

– Да ты не бойся, – баба Вера всплеснула руками. – Она слабенькая. Наши мужики у меня берут самогон запивать.

Коля подмигнул нам всем обоими глазами, баба Вера достала маленькие граненые стаканчики, и началась проце-

дура разлития напитка. Был произнесен предсказуемый тост «за встречу» и мы выпили.

– Интересный вкус, – сказала Белка.

– Сладенькая, – сказала я.

– Я же говорю: канпот, – подтвердила баба Вера. – Я туда еще бруснику добавляю, ежевику и горсть сушеной малины.

Следующий тост был за бабу Веру, на что она смутилась, выпила, и пошла загонять корову.

– Хочу вам сказать, – заговорщицким шепотом произнесла Света, Колина жена, как только баба Вера вышла, – этот экзотический компот оказывает на людей очень странное действие. Я-то его уже пробовала, поэтому больше двух рюмок пить не собираюсь.

И она протянула руку к третьему по счету граненому стаканчику.

– Очень возможно, что баба Вера добавляет в свою настоечку мухоморы или еще какое галлюциногены, – предположил Колька. – Я как-то привез бутылочку домой, угостил опытных в этом деле друзей. Им страшно понравилось.

Мы с Белкой переглянулись и взяли в руки стаканы, которые Коля наполнял очень проворно. Настойка была, действительно, очень вкусная. Она пахла лесными ягодами, душистыми травами и еще чем-то очень летним и радостным.

Потом пришла баба Вера. Потом детей уложили спать на матрасах, расстеленных на полу. Потом мы вышли в сад, прихватив с собой уже ополовиненную бутылку и стаканы.

Потом у меня в памяти пробел.

Помню только, что мы, почему-то шепотом, пели песни группы «Рамштайн», хотя никто из нас, насколько я знаю, немецким не владеет. Еще помню, что мы танцевали. Польку-бабочку. Парами и под соответствующую музыку. Но откуда взялась музыка, ума не приложу.

Потом мы проводили меня. Потом Белку. Потом снова меня, но Белка почему-то все еще была с нами...

Чем все это кончилось, не знаю.

Первый раз в жизни проснулась в кедах. Но под чистыми простынями. Выпила три ковша воды, приняла холодный душ. Вроде нормально. Решила проведать Белку.

– Мама заболела, – сказала мне Алинка, встретившая меня у калитки.

– Плохо, – сказала я.

– Мама говорит, ничего страшного. Просто надо немного полежать. Просила меня не петь, – обиженно добавила Алинка.

– А тебе очень хочется? – спросила я.

– Очень, – кивнула я.

– Ну тогда ты иди в сад, в самый дальний уголок. Туда, где крыжовник растет, знаешь? – Алинка кивнула, – и там пой.

– А кто меня будет слушать?

– Там живут бабочки, жучки и божьи коровки. И еще птички иногда прилетают. Они очень любят, когда им поют

песни.

– Тогда я спою им песню про кораблики, – радостно выкрикнула Алинка и побежала в сад.

Белка лежала на диване с мокрым полотенцем на голове. Бледная и раскисающаяся.

– Что, плохо? – спросила я.

– Плохо, – сказала Белка.

– Ничего, пройдет.

Белка посмотрела на меня с нескрываемым упреком.

– Эта ваша настоечка... – начала она.

– Чья это – ваша? – возмутилась я. – Лично я не имею к ней никакого отношения.

– Ты меня туда привела, – сказала Белка прокурорским голосом.

– Я не виновата, – жалобно произнесла я. – Меня саму коварно заманили. Но от бабы Веры я такого не ожидала.

– Больше никогда, – сказала Белка.

– Абсолютно с тобой согласна. Никогда. Только чай и лимонад.

– Еще кефир и рассол, – подхватила Белка. – У тебя хоть голова не болит.

– Утром тоже болела. Немного. Но это мелочи. Главное – как-то неловко вспоминать, что мы водили хоровод вокруг яблони...

– Что? – Белка вытаращила на меня глаза. – Разве такое было?

– Было.

– О-о, – застонала Белка.

Я погладила ее по голове.

– Завтра же начну новую жизнь, – сказала Белка и обхватила голову руками. – Нет, лучше сегодня. Вот прямо сейчас пойду и обольюсь водой из колодца. Поможешь?

– С удовольствием, – ответила я, и мы пошли к колодцу.

Я открыла крышку, заглянула во влажную темноту и опустила туда ведро, прикованное к толстой цепи. Цепь бодро раскручивалась, ведро гремело о стенки колодца, Белка недовольно морщилась от этих звуков.

Обратно ведро шло тяжело, я в поте лица крутила ворот колодца, а Белка задумчиво смотрела на движущуюся цепь. Когда ведро оказалось на одном уровне с краем колодца, я взяла его за ручку, немного ослабила цепь, ухватила другой рукой за дно и... опрокинула его на Белку. Она завизжала и отскочила, но уже после того, как на нее вылилось литров пятнадцать ледяной колодезной воды.

– Ах, вот ты как! – Белка откинула со лба мокрые волосы и уперла руки в бока. Ее глаза сверкали так грозно, что я на всякий случай положила ведро и ретировалась за колодец.

– А что? – спросила я невинным голосом. – Ты же сама хотела обливаться.

– Но не в одежде же! – воскликнула Белка. – И не так неожиданно.

– Ты что, собиралась тут раздеваться? – спросила я, огля-

дываясь по сторонам.

Из-за заборов и из-под занавесок уже выглядывали любопытные лица. Колодец-то посреди улицы.

– Да, об этом я не подумала.

– А я подумала.

– Слушай, а мне ведь лучше стало. Голова прошла. – Белка осторожно помотала головой из стороны в сторону. – Точно, не болит.

– Вот видишь. Может, еще разок? – предложила я.

– Ну уж нет. Разве что тебя облить. Для равновесия.

– У меня-то с головой все нормально. И закаляться я никогда не собиралась.

– Ладно, пошли, – сказала Белка. – Надо переодеться. Здесь сейчас вся улица соберется. Можно подумать, они никогда не видели, как люди занимаются оздоровительными процедурами.

Я посмотрела на Белку. Ее шорты обвисли, футболка прилипла к телу, волосы висели отдельными прядями. Но зато глаза были веселые, и щеки разрумянились. Закаливание – страшная сила.

Глава 5, где романтическая пара совершает прогулку по кладбищу, а из книги исчезают страницы

Меня мучили сомнения. Я не знала, стоит ли рассказывать кому-нибудь о сокровищах. И дело не в том, что я боялась конкуренции или кровавой дележки с потерей человеческого лица, как это обычно бывает в книгах и фильмах о поисках кладов. Мой страх был гораздо более тривиальным: я боялась выглядеть глупо. У меня есть некоторый опыт в этой сфере, и он принуждает меня к осторожности. Обычно, когда доходит до дела и уже никуда не деться от дружеских снисходительных взглядов и похлопываний по плечу, выражающих непритворное сочувствие моим скудным умственным способностям, я веду себя мужественно и встречаю насмешки лицом к лицу. Но, если есть способ избежать подобной ситуации, меня тянет им воспользоваться.

Так что Белке я пока решила ничего не говорить. Сразу после водных процедур она попросила меня отвезти ее в Мальцево, чтобы посетить там магазин, в котором есть альбомы и краски, жизненно необходимые Алинке.

– Я взяла с собой целую кипу альбомов, но она уже все изрисовала! – пожаловалась моя мокрая подруга.

Итак, Белка переоделась, уложила Алинку спать, выпила три стакана простокваши, еще раз проинструктировала бабу Грушу, что делать с Алинкой, когда она проснется, и мы помчались.

До Мальцево чуть больше десяти километров по отнюдь не гладкой дороге, ехала я медленно, осторожно объезжая каждую кочку и выбоину, так что у знаменитого камня мы оказались не раньше, чем через двадцать минут.

– Ух ты! – воскликнула Белка. – Прямо как в сказке!

– Ты что, на самолете в Васильки прилетела? – поинтересовалась я. – По дороге этот камень никак не объедешь.

– Меня привезли. А в последние полчаса я вообще дороги не видела. Алинка раскапризничалась, я ее успокаивала.

– Ну, тогда смотри. Места тут очень живописные. И очень путанные. Лично я, когда ехала в Васильки, на этом самом месте заблудилась.

И я рассказала Белке историю с вороной.

– А, может, съездим, навестим ее? – предложила Белка. – Так вот запросто, по-дружески.

– Думаю, не стоит, – покачала я головой. – Она мне в прошлый раз очень по-дружески намекнула, что не стоит околачиваться на ее территории.

– Страсти-то какие, – произнесла Белка. – Ой, мы этот камень уже проехали! – воскликнула она через секунду. – А я хотела почитать, что на нем написано...

– Не надо.

– Почему?

– Боюсь, после этого ты станешь совсем другим человеком. И ничто уже не вернет тебе веру в прекрасное будущее для всех людей земли.

– Что, все так ужасно? А ты откуда знаешь? Останавливалась? Читала? – допытывалась Белка.

– Я – нет. А вот мой брат Борис Андреевич читал. И мне отсоветовал.

– А мне теперь еще больше хочется, – призналась Белка.

– Эх ты, – со вздохом произнесла я и укоризненно покачала головой.

По пути в магазин мы проехали почту, и меня осенила гениальная идея – отправить любимому брату телеграмму с вызывающим или загадочным текстом. Пусть удивляется и голову ломает. Я поделилась идеей с Белкой, она ее одобрила и, предоставив мне возможность самой осуществлять задуманное, отправилась в покупать вожеленные альбомы.

Мальцевская почта располагалась в старом кирпичном доме с решетками на окнах, белой надписью на синем картоне «Почта Телефон Телеграф» и деревянным крыльцом. Внутри стоял странный затхлый запах, а за облезлой стойкой сидела тетенька в соломенной шляпе с лохматым розовым цветком. Она усердно заполняла какие-то бланки и едва на меня взглянула.

– Добрый день, – поздоровалась я.

Она буркнула мне в ответ что-то неразборчивое.

– Я бы хотела отправить телеграмму...

– Подождите, – огрызнулась надменная работница единственного на ближайшие сто пятьдесят квадратных километров почтамта.

От нечего делать я уставилась на розовый цветок. Интересно, из чего он сделан? Похоже на искусственные перья. Или они все же натуральные, просто выкрашены в розовый цвет и старательно разлохмачены? И кому пришла в голову гениальная идея прикрепить его на этот хлипкий головной убор, его владелице или самому неизвестному производителю? И зачем, вообще она нацепила эту шляпку, если в помещении солнца нет, а ее огромный нос шляпка несколько не прикрывает?

Я не успела как следует обдумать ответы даже на половину этих вопросов, как тетенька, по-видимому, устав от тяжести моего взгляда, встала, продефилировала к облезлому комоду, порылась его недрах и с видом победителя извлекла пожелтевший от времени бланк. Бросив его на стойку перед моим носом, она буркнула:

– Заполняйте.

Только тут я поняла, что текст в моей голове еще не сложился. Что я могу написать такого, чтобы у Борьки, хотя бы на секунду, глаза заползли на лоб? Хотя это может случиться благодаря самому факту получения телеграммы, хотелось бы чего-то для верности, контрольный, так сказать,

выстрел. В итоге я настрочила: «приветик развлекаюсь белой сокровищ нет страшно весело». Я слышала, что в телеграммах исключают предлоги и знаки препинания и неукоснительно следовала этому правилу. А что, прикольно.

Я думала, и даже надеялась, что тетенька в шляпе удивится содержанию телеграммы, но она и ухом не повела. Жаль.

Оказавшись дома, я первым делом схватилась за телефон и набрала номер Эммы Константиновны. Мои колени слегка подрагивали, а в животе что-то колелось, как будто там поселился небольшой ежик. Буквально через пару минут я могу услышать разгадку самой таинственной тайны всей моей жизни! Только бы не запутаться в объяснениях. Длинные гудки оборвались, мне ответили.

– Алло, – произнесла я бодрым голосом. – Могу я поговорить с Эммой Константиновной?

– А кто ее спрашивает? – поинтересовался женский голос.

– Знакомая, – пробормотала я.

– Странно, – произнесла моя собеседница. – Я думала, что знаю всех маминых знакомых. Может, вы все же представитесь?

– Пожалуйста. Меня зовут Екатерина Андреевна Аверина.

– Что? – услышала я удивленное восклицание. – Но это же... Этого не может быть.

– Почему? – удивилась я. – Меня действительно так зовут.

– Наверное, это какой-то обман, – пробормотала женщина. – Я слышала, сейчас много разных аферистов... Витя! – крикнула она кому-то.

– Да подождите, я вовсе не аферистка. Я вообще не понимаю, с чего вы это взяли...

– А с того. Вы представились, как мамина подруга, которая умерла несколько лет назад.

– Ой, – вырвалось у меня.

– Вот тебе и «ой», – с неприкрытым торжеством в голосе произнесла моя оппонентка.

– Я совсем забыла, что у нас с бабушкой все одинаковое: и фамилия, и имя, и отчество...

– Так, значит, вы внучка Екатерины Андреевны!

– Ага, – с облегчением выдохнула я.

– Приятно познакомиться, – голос моей собеседницы сразу стал ласковым и вежливым. – А я дочка Эммы Константиновны. Меня Ольгой зовут.

– Мне тоже очень приятно, – сказала я. А что тут еще скажешь?

– А я помню вашу бабушку. Мы к вам приезжали с мамой, я тогда еще совсем девчонкой была... А вас и на свете не было, – добавила она.

Я побоялась, что она сейчас пустится в воспоминания, и осторожно намекнула:

– Мне бы хотелось поговорить с Эммой Константиновной. У меня к ней один вопрос...

– К сожалению, это невозможно, – тяжело вздохнула Ольга.

– Я надеюсь... с ней все в порядке?

– Мне бы очень хотелось ответить утвердительно, но пока еще рано... Доктор говорит, что здоровье у нее довольно крепкое, и она выкарабкается.

– Она заболела? – воскликнула я.

– Упала с лестницы. Вернее, со стремянки. Сотрясение мозга. Говорила я ей... Да, что теперь, – она снова вздохнула.

– Извините за беспокойство, – пробормотала я.

– Да, какое беспокойство. Приятно было познакомиться. Может, я смогу чем-то помочь?

– Вряд ли. То, что я хочу спросить, наверное, знает только Эмма Константиновна...

Может, и нет, но я пока не готова раскрыть карты.

– Позвоните недельки через две. Я очень надеюсь, что к тому времени маму выпишут.

– Спасибо. Я позвоню. До свидания.

И я положила трубку.

Итак, что мы имеем? Ничего. Надеюсь, с Эммой Константиновной все будет в порядке. Все-таки сотрясение мозга в таком возрасте – это не шутка.

Я с удовольствием окинула взглядом полки с книгами. Полки были от пола до самого потолка, и на них совершенно не было свободного места. Напротив, я знала, что за пер-

вым, видимым, рядом книг скрывался второй, невидимый. Раньше мне нравилось наугад взять с полки книгу и посмотреть, что прячется за ней. По правилам придуманной мной же игры, я должна была взять книгу из скрытого ряда, стоявшую за выбранной, и прочитать ее. Не всегда попадались легкие для чтения книги, вроде «Острова Сокровищ» или «Приключений Тома Сойера». Помню, лет в двенадцать я взялась за «Войну и мир», причем длинные описания и сцены сражений пропускала, меня больше интересовала история бедной Наташи Ростовой, у которой так долго не получалось встретить своего единственного...

Кто же составит мне компанию на сегодняшний вечер? Я пробежала глазами по полкам с поэтами. Блок, Есенин, Ахматова... Было бы приятно погрузиться в стройный мир упорядоченных фраз и подтекстов со многими смыслами... Но не сегодня. Сегодняшнее мое настроение требует чего-то другого. Только вот чего? Глаза мои зацепились за золотую надпись на темно-синем переплете. «Мастер и Маргарита». Моя первая взрослая книжная любовь... Я так любила эту книгу, что перечитывала раз восемь, не меньше. Я ее и сейчас люблю. А вот еще Булгаков. Я взяла в руки темно-синий том, открыла его, и, вдыхая специфический книжный аромат, прочитала содержание. Пьесы. «Адам и Ева», «Блаженство», «Иван Васильевич»... Ага. Именно это мне и нужно. Я знала, что очень забавный и всеми любимый фильм «Иван Васильевич меняет профессию» снят по пьесе Булгакова, но

никогда эту пьесу не читала. Очень интересно.

Я нашла нужную страницу и приступила к первому действию.

По мере прочтения, я незаметно переместилась из библиотеки на кухню, включила электрический чайник, и, отодвинув вазочку с клубничным вареньем, достала из холодильника плитку шоколада.

Никто не смог отучить меня от вредной привычки читать за едой. Мама билась, папа бился, бабушка тоже говорила, что это неуважение к автору, что это все равно, что придти в филармонию и посреди концерта для скрипки с оркестром достать из кармана бутерброд и начать уплетать его, запивая лимонадом.

С этим я не могу согласиться. Так можно дойти до того, что перед тем, как взять в руки книгу, нужно надевать смокинг или вечернее платье. Чтение – вещь личная, почти интимная. Я же для себя читаю, а не слушаю чтеца со сцены (если такие еще бывают). Так что это мое дело, где читать: в ванной, за столом или вообще на ходу, при перемещении из точки А в точку Б.

От книги меня оторвал какой-то грохот. Я не сразу сообщила, что это кто-то стучится в окно гостиной. В Васильках ни у кого нет дверных звонков. Гости обычно заходят в калитку и стучат в окно или в дверь. Или кричат. Кому что больше нравится. Интересно, кого это там принесло?

Я отодвинула книгу, встала и прошла в гостиную. За окном маячило знакомое лицо. Я открыла дверь и вышла на крыльцо.

– Привет, – сказал Ваня.

– Добрый вечер.

– Я подумал: не случилось ли чего.

– С какой стати?

– Уже больше суток прошло, а ты не звонишь, – объяснил Ваня.

– А-а.

– Тут может быть два варианта: или ты не запомнила номер моего телефона, или с тобой что-то случилось.

– Есть еще третий вариант, – сказала я.

– Знаю, – Ваня посмотрел на свои кроссовки, потом поднял глаза на меня. – Но мне он совершенно не нравится. Так что мы его вычеркиваем.

– Вроде со мной все в порядке, – говорю я. – В основном.

– Так значит, ты все-таки не запомнила номер? – спросил Ваня.

– Да, – ответила я. – Память у меня неважная. Особенно на цифры. И на буквы. Может, ты мне еще раз его продиктуешь?

Он продиктовал. Цифры те же самые. Все одинаковые, кроме одной. Не запомнить такое мог только умственно отсталый.

– Ну, теперь запомнила, – говорю. – До свидания. – И по-

врачиваюсь, чтобы закрыть дверь.

– Когда я снова тебя увижу? – спрашивает Ваня.

– Я подумаю и сообщу.

– А может, я увижусь с тобой прямо сейчас?

– В каком смысле?

– В прямом. Приглашаю тебя на прогулку. Осмотреть местные достопримечательности.

– Это какие? Коровник, клуб и кладбище? – фыркнула я.

– Зря ты так, – обиделся Ваня. – В Васильках много интересного.

– Ну, тогда давай все делать как положено в Васильках. Я накину на плечи платок, возьму семечек, мы сядем на скамейку возле моего дома, и ты мне об этих достопримечательностях расскажешь. Только недолго, у меня там книжка недочитанная.

– Давай, – обрадовался Ваня.

Мы уселись на скамейку, и я сразу же заметила, что тюлевая занавеска в доме напротив, где живут баба Глаша и дед Митяй, отодвинулась и задернулась снова. Ну все, завтра вся деревня будет знать, что мы с Ваней сидели вечером на скамейке, и делать из этого далеко идущие выводы.

Ваня оказался хорошим рассказчиком. Оказывается, у Васильков интересная история. Нашему кладбищу более трехсот лет, на месте клуба сто лет назад стоял огромный помещичий дом, почти дворец, ну, а коровник... коровник сам по себе ничем не примечателен, но, возможно, именно

на этом месте (кто знает?!) останавливались кочевники пару тысячелетий назад, или пировали русский богатыри, празднуя свои победы, или... Даже я высказала несколько предположений по поводу того, что могло находиться на месте коровника в таком исторически важном и примечательном месте, как Васильки.

Кончилось тем, что Ваня повел меня на кладбище. Показать старые могилы. Смеркалось. На кладбище – ни души. Ваня открыл калитку, от пронзительного скрипа которой я невольно вздрогнула. Я никогда не заходила на это кладбище. Бабушка похоронена на городском, рядом с дедом, так что делать мне здесь было вроде бы нечего.

Взглянув на невозмутимое лицо Вани я тоже успокоилась, и он начал экскурсию. Странное у меня от нее осталось впечатление. Перед глазами проходила вереница людей, которые жили в Васильках пятьдесят, восемьдесят, сто лет назад. Рождались, влюблялись и женились, растили детей, радовались и печалились... Где они теперь? Может, в шелесте листьев этих высоких берез, или в цветах, которые растут здесь так буйно и цветут так ярко...

Когда мы вышли с кладбища, было совсем темно. Я для храбрости взяла Ваню под руку и он расцвел довольной улыбкой. До моего дома мы шли молча, предаваясь грезам об ушедшем.

Вернувшись, я снова решила взяться за «Ивана Василье-

вича». Книга лежала открытая, там, где я ее и оставила – на столе в кухне. Я взяла ее и пошла в библиотеку, чтобы там удобно устроиться в кресле и включить торшер.

В библиотеке, среди книг, наблюдающих с полок, читать было особенно приятно. Хотя у меня есть еще одно любимое место: бабушкино кресло-качалка в гостиной. Обожаю его. Итак, на чем я остановилась? Кажется, Милославский подарил шведскому послу какую-то там волость... Что это? Совершенно другой текст. Я полистала книгу, потом закрыла ее, немного подумала и просмотрела оглавление. Ничего не понимаю.

Во-первых, это вообще не пьесы. Во-вторых, это же «Собачье сердце»! Что за чертовщина?! Я этот том даже в руки не брала, и уж тем более не оставляла открытым на столе. Я вертела в руках книгу, не зная, что и думать. А уж тем более – что делать.

Я сходила на кухню и посмотрела на стол. На нем не было никаких книг, так же, как и под ним. Я зашла в свою спальню и в бабушкину. Потом в гостиную. В гостиной я поправила картину на стене, которая почему-то висела криво. Я заглянула даже в ванную, где все было как обычно. После этого я вернулась на кухню. Ведь все случилось именно здесь. Я оглянулась по сторонам и снова не обнаружила ничего, что могло бы хоть как-то прояснить ситуацию.

Эта книга в закрытом виде выглядела совершенно так же как та, которую я читала. Такой же темно-синий переплет,

только цифра на форзаце другая. Значит, это другой том из того же самого собрания сочинений. Я кинулась в библиотеку. Вот та самая полка с темно-синими томами... А вот и он! Третий том с пьесами. Я открыла оглавление и убедилась в этом. «Иван Васильевич», комедия в трех действиях, начинается на странице сто восемьдесят три. Я прочитала страниц тридцать-сорок. Пролистав несколько страниц после сто восемьдесят третьей, я замерла с открытым ртом. Дальше страницы были вырваны. Неровно, неаккуратно, просто зверски, я бы сказала.

Я рухнула в кресло с книгой в руках.

Что-то странное творится в этом доме. В моем доме. Мне так хотелось дочитать эту пьесу! Да нет, не в этом дело. Что вообще происходит? Книги перемещаются, страницы исчезают на самом интересном месте... А ведь меня не было каких-то полтора часа. Ну, может, два.

В любом случае, очень трудно представить взломщика или бандита, настолько порочного и извращенного, что ему доставляет удовольствие лишать людей удовольствия дочитать интересную книгу... Нет, такое вряд ли возможно. Тогда что? Полтергейст?

Тут я вспомнила случай с прыгающим полотенцем, и это предположение показалось мне не таким уж абсурдным. А что. Всякое бывает. Может быть, в моем доме завелись барабашки и привидения. Довольно злобные, надо сказать. Интересно, куда они подевали вырванные страницы? Наверное,

утащили в темный подпол и шелестят там ими, злобно ухмыляясь.

Глава 6, о мотоцикле с коляской, расследовании и прелестях семейной жизни

Ночью шел дождь. Я слышала его мягкий шелест сквозь сон. Он был таким приятным, убаюкивающим, усыпляющим. Было так уютно лежать под мягким одеялом, свернувшись калачиком, и смотреть цветные яркие сны. Время от времени я частично просыпалась, прислушивалась к дождю, и засыпала снова.

Утром дождь кончился, еще тогда, когда я лежала в кровати, предаваясь приятной лени. Солнце выглянуло на несколько минут, видимо, чтобы проверить, все ли в порядке, и снова исчезло на весь день.

– Это просто какой-то бред! – воскликнула Белка, когда я посвятила ее в подробности вчерашнего происшествия. – Бред сивой кобылы, – добавила она.

– Сивой кобыле такое и не снилось, – вздохнула я.

– И что ты теперь будешь делать?

– С кем? С полтергейстом?

– Ты уверена, что это полтергейст?

– А что же еще? – я пожала плечами. – Ничего не буду делать. Пусть живет. Знать бы, как его задобрить... По поводу

прыгающих полотенец, я, в общем-то, не возражаю. Но эта шутка с книгой кажется мне совсем не остроумной.

– По-моему, у тебя от всего этого крыша поехала.

Я кивнула.

– Я бы не удивилась.

– Полтергейст... Да никакой это не полтергейст. Это кто-то хочет над тобой пошутить. Или напугать.

– Для шуток слишком злобно. А для страшилок слишком странно.

– Знаешь, что я думаю? – понизила голос Белка.

– Что?

– Я думаю, это какой-то маньяк, – сказала она шепотом и беспокойно посмотрела по сторонам.

Я рассмеялась.

– Ну откуда в Васильках маньяк?

– Маньяк может быть где угодно, – заявила Белка. – А как еще ты объяснишь такую злобу по отношению к Булгакову?

Белка еще раз открыла истерзанную книгу и посмотрела на оборванные края, оставшиеся от вырванных страниц. Это выглядело действительно как-то жутковато, и я чуть было не поддалась Белкиному настроению.

Когда Белка ушла, я решила, что никакие полтергейсты не должны мешать мне продолжать поиски сокровищ и тщательно обшарила кухню. Ни в шкафах, ни в банках с крупами, ни в духовке, ни даже за холодильником ничего не было. Но я поняла, что существуют миллионы возможностей. На-

пример, за плинтусами. Или под какой-нибудь из деревянных половиц. Или за решеткой вытяжки... То, чем я занимаюсь, вряд ли можно назвать настоящими поисками. А настоящие поиски подразумевают массу разрушений. Мне бы этого очень не хотелось... Что делать, я пока не решила.

После обеда я решила навестить Галку. Интересно же посмотреть, как она дома хозяйничает. Да и Вовки, наверное, не будет. Это мне на руку, потому что она на него так смотрит, что мне все время хочется отвести глаза.

Галка варила земляничное варенье. Вокруг дома стояло почти видимое облако сладкого землянично-сиропного аромата.

– Что, уже земляника появилась? – удивилась я. – Я думала, еще рано.

– Вообще-то, рановато. Но есть такие особенные места, на холмах, где много солнца...

– За речкой?

– Ага, – кивнула Галка. – Дядя Вася знает.

– Я бы тоже земляники поела.

– Эх, пришла бы чуть раньше, когда я ее еще сахаром не засыпала...

– Да нет, я бы прямо с куста поела. На лугу.

– А что тебе мешает? Я дяде Васе скажу, он тебя возьмет с собой. А что, хорошая идея, – воодушевилась Галка. – Я бы, пожалуй, тоже с вами съездила.

– А на чем он туда ездит? – спросила я.

Дело в том, что эти холмы находятся не слишком далеко – за речкой. Добраться до них можно двумя способами: через речку или в объезд. Объезжать, конечно, дальше, но зато не пешком...

– На мотоцикле, – сказала Галка.

– А мы втроем уместимся? – засомневалась я.

– Так у него мотоцикл – с коляской, мы на нем впятером прекрасно умещались, – объяснила Галка.

Да, давно я не каталась на мотоцикле с коляской. Может быть, вообще никогда. Нельзя упускать такой шанс.

Мы еще немного поболтали, и я пошла домой.

Все-таки, несмотря на все произошедшие здесь изменения, нельзя сказать, что в Васильках кипит жизнь. Такое ощущение, что все здесь постоянно спят. Или это я сплю, когда они бодрствуют? Ведь говорит же баба Груша, что ночью какие-то сомнительные личности носятся по деревне на джипах и мотоциклах, шумят, поют песни и хохочут пьяными голосами. А днем они, понятное дело, отсыпаются. Поэтому днем так тихо.

Мне нравится эта тишина, но сегодня она какая-то напряженная. Как перед грозой. Как-то слишком тихо, даже на уши давит.

Я шла по самой середине дороги, до моего дома оставалось метров триста.

– Катя, – услышала я приглушенный шепот.

Я остановилась. Никого. Я внимательно посмотрела по сторонам. Все как обычно. Тихая пыльная деревенская улица. Слева от меня – дом дяди Васи, бывшего кузнеца. Справа – заброшенный полуразвалившийся сарай, вокруг которого простираются заросли двухметрового чертополоха. По дороге бродят куры, петух сидит на заборе... Показалось мне, что ли? Я уже собралась идти дальше, как снова услышала:

– Катька! Посмотри же направо, наконец!

Я посмотрела. Из чертополоха высунулась голова Белки и тут же исчезла.

– Иди сюда, – скомандовала она все так же шепотом.

– Куда – сюда, – спросила я. – Как ты вообще туда забралась и, главное, зачем?

– Да или скорее, потом все объясню, – рассердилась Белка. – Можешь ты без вопросов делать, что тебе говорят?

– Могу, – сказала я и полезла в чертополох.

Это была не трава, а настоящие деревья. С толстыми стеблями, листьями размером с мою ковбойскую шляпу и противными колючками, которые цеплялись к одежде. Белка уверено лезла через заросли, я – за ней.

– Я смотрю, ты прекрасно ориентируешься, – говорю я. – Часто здесь бываешь?

– Только когда приходится помогать испуганным соседкам, – сказала Белка.

– Кому это? – не поняла я. Это же я – ее соседка. Вовсе не

испуганная, кстати. Скорее заинтригованная. И как она мне помогает, прокладывая запутанные тропки в этих джунглях?

Белка остановилась, и я налетела на ее спину.

– Вот, смотри, – сказала она и отошла в сторону.

На траве под чертополохами лежала распавшаяся стопка неровно вырванных книжных страниц, залитых чем-то темно-красным.

Я присела, чтобы рассмотреть их получше, и сразу поняла, что моя страшная, невероятная догадка подтвердилась.

– Это же... – прошептала я, – мои страницы.

Белка кивнула. У нее был торжествующий и в то же время растерянный вид.

– Как ты их нашла? – спросила я. – Ты что, специально полезла в эти заросли?

– Скажешь тоже, – Белка передернула плечами. – Я совершенно не хотела сюда лезть за этим дурацким мячом. Но Алинка расплакалась, и мне пришлось. Когда я это увидела, у меня волосы дыбом встали.

– Это что, кровь? – нерешительно спросила я.

– Я тоже сначала так подумала, – кивнула Белка. – Но теперь очень сомневаюсь. Слишком яркий цвет. Кровь, по-моему, темнее выглядит.

– Думаешь? – засомневалась я и снова посмотрела на страницы с бордовыми пятнами. Мне не хотелось смотреть на эти изувеченные листы, потому что от этого у меня в животе что-то скручивалось и переворачивалось, но глаза неиз-

менно на них натыкались, как я ни старалась отводить их в сторону.

– Я на всякий случай не стала их трогать.

– На какой случай? – не поняла я.

– Мало ли, вдруг придется снимать отпечатки пальцев или что-нибудь в этом роде.

Я ошарашено смотрела на Белку.

– Какие еще отпечатки?

– Поэтому я отвела Алинку домой, взяла новый пакет и вернулась сюда, – деловито объясняла Белка. – Хотела тебя позвать, но тебя дома не оказалось.

– Я к Галке ходила.

Белка достала прозрачный полиэтиленовый пакет, засунула в него руку, взяла листы и ловко вывернула пакет наизнанку, ни разу не прикоснувшись голыми руками к зловещей находке.

– Пошли отсюда, – сказа она, нервно оглядываясь.

Мне тоже очень захотелось поскорее уйти из этого места.

Белка сунула пакет за пазуху, и мы пошли ко мне.

Я застелила стол в гостиной газетой, а Белка аккуратно вытряхнула из пакета листки. Мы сели на стулья и устали на стол. Белка принялась.

– Запах какой-то странный, – сказала она.

Я шумно втянула носом воздух.

– Да, что-то знакомое.

Белка приблизила лицо к листкам, почти уткнувшись в

них носом.

– Это точно не кровь, – заявила она с победным видом. – Я знаю, что это.

– Что? – я смотрела на Белку, широко раскрыв глаза.

– Это клубничное варенье.

Я молчала, потрясенная.

– Сейчас полдеревни варит клубничное варенье, – сказала Белка через некоторое время.

– А некоторые даже и земляничное, – добавила я. Интересно, клубничное от земляничного цветом отличается?

Поездка за земляникой была назначена на девять утра. Дядя Вася предлагал шесть, я настаивала на одиннадцати, в конце концов было принято компромиссное решение.

Я проснулась в восемь, напилась кофе, надела шорты, майку, кеды, ковбойскую шляпу и потопала к Галкиному дому. Или к Вовкиному? К их общему дому, в общем. К дому семьи Крапивиных.

Возле дома стоял красный мотоцикл с коляской, около которого на бревне сидел дядя Вася и курил, а из-за забора доносились сердитые голоса.

– Да ничего со мной не сделается! – это Галка.

– Когда сделается, поздно будет! – это Вовка. – Ты знаешь, как на этом драндулете трясет?

Дядя Вася поднял бровь и обиженно посмотрел на меня, потом перевел свой, сразу потеплевший, взгляд на мотоцикл.

– Да ничего не трясет! – это снова Галка.

Дядя Вася удовлетворенно кивнул.

– Как хочешь, а я тебя не пущу, – сказал Вовка голосом настоящего мужчины.

– Как это – не пустишь? – удивилась Галка. – Силой дома запрешь, что ли?

– Надо будет – силой, – решительно заявил Вовка. – Если женщина сама не понимает...

– Да я понимаю, – жалобно сказала Галка. – Мне может земляники смертельно хочется.

– Да тебе дядя Вася на днях целое ведро привозил! Мало что ли?

– Да не мало. Просто, понимаешь, мне прямо с куста хочется. Даже во сне снится, как я срываю землянику, и сразу в рот...

Они замолчали. Видимо, Вовка думал, как решить эту неразрешимую задачу. Я села рядом с дядей Васей на бревно.

– Ну, хорошо, – наконец, произнес Вовкин голос. – Я с тобой поеду. Буду следить.

– Ой, Вова, ты такой замечательный, – произнесла Галка своим новым медовым голосом. После этого раздались звуки поцелуев.

Дядя Ваня многозначительно посмотрел на меня и пожал плечами.

– Бабу надо вот так держать, – сказал он, сжав кулак и

потрясая им перед моим носом.

Калитка открылась, появились Галка с Вовкой, оба довольные и улыбающиеся.

– Ой, ты уже здесь, привет, – сказала Галка. – Вова тоже с нами поедет.

Мы начали усаживаться в мотоцикл. Галка, естественно, села в коляску. На одеяло, заботливо постеленное Вовкой. Я должна была сесть рядом с ней. Только в момент усаживания я полностью оценила разросшиеся галкины прелести. Я рядом с ними умещалась с большим трудом.

Вовка сел сзади дяди Васи, и мотоцикл завелся.

– Нет, я так не могу, – застонала Галка. – У тебя со всех сторон сплошные локти и коленки, которые все время в меня упираются.

Я вылезла из коляски и села на сиденье, между дядей Васей и Вовкой. Это действительно было удобнее, тем более, мы все трое отличались худосочным телосложением, и тесно нам не было.

– Нет, так тоже не пойдет, – сказала Галка, – ревниво глядя на Вовку, который дышал мне в затылок.

– Есть один хороший способ, – сказал Вовка. Он слез с мотоцикла, вытащил Галку из коляски, уселся в нее сам, а Галку посадил к себе на колени. Теперь все были довольны, за исключением, может быть, вовкиных коленей.

– Едрит твою наружу, – пробормотал, молча наблюдавший за перетасовкой пассажиров дядя Вася и завел мотоцикл.

Ехали мы долго, потому что медленно, потому что дядя Вася демонстрировал нам самый мягкий и нетравматичный способ езды на мотоцикле с коляской по разбитым дорогам и вообще без дорог. Мотоцикл остался у подножия холма, а мы, прихватив корзинки и ведерки, поднялись вверх с пологой стороны и разбрелись кто куда. Галка уселась посреди земляничной полянки и, срывая ягоды, с выражением неопишуемого наслаждения на лице, отправляла их в рот, одну за другой. Вовка собирал ягоды в ведерко, описывая круги вокруг Галки. Дядя Вася сразу куда-то исчез вместе со своей корзиной, а я решила, что мое место – на самом верху самого высокого холма и вприпрыжку отправилась туда.

Для этого мне пришлось несколько раз спуститься и подняться, перепрыгнуть через ручей и пробраться через невысокий, но зверски колючий кустарник. И вот я на вершине. Вокруг – миллион оттеков зеленого, один другого сочнее и аппетитнее: нежно-зеленая трава, более темная зелень кустарников, насыщенный зеленый цвет отдельно стоящих дубов, изумрудные листочки тысячелистника и даже речка, текущая неподалеку, имеет свой собственный зеленый оттенок, название которого я не знаю. А еще – белые ромашки, розовый клевер и желтые лютики... А в небе – молочно-белые облака на ярко-голубом фоне.

Если бы я была поэтом, то немедленно сочинила бы хвалебные душераздирающие стихи. Или изобразила бы все это на огромном холсте, если бы была художником. Но, так как

никакими талантами я не обладаю, придется просто впитать все в себя, и там оставить. В заветном уголке памяти, где хранятся самые красивые воспоминания.

Тут я вспомнила про землянику, села на траву, наклонилась... да ее тут видимо-невидимо! А сразу и не заметно. Такого вкуса, как у этой земляники, не бывает больше нигде...

Когда пришло время обеда, мы расположились под толстенным дубом, крона которого запросто могла бы укрыть, к примеру, весь наш четвертый курс, который в наступающем учебном году будет уже пятым. Галка достала вареную картошку, огурцы, хлеб и сало. Я извлекла из рюкзака бабыгрушины пирожки со щавелем и с капустой, коробку шоколадного печенья с орехами и пару апельсинов. Дядя Вася вынул из-за пазухи пол-литровую бутылку с мутной жидкостью.

– Это что? – строго спросила Галка.

– Как что? – удивился дядя Вася. – Самогон.

– Убери сейчас же. Понял? – Голос Галки стал выше на несколько октав, – чтобы я этого больше не видела.

– Е-ершистый ёж! – с глубоким чувством сказал дядя Вася и посмотрел на Вовку. – Ты со своей бабой сам будешь управляться, или тебе помощь нужна? Ну и молодежь пошла, растудыть ее в ноздрю!

– А я что? – обиделся Вовка. – Я не возражаю. Но не больше пятидесяти грамм.

– Само собой, – сразу согласился дядя Вася. – Я же, по-

нимаешь, за рулем...

– Вот именно! – надулась Галка. – То, значит, мне ехать нельзя, потому что трясет, то – пожалуйста, поезжай с в дюпель пьяным водителем, который тебя запросто в канаву вывалит и не заметит!

Дядя Вася шмыгнул носом, всем своим видом показывая, каких трудов ему стоит сдерживаться, чтобы не ответить этой склочной женщине. Он извлек из внутреннего кармана своего потрепанно жизнью коричневого пиджака два маленьких граненых стаканчика, вставленных один в другой, наполнил их и протянул один Вовке.

– Ну, будем, – произнес он, опрокинул в себя белую жидкость, закусил извлеченной из другого кармана уже очищенной луковицей, прихватил пару пирогов и шмат сала, после чего удобно устроился прямо на траве, положив под голову собственную кепку.

Вовка тоже быстренько, под недовольным взглядом Галки, вылил в рот содержимое стакана и принялся активно поглощать разложенные на полотенце припасы.

Я жевала пирожок с капустой и наслаждалась тишиной, запахом травы и земляники, стрекотом кузнечиков и жужжанием пролетающих мимо пчел.

– Говорят, у тебя кавалер завелся, – нарушил тишину Галкин вкрадчивый голос.

– Кто говорит? – разозлилась я. – Нет у меня никаких кавалеров.

Начинается. Вот так здесь всегда. Ты только подумаешь, что хочется чихнуть, а тебе уже с другого конца деревни кричат «будь здорова».

– Ну, бой-френд. Или хахаль. Как тебе больше нравится, – Галка обижено пожала плечами.

– Да ни говорил я ничего такого, – вмешался Вовка. – Я только сказал, что видел его возле Катькиного огорода. И все.

– Ну, все понятно. Огородами к ней пробирался, – сказала Галка. – Чтоб не увидели и болтать не начали.

– А чего прятаться то? – возразил Вовка. – Это ж не преступление какое...

– Вот-вот. Все равно же все узнают, – подтвердила Галка.

– Да кто прятался-то? Объясните, наконец, – возмутилась я. – А то все уже знают, а я не в курсе.

– Да ладно, не в курсе, – усмехнулась Галка.

– Представь себе. Хотя кое-какие догадки у меня есть. Так кто это был?

– Антон, кто же еще, – сказал Вовка.

– Антон?!

Видно, изумление мое было настолько искренним, что Галка сразу поверила.

– Ну вот, ошибочка вышла, – сказала она и с упреком посмотрела на Вовку. – Так, значит, ты и Антон не... это самое?

– Какое это самое? Я его несколько раз встречала, поздоровались, и все.

– Что же он делал на твоём огороде? – Галка наморщила лоб. – Странно.

– Да уж, – сказала я.

– Может, человек просто мимо проходил, – произнес Вовка.

– Ты же говоришь, он по моему огороду пробирался.

– Это не я говорю, а Галка. Я только сказал, что видел его возле твоего огорода. Позавчера вечером. Он стоял у ограды и, вроде бы, что-то высматривал. Как будто искал место, где удобнее перелезть. Так, во всяком случае, мне показалось.

– И все? – спросила я.

– И все, – ответил Вовка.

– Ну и буйная у тебя фантазия, – сказала я Галке, а сама подумала: «Интересно, что же он на самом деле там делал? И как раз в тот день, когда произошло странное происшествие с книгами».

С Антоном я была знакома, но и только. Он начал приезжать в Васильки, когда я уже заканчивала. У него здесь появились родственники после того, как его старшая сестра вышла замуж. Он мой ровесник, ходит обычно в сильно дражных джинсах, у него длинные волосы и очень задумчивый взгляд. Вот, пожалуй, и все, что я о нем знаю. Да, еще его футболки с философскими надписями, вроде: «У меня сегодня понедельник» или «Ненавижу белые носки». Особенно меня впечатлила последняя: «Кто мы?!».

Надо расспросить о нем Ваню. Кажется, они проводят

много времени вместе.

Есть в нем что-то странное. Или подозрительное?

Глава 7, рассказывающая о новых страшных шутках

Я проснулась посреди ночи. Прямо напротив моего окна в небе висела полная луна. Лунный свет проникал в комнату сквозь тонкие тюлевые занавески, окрашивая все молочным золотом. Какая-то птица, шумно махая черными крыльями, пролетела мимо. И тут я поняла причину своего пробуждения. На чердаке кто-то ходил. И не просто ходил, а с громким, размеренным топотом. Шаги были неторопливые и очень тяжелые. Мне сразу представился огромный толстый гоблин в чугунных башмаках. Больше никто не смог бы так топтать. Я знаю, что, когда ходят по чердаку, в доме этого не слышно. Во всяком случае, когда там ходят нормальные люди с обычным весом.

Даже не знаю, испугалась я или удивилась. Скорее всего, и то и другое. Я села в кровати, протянула руку и накинула на плечи халат. На всякий случай. Потом я встала, запахнула халат, завязала пояс и убрала волосы в хвост. Шаги продолжались, не меняя ритма. Я встала и подошла к окну. Лестница на чердак находится с другой стороны дома, там, куда выходят окна гостиной, ванной и библиотеки. Так что в мое окно все равно ничего полезного не увидишь.

Я в нерешительности повернулась к двери. Конечно, я не боюсь. Чего мне бояться? Кто-то развлекается на моем чердаке и мне очень хотелось бы поймать этого шутника за ухо и сказать ему пару слов. Или хотя бы увидеть, кто это. Сделав глубокий вдох, я быстрыми и очень решительными шагами направилась к двери, распахнула ее и вышла в коридор. Меня обступила темнота, и моя решительность сразу уменьшилась примерно на одну треть. Но две трети еще оставались! Когда страшно, главное – не думать, а действовать.

Не оставляя себе времени на раздумья, я пошла по коридору в сторону гостиной. Дверь в нее была закрыта, поэтому темнота по мере моего продвижения постепенно сгущалась, и эти несколько метров показались мне невероятно длинными. Дверь тихонько скрипнула, и я вошла. Шторы были не задернуты, так что видимость из окна была прекрасная. Правда, чтобы увидеть лестницу, нужно было открыть окно или прижаться лицом к стеклу и повернуть голову вправо.

Как раз в тот момент, когда я, прижавшись щекой к холодному стеклу, пыталась разглядеть очертания лестницы, и раздался этот жуткий смех, от воспоминания о котором у меня даже сейчас кровь стынет в жилах. Точнее, в венах. Это был даже не смех, а нечеловечески злобный, леденящий душу хохот, от которого все тело покрывается испариной и пропадает вера в светлые идеалы.

У меня нет никакого сомнения в том, что звучал он не на

чердаке, а над самым моим ухом. Я очнулась возле двери, метрах в пяти от окна. Как я там оказалась, не знаю. Видимо, отпрыгнула. В критических ситуациях у людей иногда появляются сверхъестественные способности. Похоже, это как раз такой случай. Значит, от страха у меня повышается прыгучесть.

Сердце гулко билось. Кроме этих ударов, больше ничего не было слышно: ни шагов, ни смеха. Абсолютная, полная, давящая тишина. Не знаю, сколько времени я так просто-яла. Сердце постепенно успокоилось и снова стало стучать неслышно. По чердаку больше никто не ходил и никто не смеялся у меня над ухом. Может, мне все это померещилось или приснилось? Может, я до сих пор сплю? Ага. И хожу во сне. А еще прыгаю, как кенгуру.

Я на цыпочках подкралась к окну, потом, поколебавшись, открыла одну створку и высунула голову наружу. Видимость по-прежнему была прекрасная. Луна, как огромный фонарь, освещала улицу, двор, палисадник. И лестницу на чердак.

Тот, кто там ходил, по-прежнему находится на чердаке. Потому что другого пути отступления, кроме этой лестницы, у него нет. Жаль, что отсюда не видно, закрыта ли дверь чердака на крючок. Чтобы это увидеть, нужно выйти на улицу, а мне что-то не хочется. Прохладно. Хотя какие могут быть сомнения? Конечно, крючок не накинута. Не мог же этот кто-то просочиться на чердак через закрытую дверь.

Итак, я буду стоять, смотреть в окно, и, рано или поздно,

увидю, кто это здесь куролесит. О том, как он (она, оно?) мог хохотать над моим ухом, находясь на чердаке, я вообще думать не буду. Завтра подумаю, при солнечном свете. Я с грохотом закрыла окно, чтобы обмануть бдительность неизвестного, но форточку оставила открытой, чтобы было лучше слышно. Я принесла стул и села у окна, подперев голову руками.

Через несколько минут мои глаза начали слипаться. Я упорно боролась со сном, растирая глаза и встряхивая головой, но сон оказался сильнее. Я задремала, а, когда проснулась, в окно уже пробирались первые солнечные лучи. Еле доковыляв до кровати на онемевших от неудобной позы ногах, я рухнула и уснула, даже не вспомнив, что нужно хотя бы взглянуть на дверь чердака.

Весь день я бродила по дому, как лунатик, натываясь на углы кроватей и комодов и спотыкаясь о некстати завернувшиеся коврики. Воздух казался мне густым и вязким, все предметы – чужими и странными, а в голове была похмельная тяжесть. Иногда так бывает во сне. Что-то ищешь в каких-то незнакомых непонятных местах, потом забываешь, а что, собственно, нужно было найти и, наконец, понимаешь, что окончательно заблудилась и искать нужно выход, а его нет...

Солнце сегодня и не думает показываться. На небе – исключительно серые оттенки, и даже ветер вялый и безжиз-

ненный. Лениво перебирает листочки яблонь, а разгонять нависшие над Васильками тучи – это не его забота. Лучше бы уж дождь пошел, чем так: ни рыба, ни мясо.

Ближе к вечеру пришли Белка с Алинкой и вытащили меня на свежий воздух. Оказывается, тучи уже убрались подобру-поздорову, и солнце, перед тем как окончательно скрыться за холмами, предстало благодарной публике во всей своей красе и сиянии. Теплый ветерок разогнал туман в моей голове, а звонкий алинкин смех окрасил мои воспоминания о вчерашнем в более жизнерадостные цвета. Ха! Да это же просто цирк! А я в нем – единственный зритель. Ну что ж, буду и дальше наслаждаться разыгрываемым для меня представлением.

– Знаешь, что я заметила? – спросила я Белку, которая пыталась накормить очень полезной овсяной кашей свою Алинку. Алинка вертелась, размахивала ложкой, и каша чаще оказывалась на столе или на ее щеках, чем во рту.

– Ладно, – решительно сказала Белка. – Не хочешь, не ешь.

Алинка, довольная, вскочила со стула, схватила со стола конфету и умчалась смотреть, как баба Груша загоняет корову.

– Пойди умойся! – крикнула ей вслед Белка, но как и следовало ожидать, была проигнорирована.

– Что ты там заметила? – спросила Белка, вытирая стол.

– В этом деле слишком много «в». Васильки, ванная, варенье... Ваня.

– Добавь еще «веселые шаги», – хмыкнула Белка.

– Почему это – «веселые»?

– Ну, они же смеялись...

– Смеялись..., – я вспомнила это смех и у меня мурашки пробежали по спине целым табуном.

Во время прогулки мы с Белкой всесторонне обсудили ночное происшествие и пришли к однозначному выводу: кто-то меня разыгрывает. Сейчас, ближе к ночи, этот вывод уже не казался мне таким уж однозначным. Но признаваться в этом я не собиралась.

– Последний пункт наиболее интересен, – Белка закончила уборку и села напротив меня на табуретку.

– Какой это? – я опустила глаза, не выдержав ее пристального взгляда.

– Возможно, вы влюблены, – проговорила она.

– Глупости, – сказала я. – Невозможно.

– Время – восемь вечера, – Белка показала на часы.

– Прекрати! – взмолилась я.

– Это ты обнаружила, что где-то здесь слишком много «в».

– Как-то само пришло в голову. Думала обо всем об этом, думала... и придумала.

– Это значит, что в твоей жизни наступило время «в», – торжественно провозгласила Белка.

– Ладно, пойду домой, – вздохнула я. – У меня там посуда не вымыта, и вообще.

– Возможно, встретишь Ваню, – сказала Белка.

– Ты опять!

– Да я так. Просто хотела сказать: встретишь, передай привет.

– С чего это я его встречу?

– Что-то мне подсказывает, что он околачивается где-то рядом. В блестящих доспехах.

Когда я подходила к дому, от забора отделилась широкоплечая фигура и перегородила мне дорогу.

– Привет, – сказал Ваня. Белка оказалась права.

– Добрый вечер, – вежливо сказала я.

– Гуляешь?

– Просто иду.

– А куда идешь? – спросил Ваня.

– Домой.

– Что-то мне так чаю захотелось, – Ваня сглотнул слюну. – Аж зубы свело.

– Хочешь меня скомпрометировать?

– Что? – не понял Ваня.

– Время позднее, – объяснила я. – Я живу одна. Что потом обо мне будет говорить деревенская общественность?

– Какая еще общественность? Тебя что, волнуют пересуды старушек, которые тарашатся из-за занавесок?

– Я переживаю за свою репутацию. Мне в Васильках очень нравится. Вдруг я сюда насовсем перееду.

– И что?

– Мне не хочется, чтобы за моей спиной шушукались: а, это та самая вертихвостка, которая к себе по ночам водит симпатичных молодых мужчин, у которых неизвестно какие намерения, – иногда мне бывает трудно остановиться, даже если я понимаю, что уже пора.

– Я знаю, что нужно сделать, – уверенно заявил Ваня.

– Да, и что же?

– Сейчас мы пойдем к тебе пить чай, а завтра я лично обойду всех местных старушек, по списку, и сообщу им, что намерения у меня самые серьезные.

Я открыла рот, но, не придумав ничего остроумного, снова его закрыла и махнула рукой.

– Ладно, пошли. Фиг с ней, с моей репутацией.

Честно говоря, я была даже рада, что не придется заходить домой в одиночестве. Наступала ночь и то, что в обществе Белки и Алинки казалось пусть не очень смешными, но все же шутками, теперь приобретало зловещий оттенок. И мне вовсе не хотелось сейчас увидеть или услышать что-нибудь пугающее.

Ваня согласился с моим предложением выпить чаю в беседке и даже помог мне накрыть на стол. Я зажгла спираль от комаров, накинула на плечи мягкую бабушкину шаль и удобно устроилась в старом и продавленном, но очень уют-

ном кресле. Ваня сел рядом на стул с высокой спинкой.

Мы пили чай с вареньем, печеньем и шоколадом, причем выяснилось, что Ваня – большой любитель варенья, особенно вишневого и клубничного. А еще он любит джем, мармелад и рахат-лукум. Я тоже люблю рахат-лукум, но только настоящий, а это такая редкость...

Сумерки постепенно сгущались. На веранде горел свет, но в беседке никакого освещения не было, поэтому предметы начали терять четкость очертаний, да и чай совсем остыл...

– Ты кого-то ждешь? – вдруг спросил Ваня.

– С чего ты взял? – удивилась я.

– Ты все время оглядываешься, – сказал он.

– Я оглядываюсь? – еще больше удивилась я. И поняла, что, действительно, с наступлением темноты усиливается мое беспокойство и мне все время хочется посмотреть, не подкрадывается ли ко мне кто-нибудь сзади.

Ваня молча смотрел на меня.

– Может, и жду, – медленно проговорила я. – Но в гости я никого не звала...

И я, совершенно неожиданно для самой себя, рассказала ему обо всех странных происшествиях, которые происходили в последние несколько дней.

Ваня внимательно выслушал меня и сказал:

– Понятно. Кто-то развлекается. У меня прям кулаки зачесались – так хочется попробовать на прочность физиономию этого «кого-то»...

– Сначала неплохо было бы узнать, чья это физиономия, – сказала я.

– Обязательно, – согласился Ваня.

– Может быть, в следующий раз я не испугаюсь, возьму фонарик... конечно, если это будет ночью. А, может, следующего раза вообще не будет. Может, ему уже надоело. Или ей.

– Ей? – переспросил Ваня. – У тебя что, есть враги или недоброжелатели... женского пола?

– У меня вообще нет врагов, насколько я знаю. Может, это друг. Со специфическим чувством юмора.

– Все равно, хотелось бы посмотреть на этого «друга».

– В общем, ничего не понятно, – вздохнула я.

– Ничего, разберемся, – успокоил меня Ваня.

И мне в самом деле стало легко и спокойно. И даже захотелось, чтобы прямо сейчас кто-нибудь захохотал или бросил в меня каким-нибудь не очень тяжелым предметом.

– А, может, ничего этого вообще не было, – выпалила я неожиданно.

– Как – не было? – удивился Ваня.

– Я хочу сказать, – попыталась я объяснить свою мысль, что все это может быть... неправдой.

– То есть ты...

– Да нет, – я посмотрела на него с упреком, услышав сомнение и недоверие в его голосе. – Я не вру. У меня вообще такой привычки нет.

– Кать, не обижайся, я и не думал...

– Просто может оказаться, – медленно начала я, – что все это – всего лишь стечение обстоятельств. Разных событий, не связанных друг с другом. А еще – моих ошибок и фантазий.

– То есть ты сама себе не веришь?

– Конечно. Как можно в такое поверить? Может, я чокнутая? – спросила я Ваню.

– Не может, – твердо сказал Ваня и задумался.

– А ты на чердак поднималась? – спросил он после нескольких минут раздумий.

– На чердак... – протянула я, – вообще-то поднималась, но давно и совсем по другому поводу.

– Испугалась, – догадался Ваня.

– Кто, я? Ну вот еще. Просто как-то времени не было. Весь день то одно, то другое...

– Понятно. А завтра у тебя найдется время?

– Слезить на чердак?

– Да. Вместе со мной, конечно.

– Ну, если постараться, можно найти. Хорошо, я постараюсь. Приходи.

Мы попрощались, и я направилась в дом, совершенно забыв обо всех страхах и беспокойствах. Я даже что-то напекла себе под нос.

Уже засыпая, я вспомнила, точнее никак не могла вспомнить, был ли сегодня утром накинут крючок на двери чердака.

ка. Ладно, неважно. Кажется, был. Я же несколько раз проходила мимо и смотрела на эту дверь. Если бы что-то было не так, я бы заметила. А, может, и нет... Я сегодня весь день была сама не своя, как будто заколдованная.

Глава 8, в которой Катя пугается по-настоящему

– Что-то ты сегодня весь день носишься туда-сюда с таинственным видом, – сказала мне Белка, стоящая у калитки бабыгрушиного дома.

Я как раз возвращалась из магазина, с пакетами в обеих руках.

– С каким видом я ношусь? – переспросила я.

– С таинственным, – сказала Белка.

– Объясни, – потребовала я.

– Ну, не знаю. Просто по тебе сразу видно, что ты что-то задумала. То ли глаза у тебя слишком сильно блестят, то ли руками размахиваешь больше, чем обычно... А, может, у меня просто очень развита интуиция. Ну что, я права?

– Передай своей интуиции, чтобы ела больше фосфора, – сказала я и помчалась дальше.

– Значит, не скажешь? – спросила Белка у моей спины.

– Заходи в гости, сама увидишь, – прокричала я.

Ваня появился, когда солнце было в зените. Я уже успела переделать все свои утренние домашние дела и сидела в беседке, в своем любимом кресле, с книгой в руках.

– Доброе утро, – сказал Ваня.

– Утро? – я подняла одну бровь и посмотрела на него.

– Ну, день, – поправил себя Ваня. – Немного проспал. Сегодня тебя никто не беспокоил?

– Спала, как убитая, – сообщила я.

– Это хорошо. Ну что, приступим?

– Приступим, – согласилась я.

И мы полезли на чердак. На первый взгляд здесь все было так же, как и в прошлый раз. И на второй взгляд тоже. Ваня внимательно осматривал и ощупывал стены и пол, я бродила туда-сюда, не зная, на чем остановить взгляд.

– Сколько тебе лет? – неожиданно спросил Ваня.

– Я уже один раз обшарила весь чердак, – сказала я. – Несколько дней назад. И с тех пор здесь ничего не изменилось. Правда, тут есть одно место, куда я толком не заглядывала. Там очень темно и страшно.

– Где это?

– А вон там, – я показала рукой. – Там, за перегородкой, небольшой закуток. Совершенно темно, свет не попадает. Нужен очень-очень мощный фонарик.

Ваня хлопнул себя по лбу.

– У меня как раз есть такой. Я его принес, оставил у калитки, – он повернулся к выходу. – Размером с маленький телевизор, светит так далеко, что можно лунных человечков разглядывать.

– Ну, далеко-то как раз не надо. Там довольно тесно.

– Ну, понятно. Метра два-три, не больше.

Ваня задумался, стоя у перегородки.

– Двадцать один, – неожиданно выпалила я.

– Метр? – удивился Ваня.

– Год.

Ваня смотрел на меня и забавно хлопал глазами.

– Мне – двадцать один год. Ты спрашивал.

Ваня вздохнул с облегчением.

– А я уж думал...

– Что я чокнутая?

– Что я что-то недопонимаю. Двадцать один, значит. А я все думал: есть тебе восемнадцать или нет?

– А что – хочешь научить меня пить водку? Или продумываешь план соблазнения?

– Ну чего ты сразу кусаешься? Просто ты ведешь себя, как будто тебе лет четырнадцать. А выглядишь – максимум на семнадцать.

– Ладно, проехали. А тебе сколько лет?

– Двадцать пять.

– В армии был? – строго спросила я.

– Так точно, – по военному четко ответил Ваня.

– Женат? Дети есть?

– Нет...

– Образование? Привлекался? Родственники за границей?

– Может, ты анкету составишь, а я заполню?

– В следующий раз. А пока – иди за фонариком.

– Есть, командир.

– Я тут кое о чем подумал, – сказал Ваня, когда мы, наглотавшись пыли и не обнаружив ни одной стоящей улики, в том числе и в закутке, решили устроить перерыв с чаем и бутербродами.

– Да?

– Тут недалеко живет один человек, который мог бы нам помочь.

– Помочь в чем? Прогнать полтергейст? – хмыкнула я.

– Можно и так сказать, – медленно кивнул Ваня. – Только я бы лучше употребил слово «поймать». Мне так больше нравится.

– Полтергейст поймать нельзя. Он нематериальный, – объяснила я.

– Поймаем, тогда и разберемся, – сказал Ваня.

– А что за человек? Экстрасенс какой-нибудь?

– Гораздо лучше. Зовут его Степан Пантелеевич, а дом его примерно в двадцати километрах от Васильков. – Ваня поставил чашку с чаем на стол и уставился на нее в глубокой задумчивости.

Вот это новости! Неужели тот самый Степан Пантелеевич, возле которого в бабушкином блокноте нарисован глаз? Я во все глаза смотрела на Ваню и ждала продолжения. Но не дождалась.

– И что? – не выдержала я.

– Что – что? – спросил Ваня.

– Ты начал говорить про Степана Пантелеевича, который... не знаю что. Маг и волшебник?

Ваня пожал плечами.

– Я и сам толком не знаю. Но, когда один мой друг попал в очень непростую ситуацию, он ему здорово помог.

– Расскажи, – потребовала я.

– Как-нибудь в другой раз, – сказал Ваня.

Я уже собиралась обидеться или попытаться воздействовать на него другими запрещенными методами, но тут у калитки появилась Белка, и мне пришлось заглушить свое любопытство. Это было нелегко, так как любопытство – одно из самых труднозаглушаемых человеческих чувств.

Белка выпила с нами чаю, а потом мы решили провести эксперимент. Ваня полез на чердак, я пошла в свою комнату, а Белка осталась снаружи, чтобы согласовывать наши действия.

– Начали! – крикнула Белка.

Я закрыла окно, оставив форточку приоткрытой, как было в ту ночь, легла на свою кровать и прислушалась. Ничего. Полежав минут пять, я высунулась в окно.

– Ну что? – спросила Белка.

– Я ничего не слышала.

– Теперь попрыгай и потопай, – крикнула Белка Ване.

Я снова закрыла окно и подошла к кровати. Через неко-

торое время я услышала слабые приглушенные удары, доносящиеся как будто через толстый слой ваты.

– Чуть-чуть слышно, но совсем не то, – крикнула я Белке. – Иди сама послушай.

– Продолжай прыгать! – крикнула Белка Ване и влезла через окно в мою комнату.

Некоторое время мы вместе слушали, как Ваня беснуется на чердаке, хотя по звукам было совсем не похоже. Потом мы вылезли в окно и сообщили Ване, что он может прекратить свои упражнения.

Ваня слез с чердака слегка запыхавшийся.

– Ну что? – спросил он.

– Ничего, – сообщила Белка. – То есть, когда ты начал прыгать, были слышны какие-то звуки, но на тяжелые шаги они совсем не похожи.

– Да, – подтвердила я. – Похоже, ты слишком легкий для этого эксперимента.

– Я – легкий? – обиделся Ваня. – Да ты знаешь, сколько я вешу?

– Лучше не говори, – сказала Белка. – Она испугается.

Ваня почесал затылок. Мне очень захотелось повторить за ним это движение.

– Очень трудно представить, – сказала я, – человека, который весит раз в пять больше тебя, – я с сомнением окинула Ваню взглядом. – А, может, даже и в десять.

– Таких людей не бывает, – сказала Белка.

Я смотрела на дверь чердака, на крючок, который Ваня аккуратно закрыл, и по моей спине полз неприятный колючий холодок.

Алинка – очень мудрая женщина. Это я о том, как она управляется с колиными пацанами.

Сначала они перед ней выпендривались. Каждый старался показать, что он круче. Доходило до побоев и слез, в том числе под горячую руку попадало и Алинке. Но теперь она изменила тактику. Сначала одного похвалит, потом другого. Потом опять одного, и опять другого. В порядке строгой очередности и по справедливости. А те и рады стараться. И домики с ней строят, и воду для куклиной ванны на самосвалах возят, и чай пьют понарошку из крохотных чашечек. В общем, все довольны, а больше всех – Света.

Они с Белкой в это время сидят, загорают, языки упражняют. В основном на темы чем кормить, чему учить и как достичь правильного и гармоничного развития ребенка в сегодняшней непростой политической и экономической обстановке.

А я сижу, зеваю.

– Скучно, – сказала Светка, глядя на меня.

– Скучно? – удивилась я.

– А тебе, что, весело? – посмотрела на меня Светка с подозрением.

– Ну, не то чтобы весело... – замаялась я.

«Скорее, страшно интересно. А временами просто страшно...», – вертелось у меня на языке.

– Я слышала, у тебя роман с Макаровым.

– С кем?

Светка растянула губы и пожала плечами.

– С Иваном Макаровым, – произнесла она отдельно.

– Это... что ли... с Ваней?

– Ты что, даже фамилию его не знаешь?

– Нет, – пролепетала я.

– Да-а. То есть вам точно не скучно, – сделала она неожиданный вывод.

– А кто он, этот Ваня? – спросила Белка.

Белка и Света смотрят на меня одинаково вопросительно. Как так получилось, что разговор свернул куда-то совсем не туда?

– Тракторист, – ответила я.

– Что, правда? – удивилась Света.

Я пожала плечами.

– Он так говорит.

– Не стоит верить всему, что говорят мужчины, – назидательно сказала Белка.

– Я в курсе.

Мы помолчали, задумавшись о склонности мужчин ко лжи и вероломству.

– По-моему, между вами летают какие-то искры, – произнесла, наконец, Белка.

– С чего ты взяла? – возмутилась я. – Ничего никуда не летает.

– Может, ты сама еще не знаешь, а со стороны уже заметно.

– Как заметно?

– Ты цветешь, а Ваня чахнет на глазах.

– И что? Может быть, одно с другим вообще никак не связано.

– Все может быть. Но я точно знаю, что женщины от любви расцветают, а мужчины выглядят, как больные овцы.

– Кто это сказал?

– Точно не помню, кажется, мисс Марпл.

– Точно, она, – подтвердила Света. Еще одна любительница детективов.

– Никак не могу понять, почему это ты такая мудрая? Ты меня старше года на три, не больше, – обратилась я к Белке.

– На пять. А причина моей мудрости вон там, шоколадку доедает, – Белка с нежностью посмотрела на Алину, которая облизывала вымазанные шоколадом пальцы.

– Что, от этого так мудреют?

– Да.

– Как-то ты невесело вздыхаешь...

– Может, тебе еще рано это знать, но с того момента, как у тебя появится ребенок, ты уже никогда не будешь по-настоящему беззаботной и безмятежной.

И она посмотрела на молчаливую Свету. Та кивнула.

Я была очень удивлена.

– Странно это от тебя слышать. Мне-то казалось, что ты – сама беззаботность. Такая же, как твоя дочка. Тебе как будто тоже пять лет.

– Конечно, мне тоже пять лет, – улыbnулась Белка. – Я, правда, вместе с ней снова переживаю детство. Но, знаешь, иногда, очень часто, я просыпаюсь среди ночи и бегу проверять, дышит ли она... Может, это задвиг какой. Это у меня с того самого момента, как она родилась. Я все время за нее боюсь. Хотя, конечно, не думаю об этом ежесекундно...

– Ну, ночью всем в голову разная ерунда лезет.

– Да-а. И днем, бывает, тоже.

– Наверное, это нормально.

– Да нет, в психушку мне точно рано, – сказала Белка. – Так вот, о мудрости... На многое смотришь по-другому, когда у тебя есть такое вот чудо. Замечаешь то, на что раньше не обращала внимания и начинаешь видеть немного дальше своего собственного носа.

Белка подергала себя за нос и мы рассмеялись. В этот момент Алина прикончила-таки шоколадку и со вздохом сказала:

– Я вся такая чумазая. Придется идти умываться.

И они пошли умываться. А я, может быть, впервые, всерьез задумалась о том, какой я стану, когда у меня появятся дети. Девочка. И мальчик. Может, еще девочка. Там посмотрим.

Подушка была такой прохладной и успокаивающей... Я закрыла глаза. Спать мне, в общем-то, не хотелось, просто я немного устала. Перед глазами замельтешили обрывки сегодняшних событий. Ваня, чердак, сундуки, мелкие пылинки, пляшущие в потоке света, проникающего в маленькое слуховое окошко. Бабушкины платья, шляпы, чугунные утюги в углу...

Я подскочила на кровати. Не было утюгов. В первый раз были, а сегодня не было.

Или были? Может, я просто не обратила на них внимания? Я попыталась сосредоточиться и увидеть чердак таким, каким он был сегодня. Вот я поднимаюсь по лестнице, смотрю на Ваню, который зачем-то стучит по крыше, приносившись к запаху нафталина, доносящемуся из открытого сундука... Почему открыт сундук? Это я его открыла в прошлый раз и забыла закрыть. Подхожу к сундуку и заглядываю в него. Вроде бы все на своих местах. Я брожу по периметру чердака, дохожу до того самого угла, сворачиваю... И что? Если бы там были утюги, я бы об них споткнулась. А я не споткнулась, следовательно, их не было. Логично? Вроде бы да. Но, может быть, я просто обошла их, не заостряя на этом внимания. Потому что как раз в этот момент я одним глазом наблюдала за Ваней, который стоял напротив окна и солнечные лучи, проходящие через его волосы, образовали вокруг его головы золотистое свечение, а лица его совсем не было

видно, но я чувствовала, что он улыбается... Опять я не о том.

Уснуть все равно не получится. Я вылезла из-под одеяла и пошла на кухню выпить кофе. Хорошая порция кофеина никогда не мешала мне уснуть. В отличие от непрошенных мыслей.

Щелкнув выключателем, я сощурилась: слишком ярко. Поэтому я выключила свет на кухне, оставив тусклую лампочку в коридоре, и поставила чайник на плиту. Потом я подошла к окну и остановилась, неожиданно погрузившись в какое-то оцепенение. Я ни о чем ни думала, просто смотрела, как сгущаются сумерки, как силуэты яблонь и слив становятся темнее и выглядят совсем иначе, чем днем, на фоне серо-сиреневого неба. В сумерках все привычные предметы становятся необыкновенными и загадочными. Мне всегда нравилось именно это время... Но сегодня эта загадочность показалось мне какой-то тревожной. Как будто что-то недружелюбное притаилось в таком знакомом саду. Чайник зашвистел, сделав шаг в сторону плиты, я его выключила и снова вернулась на свой наблюдательный пункт.

Уже было начало двенадцатого, и видимость ухудшилась. Создавалось ощущение, что перед глазами находится тонкое полупрозрачное покрывало, которое позволяет видеть контуры предметов, но не дает разглядеть детали. Я слышала, как ветер шелестит в листве и где-то вдалеке протяжно мычит корова. Мне захотелось укутаться во что-нибудь теплое

и мягкое, а еще неплохо было бы, наконец, выпить горячего чаю. Но я никак не могла выйти из оцепенения и оторваться от окна. Наконец, мысль о теплом джемпере и чашке ароматного чая все же взяла верх, и я сделала шаг назад.

В этот момент я заметила, как какая-то темная фигура, закутанная в длинный черный балахон с капюшоном, появилась из-за беседки. Я вздрогнула и ухватила рукой за раму окна. Фигура остановилась, повернулась в мою сторону и я увидела, что под черным капюшоном, там, где должно быть лицо, ничего нет... Фигура постояла немного и исчезла, растворившись в воздухе.

Я не могла пошевелиться. Все тело сковал тяжелый, липкий страх. Я боялась повернуть голову и посмотреть назад. У меня было ощущение, что весь мир в одно мгновение изменился, стал непонятным, страшным и жутко враждебным. В глазах все плыло, и я поняла, что могу прямо сейчас, первый раз в жизни, потерять сознание.

Все звуки исчезли, вокруг была пугающая, непривычная тишина. Мне даже показалось, что я осталась одна на целом свете, одна из людей, одна, и меня окружают только жуткие нечеловеческие существа. И самая главная их жуть заключается в том, что у них нет лиц...

Вдруг где-то залаяла собака, за ней еще одна, послышался шум проезжающего автомобиля и даже, кажется, чей-то смех. Я метнулась к выключателю и включила свет. На кухне, в ванной, во всех комнатах... Сердце стало биться почти

ровно, без перебоев. Я прислонилась к стене в коридоре, потому что почувствовала, как дрожат и подгибаются колени, а зубы противно стучат, нижние об верхние, или наоборот. На глаза наворачивались слезы.

Когда раздался осторожный стук в дверь, я подпрыгнула так, что чуть не откусила язык. Несколько секунд я колебалась. Стук повторился, уже настойчивее. Я прошмыгнула на кухню и выдвинула ящик. Нож. Нет, не то. Где-то есть маленький топорик. Нет, это еще страшнее. Я схватила скалку и подошла к двери.

– Кто там? – спросила я хриплым и совершенно не своим голосом.

– Катька, это ты? – услышала я голос Белки. – Что там у тебя происходит? Да пусти же меня, наконец!

Я распахнула дверь, скалка выпала из моих рук и я, самым глупым образом, разрыдалась в объятиях удивленной и испуганной Белки.

– Что случилось? – спрашивала Белка, которая усадила меня на диван в гостиной, а я почему-то не могла ответить. – На тебя кто-то напал? Ты чего-то испугалась? Ну не молчи, скажи, что же все-таки произошло?

Я помотала головой.

– Ничего, – наконец, выдавила я.

– Как это ничего? – возмущенно удивилась Белка. – Может, тебя Ваня обидел?

– Да нет, – я махнула на нее рукой.

– Катя, соберись, – твердо произнесла Белка. – Ты должна мне сказать, что произошло.

– Я видела... – попыталась я начать фразу.

Белка молча смотрела на меня ожидая продолжения.

– Просто там что-то стояло... смотрело на меня... и у него не было лица, – закончила я прерывающимся шепотом.

Глава 9, где речь заходит о Пустом человеке

Утро было теплым и солнечным. За окном перекрикивались звонкоголосые птицы, где-то вдалеке кричали петухи и мычали коровы.

Невозможно было представить, что в этом простом, ясном и дружелюбном мире могут существовать какие-то жуткие фигуры в темных балахонах.

Я откинула одеяло и вскочила на ноги. Потом распахнула окно, и солнечный свет, вместе со свежим утренним воздухом ворвался в комнату. Мне показалось, что этого недостаточно, и я подбежала к двери и хотела рывком открыть ее, чтобы воздуха и летних утренних запахов в моем доме стало как можно больше.

Дверь уперлась во что-то тяжелое и не хотела дальше открываться. Причем это что-то вдруг зашевелилось и пробормотало несколько трудноразличимых, но явно недружелюбных слов.

Я высунула голову наружу.

– Ваня!

Вот это да.

– Ты что здесь делаешь?

Ваня быстро вскочил и попытался изобразить лицом и всем остальным организмом неестественную бодрость. Возможно, ему казалось, что у него это получилось, но на самом деле его глаза были красные и заспанные, волосы взъерошены раз в пять больше обычного, а на щеке – четкий отпечаток ремешка от часов, включая застежку.

– Я... это... Зашел пожелать тебе доброго утра, – сказал Ваня, глядя на мои босые ноги.

Ночнушка у меня не очень-то длинная. И на ней нарисован розовый зайчик.

– Я сейчас! – крикнула я и умчалась в спальню за халатом. По пути заглянула в зеркало и обнаружила, что выгляжу не намного лучше Вани, так как еще не умывалась и не причесывалась. Я схватила расческу, несколько раз провела по волосам и помчалась обратно. Ваня все еще мялся у порога.

– Ну, начинай, – скомандовала я.

– Что? – Ваня уставился на меня испуганными непонимающими глазами.

– Желать мне доброго утра, – подсказала я.

– А... – протянул Ваня. – Доброе утро, – пробормотал он. – Как спалось?

– Ладно, хватит, – махнула я рукой. – Ты зачем на крыльце спал? Там холодно и неудобно.

– Я не спал, – сказал Ваня. – Так, закемарил немного под утро.

Я покачала головой.

– Всю ночь дежурил?

– Да я так, немного...

– Я же вчера сказала, что не нужно.

Ваня опустил глаза.

Вчера он появился, когда я уже успокоилась. А успокоилась я, надо сказать, довольно быстро. Не такие уж и слабые у меня нервы, как кому-то хотелось бы. Я рассказала им с Белкой о посетившем мой сад существе без лица и Ваня долго рыскал возле беседки с фонариком в руках, но ничего интересного не обнаружил. И неинтересного тоже. Потом все разошлись по домам, и я в тот момент была совершенно спокойна и даже настроена воинственно по отношению к любым пришельцам. Ваня пообещал, что пойдет спать, так как совершенно очевидно, что ничего интересного сегодня больше не случится. Не больше одного номера в день, или в ночь, – это правило мои «артисты», кажется, соблюдали неукоснительно. Видимо, не хотели перенапрягаться.

– Кофе хочешь? – спросила я.

Ваня молча кивнул.

– Проходи пока на кухню. Или лучше в гостиную. А я пойду умоюсь.

Я не только умылась, но и переоделась в шорты и футболку. А то этот халат почему-то все время распахивается на груди. Потом я нашарила в шкафчике новую зубную щетку и торжественно вручила ее Ване с предложением умыться, чтобы почувствовать себя человеком.

– Спасибо, – сказал он и посмотрел на меня преданным взглядом. – Надеюсь, я не очень...

– Что – не очень?

– Ну... тебя затрудняю.

Я фыркнула.

– Как только ты начнешь меня очень затруднять, я сразу выставлю тебя за дверь, – заявила я, на что Ваня вздохнул с облегчением и улыбнулся.

Пока он плескался в ванной, я приготовила омлет с сыром и сварила кофе.

– Как вкусно пахнет, – восхитился Ваня, входя на кухню. Вид у него был уже не такой помятый, хотя в глазах осталась краснота и немного усталости.

Я жестом пригласила его садиться за стол, разложила омлет по тарелкам, потом, подумав, быстренько сделала салат из огурцов с укропом и сметаной и нарезала хлеб. Ваня умял все с большим аппетитом, сообщив, что никогда в жизни не ел такого вкусного омлета. Я недоверчиво пожала плечами, и мы принялись за кофе.

– Ну, о чем мы будем беседовать за чашкой кофе? – спросила я.

– Мне бы хотелось что-нибудь о тебе узнать, – нерешительно сказал Ваня.

– Когда я была маленькой девочкой, я приезжала на лето в Васильки, – выдала я ценную информацию.

– Повезло Василькам, – тихо пробормотал Ваня.

– Тебя тут не было, – продолжала я.

– К сожалению.

– Где ты был?

– Дома, в пионерском лагере, на сборах...

– На сборах?

– Ну да. Я легкой атлетикой занимался.

– Легкой? – удивилась я, разглядывая его, совсем не легкую, фигуру.

– Это я потом стал таким тяжелым. А в детстве был легким и быстро бегал.

Мы мило беседовали, как пара светских барышень, и ни один из нас не пытался даже намекнуть на события прошедшей ночи.

В какой-то момент у меня возникло непреодолимое желание встать и надрать ему уши. И, если я сдержалась, то только благодаря своей железной силе воли. А произошло это тогда, когда Ваня, совершенно неожиданно и не в тему разговора, признался, что ему страшно хочется от всего меня защититься.

– От чего это, от всего? – я грозно уперла руки в бока.

– Не знаю, – он пожал плечами. – Неважно.

– А с чего это ты решил, что я нуждаюсь в твоей защите?

У меня уже есть старший брат, который всю жизнь меня «защищал» от самых интересных и захватывающих вещей, еще один мне точно не нужен. Я почему-то вспомнила, как Борька запретил мне забираться с мальчишками на чердак

нашей многоэтажки, а когда я его не послушала, пригрозил поотрывать всей банде уши, если они меня возьмут. И они меня не взяли!

Так что в ту минуту, когда Ваня что-то сказал о защите, в моей груди закипела жуткая смесь из упрямства и раздражения. И, хотя кипение это происходило внутри, у меня были опасения, что клапан может слететь, и тогда любому, кто окажется поблизости, может не поздоровиться.

– Я не имел в виду ничего плохого, – тихо и серьезно произнес Ваня, не отрывая от меня глаз.

– Я и знать не хочу, что ты имел в виду. Может быть, ты думаешь, что если я кормлю тебя омлетом, то это значит... Это ничего не значит! – воскликнула я.

Несколько искр, вылетевших из моих глаз, чуть не прожгли его насквозь.

– Я понимаю, – сказал Ваня очень спокойно.

– Что ты понимаешь? – взвилась я.

– Все, – ответил он, поднимаясь из-за стола. – Думаю, сейчас мне лучше уйти. Но я обязательно зайду сегодня. Большое спасибо за омлет и все остальное. Это был один из самых приятных завтраков в моей жизни.

Ваня выбрался из-за стола, придвинул стул на место и пошел по направлению к выходу. Я бросила неизвестно откуда взявшееся у меня в руках полотенце на спинку стула и скрестила руки на груди.

– До встречи, – крикнул Ваня откуда-то издалека и за-

хлопнул дверь.

Я поймала себя на том, что грызу ноготь большого пальца. А ведь я уже давно избавилась от этой неэстетичной привычки. Кстати говоря, мне совершенно все равно, что сейчас произошло и почему.

Зазвонил телефон. Мама. Надеюсь, Борька не показал ей телеграмму. Вроде, не должен, он вчера звонил по этому поводу, и мы мило побеседовали. Про странные и пугающие происшествия я не упоминала.

Я подошла к зеркалу и попыталась улыбнуться своему изображению. Улыбка получилась очень живописной, как у голодной гиены при виде пучка зеленого салата.

– У меня все замечательно, – сказала я.

Потом сделала глубокий вдох, прочистила горло и, наконец, ответила на звонок, стараясь, чтобы мой голос не звучал слишком уж бодро и весело.

– Ну, как ты там? – спросила мама. – Не заскучала еще?

Ха-ха.

– Да нет, я же тебе говорила, тут здорово.

– Честно говоря, я с трудом представляю, чем ты там занимаешься.

– Книжки читаю, гуляю, иногда в речке купаюсь.

– Одна?

– Мам, тут полно народу. Почти все мои друзья в этом году приехали. Как специально.

– Это, наверное, из-за кризиса, – авторитетно объяснила мама. – Я слышала в одной передаче, что в этом году раз в пять больше людей, чем обычно, проводят лето в деревнях и на дачах.

– Да, наверное, поэтому. А как у вас дела?

– Все нормально. Борис вчера заходил. Говорит, может, у него и будет неделя отпуска. Все мечтает к тебе приехать.

Было бы неплохо. Наверное.

– Ну, хорошо, передавай там всем привет. Папе особенно.

– Почему особенно? – не поняла мама.

– Он мне ни разу не звонил. Все звонили, а он – нет.

– Но он всегда спрашивает, как ты там, о чем мы с тобой говорили, – мама встала на защиту.

– Спрашивает, а сам не звонит.

– Я ему передам, что ты обижаешься.

– Да я не обижаюсь! Это я так, к слову. Я знаю, что он по телефону болтать не любит. «Привет, как дела, до свидания». Приеду, лично ему все расскажу.

Как у меня ловко получилось! Главное – отвлечь внимание. Удачно подвернулась мысль про папу. А так – начались бы расспросы, о том, о сем... Глядишь, голос бы дрогнул в какой-то момент. А мама у меня такие вещи чутко улавливает, особенно, когда не надо.

Я вытирала пыль на книжных шкафах, вскарабкавшись на стремянку. Пыли там, надо сказать, скопилось предостаточно.

но. У меня свербело в носу, страшно хотелось чихнуть, но почему-то не чихалось. На глаза наворачивались слезы. Ну почему я не могу, наконец, чихнуть, и избавиться от этого отвратительного ощущения? Вот, кажется, сейчас точно... Я отвернулась к окну, чтобы своим чихом не поднять пыльное облако, положила тряпку и ухватилась двумя руками за стремянку. Ощущения в носу с бешеной скоростью нарастали, и уже невозможно было представить, что это щипание и шевеление ничем не кончится...

За окном промелькнула какая-то тень. Птица? День сегодня пасмурный, да и время к вечеру, давно пора было включить свет, чтобы не шариться по шкафам в потемках. Возле окна раздался шорох, и кто-то вскрикнул. Я так и подпрыгнула на своей стремянке, чуть не загремев на пол. В сенях раздались шаги, закрипела входная дверь.

Я быстро и тихо слезла со стремянки и прошмыгнула в гостиную. В тот момент, когда дверь открылась, я нажала на выключатель. Гостиная озарилась ярким светом четырех лампочек, вкрученных в патроны большой хрустальной люстры.

В дверь вошла Белка.

– Привет, – сказала она. – Там у тебя прямо перед входом какая-то железка валяется... Я об нее споткнулась.

– Добрый вечер, – пробормотала я и села на стул, стоящий возле стола.

– Чем занимаешься? – спросила Белка, явно не планируя

получить подробный и обстоятельный отчет о моих вечерних занятиях.

Вид у нее был странный. Она села, потом встала, подошла к окну, постояла несколько мгновений в нерешительности, и снова села. Она как будто старалась не встречаться со мной взглядом и в то же время как будто хотела мне что-то сказать.

– Ну, что тебя мучает? – спросила я.

Она еле заметно вздрогнула.

– Мне тут рассказали, – начала она нерешительно и замолчала.

– Ну! Не тяни.

– Конечно, это все ерунда и предрассудки...

– Что?

– Мне тут рассказали... про пустого человека, – выпалила Белка и испуганно посмотрела на меня.

Я сделала вдох, чтобы рассмеяться, но смех почему-то застрял у меня в горле. Вместо этого я раскашлялась.

Пустой человек... Самая страшная страшилка моего детства. Я много лет о нем не вспоминала. А ведь было время, когда его образ постоянно преследовал меня, особенно вечерами, особенно, когда я оставалась одна. И даже когда я уезжала домой. Но дома он все-таки не был таким жутким и таким реальным как здесь, в деревне.

Эту историю рассказал Серый.

В тот вечер мы сидели в заброшенном яблочном саду воз-

ле старого покосившегося амбара. Это было странное место. Любая история, рассказанная там, приобретала зловещий смысл, даже если его не было и в помине. А уж если был...

Разговор с самого начала свернул куда-то не туда, и, в конце концов, речь зашла о разной нечисти.

– Моя бабушка говорит, что у нее в доме живет домовый, – заявил Колька Сопля и, по своему обыкновению, шмыгнув носом.

– Подумаешь, – протянул Серый. – Домовые во всех домах живут. Тоже мне, невидаль.

– Но она говорит, что иногда его видит.

– Кто ж его не видит, – хмыкнул Серый.

– Может, и ты видел? – подступился к нему Вовка Крапивин.

– Может и видел. Что с того? – недовольным голосом пробурчал Серый.

Мы с Галкой переглянулись и во все глаза уставились на Серого.

– Расскажи, – потребовала Галка.

– Да чего рассказывать-то? Зашел я как-то в чулан за гвоздями, а он там сидит на бочке с огурцами.

Серый замолчал.

– И что? – спросила Галка.

– Ничего, – Серый пожал плечами. – Я вышел. Решил в следующий раз забор починить.

– Испугался? – сочувственно спросила Галка.

– Вот еще.

Серый достал из-за пазухи яблоко от одичавшей яблони и начал его грызть. Яблоки эти были кислые и вяжущие, возможно, оттого, что мы обычно ели их недозрелыми. Сейчас мне трудно представить, что делало эти малосъедобные плоды для нас такими привлекательными, но в те далекие времена мои карманы были набиты ими доверху.

– Домовые – это ерунда, – продолжил поучительный разговор Серый.

– А что – не ерунда? – спросила я на свою голову.

Серый посмотрел на меня оценивающе, помолчал пару минут, метнул огрызок яблока в проходившую мимо сада корову и, наконец, произнес неуловимо изменившимся голосом:

– Пустой человек.

– Пустой человек? – повторила я вслед за ним с вопросительной интонацией. Это словосочетание сразу показалось мне завораживающим и пугающим.

– Он появляется в сумерках, за восемь минут до того, как окончательно стемнеет. Выходит из-за какого-нибудь дома или другого строения, хотя раньше его там и в помине не было. На нем черный плащ с капюшоном, а движется он совершенно бесшумно. – Серый перевел дух, чтобы продолжить. Мы все сидели, притихшие, и боролись с желанием оглянуться назад. – Он похож на тень, но он не тень. Тот,

кто его увидит, должен быстро упасть на землю, зажмурить глаза и закрыть голову руками.

Серый замолчал.

– И что... потом? – спросил Колька Сопля.

– Если не смотреть ему в лицо, то, в общем-то, ничего страшного, – ответил Серый. – Нужно только дождаться, когда он исчезнет.

– Исчезнет? – раздался тревожный шепот Галки.

– Да, исчезнет. Он не уйдет, а будет ждать ровно восемь минут. А когда стемнеет, растворится в воздухе.

– А что будет... если посмотреть на него? – решила я задать вопрос.

– Он заберет твою жизнь, – коротко ответил Серый.

– То есть, ты умрешь? – спросил Вовка.

– Умрешь, но не сразу. Через некоторое время. Но твоё умирание начнется с этого момента.

– А что, у него очень страшное лицо? – спросила Галка.

– У него нет лица, – веско произнес Серый. – На месте лица у него пустота.

Эта фраза меня окончательно добила. Я в ту ночь долго ворочалась в постели, пытаюсь понять, как это вместо лица может быть пустота. Не чернота, не туман какой-нибудь, а настоящая пустая пустота. Мысли об этом приводили к тому, что я покрывалась мурашками и начинала нервно дергаться от малейшего шума. Как я ни старалась выкинуть эту историю из головы, у меня ничего не получалось. Иногда я

забывала о пустом человеке, но, в какой-то момент, оказавшись в сумерках одна, снова вспоминала. И тогда я старалась смотреть только себе под ноги и держаться подальше от любых строений, из-за которых может появиться это жуткое исчадие ада.

Все эти воспоминания стремительно пронеслись перед моим мысленным взором после слов Белки.

– И что? – спросила я, уставившись на нее.

– Что – и что?

– Ты что, испугалась, когда это услышала?

– Да нет, – Белка покачала головой. – Просто мне это кое-что напомнило. – Она быстро взглянула на меня и снова отвела глаза.

– А кто тебе это рассказал?

– Галка.

– Интересно, как это так получилось, что она рассказала тебе об этом именно сегодня? – спросила я, не скрывая подозрительности.

– Ну... – замялась Белка. – Вообще-то это я завела разговор обо всяких страшилках.

– Зачем?

– Так, на всякий случай.

Все понятно. Белка разведывает обстановку. Это я одобряю. Но я не одобряю того, что она действует скрытно, за моей спиной. И при этом смотрит на меня так сочувственно...

– Не пойму, почему ты разговариваешь со мной, как с тяжелобольной, – произнесла я бесстрастным тоном.

– Вовсе нет, – возразила Белка.

– Не нет, а да. И ты, и Ваня...

– Кстати, а где он? – Белка с радостью ухватилась за возможность сменить тему разговора.

– Откуда мне знать?

– Я думала... – начала Белка.

– Больше не думай.

В этот момент у меня в носу вдруг засвербело со страшной силой и я, наконец, разразилась жутким чихом, который практически вывернул меня наизнанку.

– Будь здорова, – благодушно произнесла Белка.

– Да уж, на здоровье не жалею, – я вытирала набежавшие на глаза слезы. – Просто пыли надышалась.

– Может, выйдем на свежий воздух, – предложила Белка.

– Давай, – кивнула я.

Мы вышли и уселись на крыльцо. Только Белка собралась продолжить начатый в доме разговор, как над калиткой показался Ваня, вернее, его верхняя половина.

– Добрый вечер, – вежливо поздоровался он.

– Привет, – отозвалась Белка.

– Что это ты тут делаешь? – спросила я сердито.

– Да я просто мимо проходил. Я, вообще-то, к Антону иду.

– К Антону? – переспросила я. – Ну-ну. А это как раз самый ближний путь.

От дома Вани до дома Антона метров пятьсот прямо по улице. Мой же дом находится на соседней улице, практически на краю деревни, и мимо него можно попасть только в лес, на речку и на кладбище.

– А я не ищу легких путей, – высокопарно заявил Ваня, продолжая стоять у калитки.

– Ладно, я пошла, – сказала Белка, – Надо Алинку ужином покормить.

– По-моему, у бабы Груши это лучше получается, – возразила я.

– Все равно, надо проконтролировать.

Белка открыла калитку, протиснулась мимо Вани и удалилась в сторону дома бабы Груши. Я проводила ее взглядом, потом встала и подошла к калитке.

– Ну что? – спросила я. – Пришел меня защищать?

Ваня топтался на месте, видимо, не зная, на что решиться. Если он скажет «да», я могу рассвирепеть, а если «нет»... то вообще, неизвестно, что я выкину. Могу даже обидеться, наверное.

– Ты так смотришь, – пробормотал он, наконец.

– Как?

– Как наш сержант на учениях, – выпалил Ваня.

– Ну, ладно, – произнесла я. – Ты, кажется, шел к Антону. Он, наверное, тебя заждался.

Я отвернулась, собираясь уходить. Но Ваня довольно невежливо, на мой взгляд, схватил меня за руку, которую я

поместила на калитку.

– К черту Антона, – почти прорычал он. Потом, взглянув мне в глаза и, видимо, догадавшись, что я думаю о его манерах, продолжил уже совсем спокойным голосом, – я, собственно, и не собирался к нему...

– Ты такой непостоянный, Ваня. То собираешься, то не собираешься.

– Неправда! Я постоянный. Когда надо.

– Отпусти мою руку, – попросила я. – Пока не сломал.

– Извини. Я, кажется, слишком сильно ее сжал.

– Да нет, ничего, – сказала я, потирая запястье. – Кость не сломана.

– А может, вместе сходим? – спросил Ваня. – Прогуляемся заодно.

– К Антону? – удивилась я.

– Можно и к Антону. А можно ко мне зайти по дороге. Ты еще ни разу не была у меня в гостях.

Я, опешив от такой то ли наглости то ли непосредственности, совершенно неожиданно для самой себя, согласилась.

– А что, пошли. Все равно делать нечего.

«Кроме как ждать новых «представлений», – добавила я про себя.

И мы пошли.

Глава 10, повествующая о доблестном защитнике Ване

Я остановилась перед Ваниным домом, заглядывая во двор через калитку, которая доходила мне до подбородка. Это была очень высокая калитка, обычно все калитки в Васильках чуть выше пояса, чтобы удобно было открывать вертушку или щеколду, расположенную с внутренней стороны.

Дом мне сразу понравился. Большой, из толстых светлых бревен, с черепичной крышей и просторной открытой верандой. Забор тоже был деревянный, именно такой, о каком мечтала бабушка, метрах в пятидесяти от дома виднелась крыша ажурной беседки. Но я изобразила на своем личике ухмылку и изрекла:

- Симпатичный домик.
- Тебе не нравится? – заволновался Ваня.
- Ты что, глухой? Я же сказала: симпатичный домик.
- Да, но ты это так сказала...
- Как?! – возмутилась я.
- Так, как будто имеешь в виду прямо противоположное.
- Вы, мужчины, такие чувствительные, – произнесла я, растягивая слова. – И такие капризные. То я не так посмотрела, то не то сказала...

Ваня бросил на меня быстрый внимательный взгляд, и мне сразу расхотелось паясничать.

– Хороший дом, – произнесла я совсем другим тоном.

– Правда? – обрадовался Ваня.

– Если бы я когда-нибудь сама строила дом в деревне, то построила бы что-то в этом роде.

Ваню просто распирало от гордости.

– Это все я сам придумал, – он широким жестом охватил свои владения.

– И построил? – спросила я с ехидцей.

– Строила бригада рабочих, но я тоже немного поучаствовал.

– Стружки собирал?

– Ага, – кивнул Ваня.

Потом схватил меня за руку и затащил в калитку.

– Эй, полегче! – только и успела пробурчать я.

– Я аккуратно, – отозвался Ваня, закрывая калитку на щеколду.

– Если что, у меня в кармане газовый баллончик, – предупредила я.

– Во внутреннем? – спросил Ваня, окинув взглядом мой сарафан.

– Ага, – кивнула я.

От дома исходил восхитительный запах свежего дерева, смолы и еще чего-то... еловых шишек, что ли? А в беседке стоял темно-зеленый диван с широкими деревянными под-

локотниками.

– Обожаю такие диваны, – провозгласила я и направилась к беседке, где с размаху плюхнулась на диван. – На эти подлокотники очень удобно ставить чашки с чаем, – добавила я.

– Понял, – сказал Ваня. – Я сейчас. А дом изнутри ты посмотреть не хочешь? – спросил он, остановившись на полпути.

– Ваня, – произнесла я с упреком, – не надо меня торопить. Для начала хватит и беседки.

Ваня еле заметно ухмыльнулся и скрылся в доме.

– Ты что, мне не веришь? – спросила я, допивая вторую чашку чая.

Мы говорили о домах, заборах и беседках, но думали совсем не о них. А в последние пять минут мы вообще молчали на вполне предсказуемую тему. Смеркалось. То есть было уже практически темно, и поэтому Ваня зажег лампу под темно-зеленым абажуром, висевшую низко над столом.

– Конечно, верю, – мгновенно отозвался Ваня на мою реплику.

– Неправда! Я не верю, что ты мне веришь. У тебя взгляд подозрительный. То есть подозревающий. Ты думаешь, что я все это сочинила. Или мне померещилось. Или я сумасшедшая.

– Ничего подобного я никогда не думал, – возразил Ваня. Он немного растерялся от моего напора.

– А я думала. Вот проснулась сегодня утром и подумала: да не может ничего такого быть. Мне все это приснилось. Или померещилось. Или у меня с головой не в порядке.

Ваня неожиданно погладил меня по голове.

– Все нормально с твоей головой.

– Ты правда так думаешь? – спросила я с надеждой.

– А ты, что, всерьез сомневаешься в том, что ты в здравом уме?

Я пожала плечами.

– Не знаю. Но я знаю, что не может быть того, чего не может быть. А оно есть. И мне страшно.

– Я все время буду рядом, – сказал Ваня и еще ближе придвинулся ко мне.

Его плечо было таким большим, твердым и теплым, что у меня внутри что-то расслабилось и размякло. Мне захотелось прижаться к его груди и разреветься, и реветь долго и обстоятельно, с толком и со вкусом, как в детстве, пока не кончатся все обиды и рот не начнет сам собой улыбаться... Но я не стала делать ничего такого, а, наоборот, начала собираться домой.

– Мне пора, – произнесла я довольно-таки решительно.

– Ты уверена? – голос Вани звучал как-то странно.

– В чем?

– В том, что ты... – Ваня неуверенно замолчал

– Никаким шутникам меня не запугать, – громко произнесла я. – Какова бы ни была их природа, – мой голос в конце

этой фразы дрогнул, и Ваня это заметил.

– Ты могла бы остаться у меня, – сказал Ваня безразличным тоном.

– Что?! – Такого я от него не ожидала.

– А я бы пошел к тебе, – продолжал Ваня, как ни в чем не бывало. – У меня в доме совершенно спокойно, никаких странных явлений не наблюдается. А я бы как раз посмотрел, что там у тебя творится.

На какое-то мгновение это предложение показалось мне необыкновенно привлекательным. Было бы так приятно расслабиться и уснуть спокойно, не прислушиваясь к шорохам и не вздрагивая при виде каждой тени.

– Ни за что, – выпалила я, не давая себе возможности додумать эту успокаивающую мысль. – Если я сейчас сбегу, то что потом? Как я потом буду ночевать в своем доме? Или мне вечно скитаться по друзьям и соседям?

– Потом я разберусь, в чем там дело, – пробормотал Ваня.

– В чем ты разберешься? В моих страхах? Спасибо, но вряд ли это возможно. Я должна сама.

– Нет ничего постыдного в том, чтобы принять помощь... друга.

– Это будет означать, что они меня победили, – твердо произнесла я, поднимаясь с дивана. – Я иду домой.

– Никогда не видел таких смелых девчонок, – восхищенно произнес Ваня. Мне даже показалось, что в его словах не было ни капли насмешки...

По дороге Ваня свернул разговор на таинственного Степана Пантелеевича. Он настаивал на том, что мне нужно к нему обратиться.

– И что я ему скажу, этому Степану Пантелеевичу? – Воскликнула я. – Что меня донимают призраки? Да ни за что на свете. Он вызовет санитаров, и я в этом буду вполне с ним солидарна.

– Не вызовет. Дело в том, что он... интересуется как раз такими делами.

– Какими – такими? Да еще и делами. Никакого дела нет. Просто кто-то меня разыгрывает.

– Кто?

– Знала бы – убила.

– Может, у тебя и будет такая возможность. Может, Степан Пантелеевич как раз и поможет разобраться, на кого направлять агрессию...

Я неопределенно пожала плечами.

– Завтра, – сказал Ваня.

– Что – завтра?

– Завтра мы поедем к нему.

– Значит, ты так решил? – спросила я голосом, не предвещавшим ничего хорошего.

– Да, я так решил, – просто ответил Ваня.

И у меня почему-то сразу пропало желание ему возражать. Ну ладно. Завтра так завтра. Поедем, так поедем. Воз-

можно, это будет интересно. К тому же он бабушкин знакомый и записан в ее записной книжке рядом с глазом. Он может что-нибудь прояснить в деле, ради которого я сюда приехала. Нет, ну надо же! Сижусь, как репа на грядке, ничего не делаю, и ничего не происходит. То есть много чего происходит, но все не по делу. Я вообще чуть не забыла, зачем приехала в Васильки!

Вспомнив о сокровищах, я повеселела. Надо будет рассказать о них Ване. Или не надо? Он может окончательно решить, что я чокнутая. Мало ей всяких призраков и полтергейстов, она, оказывается, еще и сокровища ищет...

– Я смотрю, твое настроение идет на поправку? – сказал Ваня.

Я и не заметила, как по моему лицу разлилась довольная улыбка.

– Ага, – кивнула я. – Это потому, что рядом со мной такой сильный и такой красивый мужчина. – О господи, что я несу?

Ваня недоверчиво посмотрел на меня и опустил глаза на залитую лунным светом дорогу.

Когда впереди замаячила моя калитка, мои шаги почему-то стали короче, а ноги налились свинцовой тяжестью, так что мне было совсем непросто их переставлять. На меня внезапно накатила волна страха, лишаящая сил и способности соображать.

Иногда случалось, что я смотрела фильмы ужасов. Сама

не знаю, зачем. Обычно во всех этих фильмах повторяется такая ситуация: что-то страшное уже произошло или были какие-то явные намеки, что произойдет. Но главный герой, а чаще героиня, все равно идет в какое-то жуткое место, причем ночью, причем одна. Это выглядит вовсе не как храбрость, а как глупость или скрытый мазохизм. И все время хочется крикнуть: ну куда же тебя несет, у тебя совсем мозгов нет, что ли? Там же прячется это самое нечто, ужасное и непонятное...

Именно такое ощущение у меня было сейчас. Что-то внутри меня кричало: не ходи туда! Не оставайся одна в темноте, наедине с пугающими скрипами, леденящими душу шорохами и сковывающим движения и рассудок ужасом. Но я шла. Я открыла калитку, медленно зашагала по дорожке, поднялась на крыльцо, нервным движением распахнула дверь, которая ответила мне зловещим скрипом. Я никогда не слышала, чтобы моя дверь так странно скрипела...

Я чуть не забыла про Ваню, как загипнотизированная погрузившись в самые мрачные глубины своего воображения. Ваня нашарил в темноте выключатель и включил свет. Свет вовсе не был ярким и радостным и не озарил все вокруг. Я раньше и не замечала, что лампочка на веранде такая тусклая. Она светила мутным желтым светом, как будто пробивавшимся сквозь толщу воды.

– Спокойной ночи, – сказал Ваня, распахнув передо мной дверь в гостиную.

– Ага, – только и смогла выдавить я.

Я шагнула на порог, причем этот шаг стоил мне невероятных усилий. У меня было ощущение, что я поднимаюсь на эшафот. Я стояла, смотрела вперед и с замиранием сердца ждала, когда за моей спиной закроется дверь. У меня был самый настоящий столбняк, не позволяющий мне не только нормально двигаться, но и связно думать.

– Я буду поблизости, – услышала я далекий голос Вани.

– Что? – я резко обернулась.

– Я говорю, что буду рядом. Тебе нечего бояться.

– Что значит «рядом»?

– Это значит – недалеко, близко.

– Нет, – сказала я. – Я не хочу, чтобы ты спал на крыльце.

– В этот раз я не усну, – пообещал Ваня.

– Я тоже не усну, если буду знать, что ты тут бродишь один, в темноте и холоде.

Ваня улыбнулся.

– По-моему, ночь очень даже теплая, – сказал он.

– А по-моему, жутко холодно. У меня даже зубы стучат.

– Может, они стучат не от холода? – осторожно спросил

Ваня.

Я пожала плечами. У меня уже не было сил строить из себя храбрую амазонку. Я очень боялась остаться одна в своем доме, ставшем таким чужим и враждебным...

– Если ты все равно не собирался идти домой спать, и я тоже спать ни капли не хочу, то, может, зайдешь? – скорого-

воркой произнесла я, не глядя на Ваню.

Ваня шагнул в гостиную и закрыл за собой дверь. Я подошла к окну и задернула шторы, тщательно проследив, чтобы не осталось никаких щелей. Обернувшись, я увидела, что Ваня бродит по гостиной, разглядывая разные сувениры и безделушки, выставленные на застекленных полках. Я без сил опустилась на диван и уставилась в темно-серый экран телевизора. Через секунду я подскочила, как ужаленная. Жуткий скрип или даже потусторонний скрежет пронзил тишину. Какофония звуков завершилась гулким ударом, и я снова рухнула на диван. Часы! Это всего лишь часы, которые в кои то веки решили отбить полночь двенадцатью ударами. Слушая удары часов, я чувствовала, как мое сердце подпрыгивает в груди, причем прыжки эти казались мне хаотичными и неравномерными.

Ваня остановился, глядя на меня и слушая удары.

– Это часы, – зачем-то сказала я.

– Да, – отозвался Ваня. – Интересный экземпляр. Жутко старые, наверное.

– Я думаю, им лет сто. Хочешь чаю? – я вдруг вспомнила о роли гостеприимной хозяйки.

– Я недавно выпил три кружки, – напомнил Ваня.

– Ну тогда... то, что тебе нужно – следующая дверь по коридору.

Надо же, я еще могу шутить...

– Что? – не понял Ваня.

– Там уборная, – объяснила я.

– А-а, спасибо, пока не надо...

Ваня снова прошелся по гостиной из конца в конец.

– Может, ты, наконец, сядешь? – вырвалось у меня. – А то у меня от тебя шея болит.

– Причем тут шея?

– Мельтешишь туда-сюда.

Ваня остановился и внимательно посмотрел на меня. Мне почему-то стало неуютно под его взглядом и я опустила глаза.

– Как бы то ни было, похоже, они своего добились, – мрачно сказал он.

– Какие «они» и что вообще ты имеешь в виду?

– А ты не понимаешь?

– Нет.

– Посмотри на себя. Ты вздрагиваешь и оглядываешься каждую минуту, твои нервы...

– С моими нервами все в порядке! – воскликнула я с непонятной мне самой злостью.

– Я предпочитаю не закрывать глаза на очевидные вещи, – медленно произнес Ваня.

– Я тоже! Я...

Я опустила голову и закрыла лицо руками. Я слышала, как Ваня подошел ко мне и почувствовала тяжесть его большой теплой руки на своем плече.

– Не могу сосредоточиться и спокойно обо всем поду-

мать, – пожаловалась я. – Я хочу, но мысли расползаются, как тараканы, и остаются одни эмоции.

– Ничего, – Ваня сжал мое плечо. – Ты просто устала. Тебе нужно выспаться. Ты сейчас ляжешь, поспишь, а утром все будет выглядеть совсем по-другому.

– Утром всегда все выглядит по-другому, – глубокомысленно заметила я. Кажется, способность мыслить начинает потихоньку ко мне возвращаться.

Я отправилась в ванную чистить зубы. Я приняла душ, надела пижаму, сверху нее халат, а на ноги – теплые носки. Только после этого я немного согрелась. Во всяком случае, внутренняя дрожь прекратилась.

Когда я вышла из ванной, Ваня смотрел на меня каким-то странным взглядом. По-моему, так обычно смотрят на хорошеньких котят, щенков и маленьких детей. Он проводил меня до двери моей спальни и остановился на пороге, наблюдая, как я зашториваю окна и складываю покрывало.

– Я оставляю дверь открытой, – сказал он.

– Хорошо, – отозвалась я, стараясь, чтобы в моем голосе не прозвучало облегчение.

Я улеглась и укрылась одеялом. Ваня все еще стоял в дверях.

– Выключить свет? – спросил он.

Я кивнула. Он протянул руку к выключателю, и комната погрузилась в темноту. Теперь ее освещал только слабый свет, падавший из двери гостиной, которая была расположе-

на перпендикулярно двери в мою спальню. Ваня выглядел как темный силуэт, лица его совсем не было видно. Очертания всех предметов стали размытыми и нечеткими. Ваня сделал шаг вперед. Я замерла, стараясь унять участившееся сердцебиение. Он быстро прошел к окну, отодвинул штору на несколько сантиметров и выглянул на улицу. Пока он стоял у окна, наблюдая за тем, что происходит или не происходит снаружи, я успокоилась настолько, что даже начала зевать.

– Ну, что там? – спросила я сонным голосом.

– Ничего, – отозвался Ваня. – Все спокойно. И тебе спокойной ночи, – добавил он, направляясь к двери.

Мне показалось, что он на секунду остановился, проходя мимо моей кровати, но сразу же пошел дальше и вышел из комнаты, не закрывая дверь.

– Подушки и одеяла в шкафу, – сказала я ему вслед. – Я не думаю, что сегодня они... Они же знают, что ты здесь. Так что ложись спать.

– Я подумаю, – ответил мне Ваня из гостиной.

Через несколько минут в гостиной тоже погас свет. Я закрыла глаза, а когда открыла, было уже позднее утро.

Глава 11, в которой на сцену выходит Орлиный глаз

На кухонном столе лежала записка: «Доброе утро! Ночь прошла без происшествий. Как проснешься, звони». Внизу подпись и время – 9.05. Это чтобы я знала, что он ушел, когда мне уже нечего было бояться... А чего я боялась вчера? Невозможно поверить, что мой дом, такой родной, знакомый и любимый, так пугал меня вчера вечером. Или я действительно схожу с ума на радость моим «циркачам»? Пора все это прекращать. Или оно уже само собой прекратилось?

– Привет, соня, – услышала я голос Вани в телефонной трубке.

– Привет, – радостно ответила я. – Только я не соня. Я уже давно проснулась.

– А чего же тогда не звонишь?

– Боялась тебя разбудить. Я же не знаю, сколько ты сегодня ночь спал.

Почему-то мне было немного неловко говорить на тему сегодняшней ночи.

– Я спал достаточно, – быстро ответил Ваня, не вдаваясь в подробности. – Ну что, едем?

– Куда? – удивилась я.

– Как куда, к Степану Пантелеевичу, конечно. Мы же вчера договаривались.

Ага, договорились, вспомнила я. Только меня никто ни о чем не спрашивал. Так что, кто с кем договаривался, непонятно. Но я не стала поднимать мятеж. К Степану Пантелеевичу, так к Степану Пантелеевичу. Почему нет? Вдруг что-то интересное узнаю.

– Что, прямо сейчас? – я на всякий случай тянула время.

– Можно и не сейчас, если есть какие-то причины откладывать...

– Есть, – сказала я. – Мне нужно голову вымыть. И высушить феном. А то я на пугало огородное похожа.

– По-моему, ты замечательно выглядишь.

– Ты что, видишь меня?

– Я вчера тебя видел...

– Так это вчера. А сегодня у меня на голове черт ногу сломит.

– Ну хорошо, назначай время.

– Через час, – сказала я. – Нет, лучше через два. Ой, – неожиданно вспомнила я. – А как мы туда доберемся? У меня в прошлый раз бензин почти закончился, когда мы с Белкой в Мальцево ездили. И где его тут взять, непонятно.

– Не волнуйся, – успокоил меня Ваня. – Поедем на моем тракторе.

– На чем? А, ну да, ты же у нас тракторист...

Пока я мыла голову, в природе произошли существенные изменения. Солнечная ясная погода сменилась проливным дождем. Лило как из ведра в самом прямом смысле. Дождь громко барабанил по крыше, перебирал листья деревьев и выстукивал марш на перевернутом жестяном ведре, которое лежало кверху дном возле беседки.

Я позвонила Ване.

– Все отменяется?

– Почему это? – удивился он.

– Ты в окно смотрел?

– Ну.

– Думаешь, там асфальт проложен, к этому хутору? Что-то я сильно сомневаюсь. Завязнем в грязи и будем сидеть, пока не наступит глобальное потепление и не превратит болото в пустыню...

– Да мы ж на тракторе! – воскликнул Ваня. – Забыла?

– Забыла.

– Значит, ты уже готова?

– Почти.

– Я буду через пятнадцать минут.

– Ага.

Я высушила волосы, надела сарафан, плащ, резиновые сапоги и, на всякий случай, намазала губы блеском оттенка «персиковый соблазн». Только я полюбовалась в зеркало на результат – стук в дверь. Да что там стук, чуть дверь с петель не слетела. Открываю – Ваня. В джинсах и маечке. Видно,

крыша у трактора не протекает. Распахивает галантно дверь и говорит:

– Прошу.

Я вышла на порог и остановилась. Стою, смотрю. А у ка-литки – что-то среднее между танком и вездеходом, черное, блестящее, с огромными колесами. «Хаммер» называется.

– Это что? – спрашиваю я грозно.

– Это мой трактор, – говорит Ваня и улыбается во весь рот.

Наверное, мечтал полюбоваться, как у меня челюсть отвиснет. Но я усилием воли удержала свою челюсть в нормально положении. Трактор так трактор.

Я надеялась, что дождь быстро закончится, но он только усилился. Теперь он шел сплошной пеленой, стекал по стеклу потоками, с которыми почти безуспешно боролись дворники. Я видела, как из-под колес машины летят грязными фонтанами брызги, и больше ничего. Как Ваня находил дорогу – совершенно непонятно. Через несколько минут мы проехали по тому самому мосту, возле которого я остановилась в нерешительности, направляясь в Васильки. Подумать только, тогда мимо меня проехал Ваня, а я и представить себе не могла...

Кажется, небо чуть-чуть расчистилось, потому что я увидела камень с надписями, а потом мы свернули на какую-то из дорог и оказались в лесу. Здесь казалось, что дождь не

такой сильный, но лес от этого вовсе не выглядел дружелюбнее. Он был темным, нахохлившимся и неприветливым. Деревья неторопливо покачивались, кусты оцетинились, как огромные, свернувшиеся в клубок ежи.

Мне почему-то вспомнилась ворона, прогнавшая меня из леса. Может, зря мы едем на этот хутор? Тем более в такую погоду. Там ведь никто нас не ждет, и неизвестно, будут ли нам рады...

Когда мы добрались до хутора, дождь совершенно прекратился. Но тучи на небе не рассеялись, и воздух был так наполнен влагой, что его, при желании, можно было бы черпать половником. Ваня затормозил перед невысоким деревянным забором, из-за которого была видна крыша обычного деревенского дома.

– Ну что, пошли? – спросил он. – Или я сначала схожу на разведку?

– Или я?

– Что? – не понял Ваня.

– Я схожу на разведку, – сказала я.

Ваня открыл рот, но слова застряли у него в горле и он снова закрыл его.

– Такого нахальства я даже от тебя не ожидал, – выговорил он, наконец.

– А почему, собственно...

– Потому что я мужчина. А ты – слабая женщина.

– А, вот оно что... Пошли вместе?

Ваня вздохнул и открыл дверь машины.

Калитка дома Степана Пантелеевича открывалась так же, как и все калитки в Васильках, Мальцево и других деревнях: нужно было просто просунуть руку и повернуть вертушку. А вот дальше все было совсем не так. Как только мы оказались внутри ограды, перед нами, как из-под земли, выросли два блестящих темно-коричневых добермана с цепочками на шеях. Они просто стояли и смотрели на нас, не издавая никаких звуков и не пытаясь причинить нам какой-либо вред, но мне было очень-очень не по себе. Я люблю собак и обычно легко нахожу с ними общий язык, но эти псины явно не стремились к общению. По их глазам я поняла, что мы для них были нарушителями границы охраняемой территории, а, значит, врагами. И у меня не было никаких сомнений в серьезности их намерений.

– Привет, собаки, – беспечно произнес Ваня и сделал шаг вперед.

Тот доберман, что, был ближе к нему, глухо зарычал и обнажил белые острые клыки. Второй смотрел на меня. Видимо, они нас поделили.

– Ваня, – сказала я. – Стой, пожалуйста, на месте.

– Но...

– Никаких «но». Ты что, не видишь, это тренированные собаки. Дипломированные охранники. Они всех впускают, но никого не выпускают без команды хозяина.

– А если его нет дома?

– Тогда нам придется ждать его возвращения.

– Я не думаю, что... – начал Ваня и попытался сделать еще один шаг вперед. Я схватила его за рукав и дернула назад. Собака лязгнула зубами.

– Ваня! – прикрикнула я на него. – Если ты ничего не понимаешь в собаках, то послушай, пожалуйста, меня. Они легко откусят тебе какую-нибудь часть тела, а это может оказаться очень нужная часть...

Собаки внезапно расслабились и отошли, потеряв к нам всякий интерес. Я подняла глаза и увидела, что на крыльце стоит невысокий худощавый пожилой мужчина в очках, джинсах и светло-серой рубашке. Он был похож на профессора, проводящего время на даче, каковым, собственно и являлся. Видимо, он подал какой-то знак собакам, хотя я ничего не видела и не слышала. Хозяин дома не спеша направился к нам, поблескивая стеклами очков.

– Здравствуйте, Степан Пантелеевич, – вежливо произнес Ваня.

Я тоже поздоровалась.

– Здравствуйте, Иван, – отозвался профессор.

– Неужели вы меня помните? – изумленно воскликнул Ваня.

А я думал, что Ваня только слышал о Степане Пантелеевиче. А оказывается, они знакомы... Сплошные сюрпризы.

– Почему вы считаете, что вы можете меня помнить, а я вас – нет?

– Ну... потому что вы... это... а я... нет, – Ваня растеряно хлопал глазами.

– Это довольно точное замечание, – с легкой усмешкой заметил профессор, – хотя оно не полностью соответствует истине. – Здравствуйте, Катенька, – обратился он ко мне. – Можно я буду так вас называть?

– Да, но... – пролепетала я. – Кажется, мы с вами не знакомы...

– Это только кажется, – Степан Пантелеевич подмигнул мне левым глазом. Или мне это померещилось? – Давайте пройдем в мой кабинет.

Кабинет профессора оказался длинной комнатой с высокими потолками, широкими окнами с переплетами и деревянным полом. Из чего сделаны стены, и в какой цвет они покрашены понять было совершенно невозможно, потому что все они, от пола до потолка, были заняты полками с книгами. Похоже, кабинет тянулся во всю длину небольшого дома. Окна затеняли густо разросшиеся кусты сирени и жасмина, поэтому здесь царил полумрак. Дверь располагалась посередине и делила кабинет на две части – прошлое и будущее. Где здесь обитало настоящее, сказать затруднительно.

В левой части кабинета стоял письменный стол темного дерева, огромный и невероятно захламленный. На нем попеременно лежали книги, старые тетради, отдельные листы и клочки бумаги, а также потрепанная шляпа и надкусанное с одной стороны яблоко. Еще на нем разместилась пара

чугунных статуэток, изображающих человеческие фигуры в неестественных позах и глиняная пивная кружка, набитая ручками и остро заточенными простыми карандашами. Возле стола стояло глубокое кожаное кресло, старое и потертое, но выглядевшее очень уютным. В таком кресле приятно сидеть, поджав под себя ноги и расположив на коленях интересную книгу.

Справа от входа, у окна, стоял компьютерный стол, совершенно обычный, с обычным компьютером, правда, насколько я могу судить, довольно новой модели, и обычным офисным креслом. На нем ничего не лежало и не стояло, кроме одинокой мышки на зеленом коврикe.

Посередине комнаты, между окнами, напротив двери разместился темно-коричневый кожаный диван, видимо, из одного комплекта с «левым» креслом. Из чего можно сделать вывод, что условное прошлое занимает больше, чем половину комнаты.

Степан Пантелеевич неслышно проскользнул в комнату вслед за нами. Он жестом указал нам на диван, а сам разместился в кресле, придвинув его ближе к дивану.

– Вы очень похожи на Катерину Андреевну, – произнес он, глядя на меня сквозь очки. В вашем возрасте она выглядела точно так же. Правда, носила другую прическу...

– Вы так долго были знакомы? – удивилась я.

– Да, довольно долго. Но еще дольше я был знаком с вашим дедом. Можно сказать, с младенческого возраста.

– Странно, что я вас не знаю...

– А вот я вас прекрасно помню. Как-то я заходил к вам в гости. Вам было лет семь и вы очень любили мороженое... Мне потом очень влетело за то, что я купил вам целых три штуки. Но вы не заболели, нет! Только это оправдывает меня, старого болвана, который поддался на уговоры очаровательной девочки с разными бантиками.

– С разными?

– Как сейчас помню, один бантик был розовый, второй – синий.

– Точно, – сказала я. – Я всегда не могла выбрать и надевала разные. Жаль, что я вас совсем не помню.

– Жаль, но совсем не удивительно, – сказал Степан Пантелеевич. Но, я думаю, вы навестили меня не затем, чтобы предаваться воспоминаниям? – закончил он уже совсем другим тоном.

Я заерзала на диване и бросила беспомощный взгляд на Ваню.

– Я подумал, что вы сможете нам помочь, – начал Ваня. – Я помню, как в прошлый раз, когда мы с вами встречались...

– Давайте ближе к настоящему, молодой человек, – перебил его Степан Пантелеевич.

Ваня на мгновение задумался.

– Происходят странные вещи, – сказал он и замолчал.

Я решила, что пора брать инициативу в свои руки.

– Вообще-то происходят они со мной, – сказала я и тоже

замолчала.

– Так, – произнес Степан Пантелеевич. В комнате повисла тишина.

– Наверное, нужно начать сначала, – подал голос Ваня.

– Только не совсем понятно, где начало, – добавила я. – Может оно вовсе не там, где кажется.

– А почему вы решили, что обязательно нужно начинать с начала? – спросил Степан Пантелеевич. – Это предрассудки. Можно с не меньшим успехом начать с конца, с середины или с любого другого места.

– Кто-то хочет меня напугать, – выпалила я.

– Только хочет? – спросили Степан Пантелеевич, – или...

– Или, – сказал Ваня. – Кто-то уже действует, и вполне успешно.

– Я бы не сказала, – перебила его я. – Я вовсе не напугана.

Ваня промолчал, а мне стало немного стыдно, потому что я вспомнила, как вчера чуть ли не силой затащила его к себе домой в двенадцать ночи, причем вовсе не с какими-то романтическими намерениями, а просто потому, что жутко боялась.

– Меня это вовсе не удивляет, – неожиданно заявил Степан Пантелеевич. – Я предполагал нечто подобное.

– Предполагали? – изумилась я.

– А теперь расскажите мне все, и как можно подробнее.

Степан Пантелеевич откинулся в кресле и приготовился слушать. Я рассказала обо всех странных и пугающих проис-

шествиях, произошедших со мной с тех пор, как я приехала в Васильки. Не скрыла я и того, что пустой человек, напугавший меня до полусмерти, моя давняя детская страшилка. Я даже пересказала связанную с ним легенду, услышанную в детстве от Серого. Ваня, который ничего об этой легенде не знал, выслушал ее с большим вниманием.

– Так, так, очень интересно, – подытожил Степан Пантелеевич, после того как я замолчала. – Очень хорошо, что вы умеете связно излагать свои мысли.

– Я просто рассказала все, как было.

– Если бы вы знали, какой большой проблемой становится для большинства людей, особенно чем-то напуганных, просто рассказать все, как было! – с чувством произнес Степан Пантелеевич.

– То есть вы не думаете, что я... Что у меня слишком богатое воображение?

– Я нисколько не сомневаюсь в богатстве вашего воображения, – ответил Степан Пантелеевич, – но здесь дело совсем в другом.

Он задумчиво постукивал пальцами по подлокотнику кресла. Я чувствовала взгляд Вани, который сидел слева от меня, но не поворачивалась к нему. Я смотрела на Степана Пантелеевича.

– Мое прозвище – Орлиный Глаз, – неожиданно заявил он.

Я чуть с дивана не упала. Я смотрела на этого невысокого,

можно даже сказать, маленького, сухонького человека с копной седых волос, лицом, покрытым мелкой сеткой морщин и озорным блеском в глазах и с трудом удерживалась от смеха.

– Не сдерживайте эмоций, барышня! – воскликнул он. – Хотите смеяться – смейтесь!

Я расплылась в улыбке.

– Не сомневаюсь, что вы заслужили это громкое имя, – вежливо сказала я.

– Да, были времена, – мечтательно проговорил Орлиный Глаз. – Хотя на самом деле все дело в фамилии.

– Ваша фамилия – Орлов? – предположила я.

– Наоборот. Воробьев, – вздохнул Степан Пантелеевич.

Ваня кивнул с большим пониманием.

– А меня всегда Макаронной звали, – сказал он, – с двумя «н».

– Макаров? – почти утвердительно спросил Степан Пантелеевич.

– Ага.

Не понимаю, почему все всегда говорят о прозвищах. Разве нет на свете других тем для разговоров? Хотя, если бы меня звали «Орлиный глаз», то я, наверное, тоже не прочь была бы об этом поговорить... Так, о чем это я? И о чем это они?

– Давайте разберем первый эпизод, – сказал Степан Пантелеевич, как будто услышав мои мысли.

– С полотенцем? – спросил Ваня.

– Да, с полотенцем. Первый по времени, но не по значению.

Интересно, что он имеет в виду?

– Я бывал в вашем доме и хорошо помню расположение комнат. Ванная находится напротив спальни и дверь в нее открывается наружу, так?

– Да, – кивнула я.

– Вы вошли в ванную приблизительно в девять вечера.

– Приблизительно. Может, позже.

– Вы всегда посещаете ванную в это время?

– Да нет у меня никакого расписания. Я просто случайно туда забрела.

– Но все равно бы забрели рано или поздно, – подытожил Степан Пантелеевич.

– Ну конечно. Куда бы я делась.

– Следующий вопрос. Советую вам хорошо подумать, прежде чем отвечать. Вы утверждаете, что ничего странного не видели.

– Не видела, – согласилась я.

– Вопрос такой: может быть, вы что-то слышали? Не торопитесь. Постарайтесь до мелочей припомнить все, что происходило в тот момент. Вы подходите к двери в ванную, беретесь за ручку, поворачиваете ее и открываете дверь... делаете шаг вперед... Тут на вас что-то падает, вы пугаетесь, ваши мысли хаотичны и беспорядочны, но, подумайте, может быть, ваши уши что-то слышат?

Я закрыла глаза и следовала за голосом Степана Пантелеевича. Вся картина очень четко стояла у меня перед глазами. Я даже почувствовала на своем лице мохнатое прикосновение полотенца. И в этот момент...

– Точно! – воскликнула я. – Был какой-то звук. Очень тихий. Даже не знаю, как его описать. Какой-то вжик.

– Вжик? – переспросил Степан Пантелеевич.

– Вжик, – задумчиво повторил Ваня.

– Вжик, – снова сказала я.

– Очень хорошо, – вид у Степана Пантелеевича был необыкновенно довольный, как будто ему только что сообщили долгожданную приятную новость. Через несколько мгновений выражение его лица снова изменилось, стало сосредоточенным и бесстрастным.

– Скажите, – произнес он, – а это полотенце... оно обычное?

– Ну да, – я пожала плечами. – Полотенце как полотенце. В сине-белую полоску. У бабушки таких штук пять. В какие-то дремучие времена, когда ничего нельзя было купить, ей привезли их откуда-то, то ли из Индии, то ли из Китая.

– Ага, – кивнул Степан Пантелеевич.

– Она говорила, что таких полотенец теперь нигде не достать, – пустилась я в воспоминания. – Они сотканы из необычайно тонких нитей, поэтому такие легкие, хотя и очень прочные.

– Ага, – торжествующе сказал Степан Пантелеевич. – Лег-

кие. То есть это полотенце легче обычного.

– Легче, – кивнула я. – Но не настолько, чтобы самостоятельно летать.

– Это мы еще посмотрим, – заявил Орлиный Глаз.

Больше вопросов он не задавал. Я не знала, что и думать.

– Интересно, а какой же – первый по значению? – задумчиво спросила я через некоторое время. Мне не давала покоя оброненная в начале разбора эпизодов фраза Степана Пантелеевича.

Орлиный Глаз пару раз еле заметно кивнул головой, как бы соглашаясь с какими-то своими мыслями, потом вдруг широко улыбнулся и по очереди посмотрел на нас с Ваней.

– А вы как думаете? – спросил он.

– Я никак не думаю, – ответила я. – Поэтому и спрашиваю.

– А я думаю, что это случай с книгами, – сказал Ваня.

– Очень интересно, – снова кивнул Степан Пантелеевич. – А можно узнать, каким путем вы пришли к этому умозаключению?

– Да не знаю, – Ваня пожал плечами. – Просто что-то мне подсказывает, что этот эпизод отличается от остальных. Хотя я вряд ли смогу четко сформулировать, чем именно. Просто складывается такое впечатление.

– Впечатление – это замечательно. Впечатления обязательно нужно принимать во внимание. В некоторых случаях им даже можно доверять больше, чем логическим выводам.

– Хорошо бы еще точно знать, в каких, – вставила я.

– Знаете, я с вами согласен, – продолжал Степан Пантелеевич. – Несомненно, эпизод с книгой – самый важный.

– Почему? – спросила я. – Мне это совершенно непонятно. И никакого такого впечатления у меня не складывается.

– На впечатления, которые не складываются, тоже следует обращать внимание, – сказал Орлиный Глаз и, совершенно неожиданно, хитро подмигнул мне левым глазом. – И все-таки, такой предмет, как книга, не может быть случайным, даже если он оказался втянут в эту историю совершенно случайно, – добавил он.

Ничего себе объяснение.

Потом мы поговорили о загадочных шагах и не менее загадочном смехе, их сопровождавшем. Причем Степан Пантелеевич, он же Орлиный глаз, назвал этот эпизод самым простым, при этом совершенно ничего не объясняя. О пустом человеке не было сказано ни слова. Я почувствовала разочарование, смешанное с раздражением.

А потом Степан Пантелеевич нас выставил. Это было сделано со всей деликатностью и уверениями в том, что он будет с нетерпением ждать «следующего визита», который мы непременно должны нанести ему не позднее, чем завтра.

– Видите ли, я не предполагал, что вы навестите меня именно сегодня, и у меня через полчаса назначена встреча, к которой мне еще нужно подготовиться, – говорил Степан Пантелеевич, провожая нас к выходу.

Ваня уверял, что мы все понимаем и что мы очень при-

знательны за то, что он согласился нас выслушать.

– По- другому и быть не могло, – заметил Степан Пантелеевич.

– До свидания, – пролепетала я, выходя из дома и оглядываясь в поисках доберманов.

– Не бойтесь, мои охранники вас не тронут. Теперь вы можете приходить ко мне в любое время, и, даже если меня не будет дома, они не причинят вам никакого вреда.

– А я и не боюсь, – сказала я.

– А вот я, пожалуй, не стал бы с ними связываться, – произнес Ваня, недоверчиво поглядывая в ту сторону, где в прошлый раз скрылись доберманы.

– Очень разумное решение, – сказал Степан Пантелеевич. – Совершенно незачем лезть на рожон без крайней необходимости.

– А как вы с ними общаетесь? – поинтересовалась я. – Что-то я не слышала, чтобы вы давали им какие-нибудь команды.

– Они понимают меня без слов, – улыбнулся Степан Пантелеевич.

Он проводил нас до калитки и даже помахал рукой, когда мы отъезжали.

Глава 12, о голых коленках и случайном ухажере

Вечером мы сидели в беседке возле моего дома впятером: я, Белка, Ваня, Коля и Света. Ваня оказался у меня сразу после поездки к Степану Пантелеевичу, Белка пришла позже и привела с собой Свету и Колю.

Речь зашла о прозвищах. Я незаметно показала Кольке кулак. Только он из нашей компании знал мое детское прозвище.

– А тебя как называли? – спросила у Кольки Света.

– Да вроде никак, – Колька многозначительно посмотрел на меня.

– А я слышала... – начала Белка и замолчала.

Колька бросил на меня гневный взгляд. Я виновато опустила глаза, потом подняла и посмотрела на него умоляюще.

– Что ты слышала? – обратилась Света к Белке.

– Да я... – замялась та.

– Что за дела? – возмутила Света. – Катька точно знает твоё прозвище, Белка, видимо, тоже знает, судя по её виду, одна я не в курсе?

Она уперла руки в бока и гневно сверкала глазами в сторону Кольки.

– Я тоже не знаю, – скромно заметила Ваня.

Света нетерпеливо от него отмахнулась.

– Да ничего в этом нет интересного, – пробормотал Колька.

Вот уж не думала, что он такой чувствительный, хотя...

– Говори, говори, – не унималась Света.

– Пусть она скажет, – Колька кивнул в мою сторону.

– Нет, ну если ты не хочешь... – неуверенно начала я. – Могут же у человека быть какие-то личные тайны, – обратилась я к Свете.

– Что это за тайна, которую знают все, кроме жены? – парировала она.

Колька, глядя на меня, кивнул.

– Его называли Колька Сопля, – выпалила я и невольно улыбнулась.

– Сопля? – Светка на мгновение задумалась, а потом расхохоталась. – Колька Сопля, ну надо же!

– Это потому, что у него в детстве был хронический насморк, – объяснила я. – Он все время шмыгал носом и еще...

Колька сделал большие глаза и провел ладонью у своего горла. Я прикусила язык. Светка, развеселившись, не обращала внимания на нашу пантомиму.

– Хорошо, что жена, вместе с фамилией, не должна брать себе прозвище мужа, – заметила Белка.

– А то была бы я Светка Сопля, – выдала Света.

Все громко заржали. Я была довольна, что никто не устра-

ивает допросов с пристрастием по поводу моего детского прозвища.

Когда Колька Сопля и его жена Светка ушли, Белка с большим интересом выслушала наш рассказ о поездке к Степану Пантелеевичу и отнеслась к нему довольно скептически.

– Не представляю, что он может сделать, этот дядечка. Даже если у него такое громкое прозвище.

Она фыркнула. Ну вот, опять разговор заходит о прозвищах!

– По-моему он это просто так сказал, для смеха, – произнес Ваня. – Чтобы разрядить обстановку.

– Я не заметила, чтобы обстановка была очень уж напряженной, – сказала я.

– Не заметила? – Ваня бросил на меня странный взгляд.

– А что? – спросила я. – Я не права?

– Не знаю, – Ваня пожал плечами. – Мне показалось, что ты была как натянутая струна, особенно, когда рассказывала об этом своем «пустом человеке».

Белка взглянула на меня и отвела глаза. Я почувствовала почти непреодолимый позыв оглянуться, но поборола его нечеловеческим усилием воли.

– Впервые в жизни я испытываю осознанное желание употребить алкоголь, – сказала я, совершенно неожиданно для себя самой.

– Ого, – сказал Ваня.

– Так в чем проблема? – подмигнула мне Белка. – В Васильках полным-полно разных настоечек, перцовочек и прочих производных любимого народного напитка.

– Белка, ты забыла? – воскликнула я.

– Что?

– Мы же поклялись.

– А, точно... Ну, тогда не знаю.

– Да и потом, вот как раз этих производных мне совершенно не хочется.

– А чего тебе хочется? – с интересом спросила Белка.

– Чего-нибудь сладкого. И одновременно терпкого. И освежающего. Со льдом. В красивом бокале...

– Такого в Васильках точно нет, – уверенно заявила Белка.

– В Васильках, может, и нет, – небрежно произнес Ваня, внимательно слушавший наш разговор, – а вот в Мальцево есть.

– В Мальцево? – хором удивились мы с Белкой.

– В Мальцево, – подтвердил Ваня. – Там есть бар.

– Ничего себе. А как он называется? – спросила я.

– Он называется «бар».

– В высшей степени оригинально, – заметила Белка. – И что, там действительно есть... красивые бокалы?

– Вроде да. Насколько я понимаю в бокалах.

– Хочу посмотреть, – сказала я. – И попробовать.

– Поехали, – произнес Ваня, вставая.

– Поехали! – вскочила я.

Белка продолжала сидеть, не глядя на нас.

– Тебя это тоже касается, – сказала я.

– Вряд ли, – отозвалась Белка. – Мне нужно Алинку уложить, и вообще... я уже вышла из этого возраста и состояния.

– Ха, – саркастически произнесла я.

– Может, все-таки поедешь? – поддержал меня Ваня. – Я возьму одного своего друга... нормальный парень.

– Тоже тракторист? – заинтересовалась я. – Или, может быть, дояр? То есть оператор машинного доения.

Белка захихикала.

– Думаю, вам и без меня не будет скучно.

– Но тебе-то, наверняка будет скучновато.

– Мне – нет.

– Антон – он веселый, заводной... иногда.

Что я слышу? Антон? Мой интерес к намечаемому мероприятию возрос как минимум в восемь раз.

Белка вздохнула.

– Не сомневаюсь, что твой Антон – само совершенство. Но я другому отдана и буду век ему верна...

– Ну ты загнула! – возмутился Ваня. – Я ж тебя замуж отдавать не собираюсь. И приглашаю вовсе не в сауну, а в приличное место.

– Ладно, – Белка вдруг повеселела. – Если вы подождете меня пятнадцать минут...

– Да хоть двадцать, – вставила я.

– Пойду уложу Алинку и у мужа отпрошусь.

Белка умчалась. Я посмотрела на Ваню, а он на меня.

– А вдруг он ее не отпустит? – спросил Ваня.

– Отпустит, – уверенно ответила я.

– Откуда ты знаешь? Ты с ним знакома?

– В жизни не видела.

– Она много тебе про него рассказывала?

– Вовсе нет. Ваня, это же просто! – воскликнула я. – Если бы Белка не была абсолютно уверена, что он ее отпустит, разве она стала бы у него отпрашиваться?

– А-а, – протянул Ваня. – А вот ты, например...

Ваня замолчал и почесал затылок. Обожаю эту его привычку, сама не знаю, почему...

– Что? – спросила я.

И тут до меня дошло, о чем он хочет меня спросить.

– Я никогда никого ни о чем не буду спрашивать, и никому ничего не буду докладывать, – выговорила я с неожиданной для меня самой злостью. – Всегда буду делать то, что захочу, а хочу я обычно... чего попало.

– Например? – спокойно спросил Ваня.

– Без примеров, – отрезала я.

– Ладно, я за машиной и за Антоном, – произнес Ваня, поднимаясь.

Белка появилась в моей гостиной ровно через пятнадцать минут. Она успела переодеться в другие джинсы и другую майку и при этом осталась такой же милой и привлекатель-

ной, какой была в предыдущей одежде. Я же надела короткую юбку, которая по какой-то странной случайности оказалась в моем чемодане. Я уверена, что не собиралась ее с собой брать. Я вообще почти никогда не ношу такие короткие юбки, разве что когда хочу кого-нибудь позлить. Туфли на высоком каблуке я, конечно же, не взяла, но решила, что сойдут и босоножки на танкетке.

– Шикарно выглядишь, – сказала Белка. – Очень сексуально. Это для Вани?

– Вовсе нет. Это против Вани.

– Понятно, – протянула Белка. – Похоже, между тем моментом, когда я ушла и тем, когда ушел Ваня, вы успели найти причину для нового развлечения.

– Какого еще развлечения? Я вообще не понимаю, о чем ты говоришь.

– Разве ссора влюбленных – это не развлечение?

– Каких еще влюбленных? – сердито сказала я. – Никто ни в кого не влюблен.

– Ха, – произнесла Белка. – А вот и наши кавалеры, – заметила Белка, выглянув в окно. – Надеюсь, этот Антон не очень занудный.

– Я плохо его знаю, – призналась я. – Но очень хотела бы узнать получше.

– Да? – Белка взглянула на меня с интересом.

– А, кстати, что сказал твой муж?

– По-моему, он меня совсем не любит, – кисло произнесла

Белка.

– Так и сказал?

– Он сказал: «Ладно, иди развлекайся со своими аборигенами. Я уверен, что ты благоразумная девочка».

– И где тут говорится о том, что он тебя не любит? – удивилась я.

– Мог бы и поревновать, хоть чуть-чуть.

– Ну ты даешь, – только и смогла сказать я.

Бар оказался самым обычным баром, никакого сельского колорита вроде стога сена вместо дивана или деревянных туалетов на улице не наблюдалось. Меня это даже немного разочаровало. Когда мы подъехали, то увидели не меньше двух десятков машин, припаркованных на улице возле бара.

– Ничего себе, – сказала Белка. – Я думала, в сельский бар ходят местные. А им дойти гораздо удобнее, чем доехать.

– Это заведение пользуется большой популярностью, – сказал Ваня. – Сюда приезжают не только из ближайших деревень, но даже из райцентра. А некоторые и из города.

– Зачем? – спросила я.

Ваня пожал плечами и в очередной раз покосился на мои голые коленки. Они явно не давали ему покоя. Когда мы с Белкой появились, как на сцене, на крыльце моего дома, я ясно увидела, как у него перехватило дыхание, а через минуту он судорожно втянул в себя воздух. Еще бы. К юбке я подобрала бирюзовый топ ассиметричного кроя: одно плечо

закрыто, второе – обнажено. Ваня так разволновался из-за моих ног и моего плеча, что забыл познакомить Белку и Антона, это пришлось делать мне.

Антон сказал, что его просто распирает от удовольствия сопровождать в питейное заведение самых красивых девушек на деревне, Белка улыбнулась, Ваня посмотрел на него исподлобья и открыл передо мной дверцу машины. Мне пришлось сесть рядом с Ваней, хотя сначала я собиралась устроиться вместе с Белкой на заднем сиденье. Видимо, он хотел, чтобы мои коленки неотрывно находились под его бдительным присмотром. Дальнейшее показало, что я не ошиблась.

– Я слышал, – сказал Антон, когда мы вышли из машины, – что сюда кого попало не пускают.

– Фейсконтроль? – спросила я, глядя на шкафообразного охранника в темном костюме, стоявшего у входа.

– Да, – сказал Ваня.

– Как ты думаешь, мы достойны посетить это заведение? – спросила я Белку.

– Не знаю, – с сомнением произнесла она.

– Сюда не пускают только местных алкашей и буйных малолеток, – авторитетно заявил Ваня.

– Я смотрю, ты здесь часто бываешь, – сказала я.

– Не часто, но бываю. Хозяин бара – мой хороший знакомый. Это он в первый раз привез меня в Мальцево. А Васильки я сам нашел.

Мы вошли в бар и разместились за одним из столиков.

Через несколько секунд нам принесли меню, а Ваня привел хозяина, которого звали Глеб и который оказался крепким мужчиной средних лет с бородкой. Глеб рассказал нам, как он рад нас видеть и добавил, что сегодня ввиду того, что вторник, народу немного, но все равно скоро появится диджей и заведет музыку. Так что можно будет потанцевать, если нам хочется.

Я заказала какой-то коктейль с длинным названием и не менее длинным перечнем ингредиентов, Белка заказала мартини, Антон – пиво, а Ваня – чай. Я разглядывала посетителей бара, которые в основном оказались нежно щебечущими парочками, состоящими из мужчин постарше и женщин помоложе, хотя были и другие варианты.

– Откуда они все тут взялись? – спросила я. – Мальцево вряд ли можно назвать очень оживленным местом. И от трассы не так уж близко.

– Прелесть этого бара как раз в его удаленности и уединенности, – сказал Ваня.

– Да?

– Сюда часто приезжают те, кто... не хочет афишировать свои отношения.

Я ничего не понимала.

– Ты хочешь сказать, что вся эта публика – жены, которые изменяют мужьям и мужья, которые изменяют женам? – догадалась Белка.

– Не вся, но некоторые – точно. Им приходится уезжать

подальше от дома, и этот бар для них – просто находка.

– Я вижу, ты в этом хорошо разбираешься, – заметила я.

– В чем?

– В связях с замужними женщинами, – выпалила я.

После моих слов возникла неловкая пауза.

– Это все мне Глеб рассказал, – спокойно объяснил Ваня. – Когда он открывал этот бар, ему и в голову не приходило, что он станет пристанищем нарушителей брачных клятв.

– Интересно, на какую публику он рассчитывал, открывая такое заведение в глухой деревне, – подал голос Антон.

– Это было просто осуществлением мечты, – сказал Ваня. – Он рассказывал мне, что всегда мечтал переехать в деревню и открыть бар, куда будут приезжать его друзья и другие приятные люди.

– Хорошо, когда мечта сбывается, – заметила Белка.

– Даже если по мере сбычи она несколько корректируется, – добавил Антон.

– А ты о чем мечтаешь? – обратилась я к Антону.

Я осознавала, что это странный вопрос и сама не знала, зачем его задала. Весь вечер мне хотелось спросить его совсем о другом. Но я боялась его спугнуть, прямо спросив о том, что он высматривал на моем огороде.

– Мои мечты очень тривиальны, – ответил Антон, не выказав ни капли удивления. – Я хочу купить себе остров где-нибудь в теплом море, перевезти туда... ну, например, этот бар целиком и еще с десяток мулаток с большими... э... та-

лантами.

Белка прыснула, я тоже не удержалась от улыбки.

И все же Антон вел себя очень подозрительно. Пил темное пиво, рассказывал геймерские анекдоты, хлопал Ваню по плечу и разглядывал Белку, пытаясь делать это незаметно. На меня он почти не обращал внимания. Я, на него, впрочем, тоже. Хотя у меня была какая-то смутная идея по поводу того, что, когда он выпьет нужное количество пива и потеряет бдительность, я могу попробовать подкатить к нему со своими каверзными расспросами, как-нибудь замаскировав их под вполне невинные. А пока пусть привыкает к тому, что у меня есть странная привычка задавать неожиданные вопросы.

– А чем темное пиво лучше светлого? – спросила я.

– Ничем, – ответил Антон.

Когда появился обещанный ди-джей и закрутил ремиксы из ретро девяностых, я заявила, что хочу танцевать. Антон бросил на меня недовольный взгляд, Ваня стиснул зубы и встал, а Белка сказала, что посидит, так как вчера подвернула ногу. Странно, что я раньше ничего об этом не слышала. Антон обрадовано пробормотал, что с удовольствием составит Белке компанию, не оставляя же ее одну, а Ваня вышел из-за стола.

– Жалеешь, что я не в гипсе? – спросила я.

– С чего ты взяла?

– Совершенно необязательно меня сопровождать, – бро-

сила я через плечо и быстро пошла к танцполу.

– Угу, – буркнул Ваня и пошел вслед за мной.

Танцевать я люблю, даже под такую странную музыку, так что я получала удовольствие, чего нельзя сказать о Ване. Он переминался с ноги на ногу, не спуская с меня глаз и, когда заканчивался очередной трек, смотрел на меня с робкой надеждой. Но я была неумолима и продолжала танцевать.

Наконец, он не выдержал и, сказав, что принесет чего-нибудь освежающего, удалился в сторону барной стойки. Тут заиграл какой-то заунывный медляк, и бритоголовый дядечка лет тридцати девяти, изо всех сил пытающийся выглядеть брутальным, пригласил меня на танец. Когда я увидела Ванино лицо, то немного пожалела, что приняла приглашение. Но только немного. Так ему и надо! Отпрашиваться я у него должна, видите ли... Я свободный человек и всегда буду свободной, даже если... даже если что угодно!

Я попросила дядечку не прижиматься ко мне и сразу же забыла его имя, хотя он повторил его раз пять, по-моему. Когда танец закончился, я подошла к Ване, взяла у него стакан с коктейлем, выпила его залпом и снова вернулась на танцпол. Дядечка оказался рядом со мной. И откуда он только взялся на мою голову? Мне почему-то расхотелось танцевать. Ваня стоял, прислонившись к стене и, не отрываясь, смотрел на меня. Дырку хочет во мне просверлить, что ли? Нет, определенно, танцевать мне больше не хочется. Ноги стали как чужие, а руки не попадают в ритм и вообще мешают. Я пе-

рестала двигаться, развернулась и пошла к столику, где сидели Белка и Антон. Дядечка схватил меня за руку, видимо, предлагая остаться. Я вырвала руку и пошла дальше. Обернувшись я увидела, что он идет за мной.

– Я больше не танцую, – громко сказала я, чтобы у него не осталось никаких сомнений.

– Но вечер только начинается, – пробормотал он, глядя слегка остекленевшими глазами на меня. – Дальше будет еще веселее...

– Еще веселее мне не под силу, – отрезала я и отвернулась.

Он снова схватил меня за руку. Неожиданно рядом с нами появился Ваня. Его глаза метали молнии, губы были плотно сжаты, а на лице отражалась такая степень сдерживаемого внутреннего напряжения, что я по-настоящему испугалась. Неужели это Ваня? Неужели он может быть таким? Дядечка смотрел на меня и не обращал внимания на Ваню. Я резко дернула руку, но он держал на удивление крепко, и у меня не получилось ее вырвать.

– Эй, – скорее прорычал, чем сказал Ваня.

Это было похоже на приглушенные раскаты грома, так что дядечка не смог его проигнорировать. Он обернулся к Ване, но вместо того, чтобы испугаться, выпятил грудь и еще крепче сжал мою руку.

– Эта девушка – со мной, – сказал он.

– Ты что, офигел? – вырвалось у меня.

Я дернула руку изо всех сил и, наконец, смогла ее вырвать

из цепких лап этого сумасшедшего. А как еще назвать человека, который выпячивает грудь, когда на него рычит зверь неизвестной породы, на голову выше и в два раза шире в плечах? Ваня схватил его за ворот рубашки и, кажется, немного приподнял над полом. Мой смелый ухажер и не думал отступить, его затуманенный алкоголем мозг, кажется, не мог оценить масштабы грозящей опасности. Я взяла Ваню за локоть но он, видимо, этого не почувствовал. Мне хотелось зажмурить глаза, чтобы не видеть того, что произойдет дальше.

Неожиданно Ваня перестал излучать звериную ярость, опустил дядечку на место и даже поправил ему воротник.

– Извините, – сказал он спокойно, – кажется, вышло недо-
разумение.

– Да, похоже на то, – благоразумно согласился с ним дядечка. – Я подумал...

– Неважно, – перебил его Ваня.

Я потянула его за рукав, не глядя на дядечку.

Мы подошли к нашему столику, Антон и Белка сделали вид, что ничего не видели, и вечер продолжился довольно оживленно и весело. Про свои коварные планы в отношении Антона я совершенно забыла. Танцевать меня тоже больше не тянуло.

Глава 13, где подозрения ширятся и нарастают

Ваня, как обычно, проводил меня до дома. Мне было немного неловко и даже, кажется, стыдно за свое сегодняшнее поведение. И чего это я вообще, спрашивается, так взбеленилась? Может, Ваня вообще не имел в виду ничего такого? В смысле, он не считает, что я должна буду потом, когда мы поженимся, у него отпрашиваться, если хочу сходить куда-нибудь с подружками. И он не собирается меня контролировать. Может, он вообще не собирается на мне жениться. Скорее всего, так и есть. Не очень-то и хотелось...

– Ну, рассказывай, в чем дело? – спросил Ваня, когда мы остановились у моего крыльца.

Мне уже надоело быть вредной грубиянкой, и я совершенно не знала, что ответить.

– Ты сказал, что должна у тебя отпрашиваться, – выпалила я.

– Я? – Ваня был изумлен до глубины души.

– Да, – кивнула я.

– Ничего подобного я не говорил, – твердо произнес Ваня. – И не думал, – добавил он.

Я молчала и смотрела в пол.

– Ну ладно, я пойду, – сказала я.

– Может...

– Нет, не может, – отрезала я и вошла в дом.

Я приняла душ и легла в постель. Сначала мне было как-то муторно, а потом просто грустно. Нет в мире совершенства, и никогда не будет. В голове творятся всякие глупости, и в жизни тоже. Под эти мысли я и уснула. О том, что мне нужно было или бояться или бороться со своими страхами я вспомнила только на следующий день к обеду.

Может, уже все? Все закончилось, ничего страшного больше не будет и мне можно расслабиться и вплотную заняться тем, зачем я сюда приехала? Но все-таки интересно, что же это было? Кажется, сегодня мы должны поехать к Степану Пантелеевичу по прозвищу Орлиный Глаз. Я улыбнулась и распахнула окно навстречу солнечному дню, который казался особенно ярким и радостным после вчерашнего дождя.

– Хорошо, что вы приехали, – сказал Степан Пантелеевич, когда мы разместились за столом и взяли в руки тонкие фарфоровые чашки с дымящимся ароматным чаем.

Мы с Ваней переглянулись и хором промычали что-то невнятное.

– Возможно, вчера вам показалось, – продолжал Степан Пантелеевич, – что я был не очень вежлив и хотел побыстрее от вас избавиться.

– Вовсе нет, – возразил Ваня.

– На самом деле – да, – улыбнулся Степан Пантелеевич. Мне снова показалось, что он мне подмигнул, но я снова не была в этом уверена. – Но сегодня – совсем другое дело.

Это заявление выглядело неожиданным.

– Итак, продолжим. Мы говорили о странных, если не сказать больше, происшествиях, которые происходят с тех пор, как вы, Катенька, приехали в Васильки...

– Происходили, – сказала я. – Уже два дня все спокойно.

– То есть до этого таких больших перерывов не было? – Степан Пантелеевич наклонился вперед.

Я задумалась. Потом занялась подсчетами, пытаюсь вспомнить даты и загибая пальцы. Степан Пантелеевич взял в руки чашку и поднес ее ко рту.

– Не было, – уверенно сказал Ваня. – Это должно было случиться вчера. Я хочу сказать... что-то должно было случиться. Но не случилось.

– Почему вчера? – растеряно спросила я.

– Все эпизоды происходили через день. Я давно подсчитал.

– Очень практичный молодой человек, – сказал Степан Пантелеевич, глядя на меня.

– Значит... все закончилась? – произнесла я то ли с надеждой, то ли с сомнением.

– Вас это не радует?

– Радует, только...

– Мы все равно должны выяснить, что это было. Вернее,

кто это был, – закончил мою мысль Ваня.

– О, это непременно! – воскликнул Степан Пантелеевич с энтузиазмом. И замолчал. – Я думаю, вам лучше поговорить об этом между собой, – произнес он через несколько минут общего напряженного молчания.

– Между собой? – я не могла скрыть разочарования.

– Да. А я буду вас слушать. Это довольно эффективный метод. Ведь вы оба во всем этом участвовали, прямо или косвенно, а я всего лишь зритель... Пока мне лучше оставаться в этой роли.

– А... как? – неуверенно спросил Ваня.

– Очень просто. Будьте увереннее. Отбросьте сомнения. Я еще во время нашего первого знакомства заметил, что вы довольно сообразительны. Забудьте обо мне. Говорите так, как будто меня здесь нет.

– Хорошо, давай попробуем разобраться, – произнес Ваня, поворачиваясь ко мне. Ты приезжаешь в деревню. Встречаешь старых друзей.

– Да.

Я кивнула. Мне казалось, что мы занимаемся ерундой. Что еще за театральные постановки? И при чем здесь мои друзья? Я бросила быстрый взгляд на Степана Пантелеевича. Он выглядел довольным.

– Кроме того, у тебя появляются новые знакомые, – продолжал Ваня. – По-моему, на них стоит обратить самое пристальное внимание.

– Ага. Новые знакомые – это ты и Белка. Еще Степан Пантелеевич. Все очень подозрительны.

– А этот, с которым ты позавчера возле магазина разговаривала? В клетчатой рубашке...

– А ты что, следил за мной?

– Я просто был у Антона. А его дом – напротив магазина.

Ладно, принимается.

– Это Вовка Крапивин. Я его сто лет знаю. Правда, когда в первый раз увидела, не узнала... Но только в первые две секунды.

– Вот видишь. Возможно, кто-то, кто кажется тебе знакомым, на самом деле вовсе не он.

– Ты сам понял, что сказал? – спросила я.

– Кто-то может выдавать себя за твоего давнего друга, но на самом деле им не являться. Ты же сама все время говоришь, что никого не узнаешь, – развивал свою мысль Ваня.

– Да это я сначала не узнаю. С первого взгляда. А потом-то узнаю. Ты ерунду говоришь. Не может человек притворяться другим человеком, тем более, здесь, в деревне. Это же тебе не город, где соседи друг друга только в лифте видят, да и то со спины. Здесь все друг друга знают снаружи и с изнанки.

– Очень здравая мысль, – поддержал меня Степан Пантелеевич. – Выдавать себя за другого человека в деревне – чистое безумие. Кстати, а почему вы решили, что недоброжелатель должен быть здесь новичком? Это нелогично.

– Но я не представляю, кто из местных может так меня

ненавидеть! – воскликнула я. – У меня со всеми всегда были хорошие отношения...

– Но еще более странно представить, – проговорил Степан Пантелеевич, – что вас вдруг люто возненавидел кто-то незнакомый. Для ненависти, да что там, для простой неприязни нужна причина.

– Да это просто какой-то чокнутый! – воскликнул Ваня. – Маньяк. Точно. Я его выслежу, и уж тогда...

Глаза его кровожадно сверкнули.

Я задумалась. Кто в Васильках мог затаить на меня злость? Может кто-то не может простить, что я когда-то не дала ему поиграть со своей куклой или запустила в него огрызком яблока? Больше ничего в голову не приходит.

– Мы, конечно, не можем полностью исключить версию с маньяком, – заметил Степан Пантелеевич, хотя я на девяносто девять процентов уверен, что это все же не маньяк.

– А кто? – хором спросили мы с Ваней.

– Тот, кто хорошо вас знает, – произнес Орлиный Глаз после эффектной паузы. – Возможно, что и вы его хорошо знаете. Но необязательно.

– Но... – вырвалось у меня. – Зачем?

– Когда я сказал, что он хорошо вас знает, я имел в виду и то, что он может знать о вас нечто такое, о чем вы даже не подозреваете...

Я открыла рот, чтобы задать очередной вопрос, но передумала. А что тут, собственно, можно сказать или спросить?

– Орлиный Глаз сказал, что ты – очень смысленный парень, – вспомнила я, когда мы ехали домой.

– Я его вечный должник, – воскликнул Ваня.

– По-моему, он все еще больше запутывает, – поделилась я своими сомнениями. – То есть иногда он рассуждает очень логично и последовательно, а иногда...

– В этом и заключается его метод, – перебил меня Ваня. – И не забывай, что во многих случаях он оказывался очень эффективным.

– Лично мне ничего не известно об этих многих случаях.

– Я же тебе говорил...

– Ничего ты не говорил! – возмутилась я. – Только расстроил мое любопытство.

– Ага, вот, значит, как, – обрадовался Ваня. – Ты, значит, мучаешься от любопытства? Прямо так и разбирает?

– Ничего меня не разбирает. И слышать не хочу ни про какие таинственные истории.

И зачем только я это сказала? Теперь демоны любопытства накинутся на меня с утроенной силой...

– А тебе не приходило в голову, что твой Коля – вовсе не Коля? – неожиданно спросил Ваня. – Ты же сама говорила, что не узнала его.

Я задумалась. Задумалась! Вот до чего доводит атмосфера тотального недоверия и подозрительности.

– Нет, – наконец, уверенно ответила я. – Коля – это Коля.

К тому же у него дети, жена...

– Это ничего не значит. У злоумышленника тоже может быть семья. И он вполне может взять ее с собой для отвода глаз.

– Но у него шрам! – воскликнула я с облегчением.

– Какой шрам?

– Его бык подрал.

– Что-то я не видел у него никакого шрама, – сказал Ваня.

– Ну да, под одеждой не видно. Он у него на боку. Еще немного, и была бы задета печень. В рубашке родился. Это врач тогда сказал.

– Ага, значит, под одеждой, – проговорил Ваня. Тон его мне почему-то не понравился. – А ты его, значит, видела.

– Ну да, видела, – я, наконец, поняла, куда он клонит. – Он мне сам показал. Задрал футболку и показал.

– С чего это? – подозрительность Вани ничуть не ослабела.

– Просто мы вспоминали тот случай, с быком... Кстати, это я первая начала. Напомнила ему.

– С одной стороны, это должно бы вычеркнуть его из списка подозреваемых, но с другой... шрам может быть ненастоящий. И все-таки есть в нем что-то подозрительное. Не нравится мне, как он на тебя смотрит.

– Не следует смешивать личную неприязнь и объективное расследование, – обижено сказала я. – А Коля – это Коля. И не надо на него бочку катить.

– А ты его прямо-таки обожаешь.

– Да, обожаю, – твердо сказала я. – Он в меня из рогатки стрелял. Гнилыми сливами.

Самое странное – это то, что Белку, оказывается, тоже одолевала подозрительность по отношению к Коле, хотя она и не считала, что он поддельный. О чем она мне и заявила вечером во время очередного чаепития.

– Ты забываешь, что его не было в деревне, когда произошел тот случай с полотенцем, – напомнила я.

– Да, но я бы, наверное, все же не стала придавать этому случаю такого уж большого значения.

– Почему это? – возмутилась я. – Уж не думаешь ли ты, что я это придумала, или мне это померещилось, или я вообще не в своем уме?

– Не в этом дело. Но все же мы не можем быть уверены, что этот случай относится к нашему делу. Может быть, это просто Необъяснимый Случай.

– Какой еще Необъяснимый Случай? О чем ты говоришь?

– Я думаю, ты знаешь, – начала Белка таким голосом, каким она обычно рассказывает сказки Алинке, – что не все можно объяснить. Иногда происходят вещи, которые объяснить никак не возможно. А они происходят, и все.

– Например?

– У меня был такой случай: я сидела дома одна. На кухне. Пила чай. Вдруг раздался страшный грохот, дверь кладовки

раскрылась и оттуда вылетела... капуста.

– И что?

– И все.

– Отчего она вылетела-то?

– Не знаю, – пожалала плечами Белка. – Знаю только, что лежала она на средней полке, вместе с двумя другими капустами, что никого кроме меня дома не было, включая домашних животных и что удар, от которого распахнулась дверь, был довольно сильный.

– Да-а, – задумалась я. – Наверное, она просто упала. Стукнулась об дверь, потому что во время падения набрала какую-то скорость...

– Но отчего она упала-то? – спросила Белка. – Никто же ее не трогал.

– Мало ли. Может, она лежала с самого края, полка сохлась или рассохлась... Полки деревянные были?

– Да.

– Ну вот видишь. Она, наверное, давно упасть собиралась, лежала неудобно. Или ее другие капусты подтолкнули, которые лежали друг на друге и еле держались. Такое бывает.

– Всякое бывает, – неопределенно сказала Белка. – Они, кстати, друг на друге не лежали. Места было достаточно.

– Я что-то не пойму, причем тут твоя капуста?

– Это просто пример Необъяснимого Случая. Может, так было, может этак. Но все равно это очень странно и не похоже на правду. Прямо как с твоим полотенцем.

– Тоже мне, сравнила. Тут хоть какие-то объяснения можно придумать, а с полотенцем – вообще никаких.

– Ну почему – никаких. Вот сейчас, когда прошло какое-то время, эмоции улеглись, ты и сама, наверное, сможешь выдвинуть какие-нибудь предположения.

– Нет, не могу, – сказала я. – Кто-то его в меня бросил.

– Кто?

– Если бы я знала...

– Может, оно тоже просто упало.

– Говорю тебе еще раз: оно висело в двух метрах от двери. На крючке, который находится примерно на уровне моего плеча. Ты когда-нибудь слышала о законе всемирного тяготения?

– Ну что ты. Понятия не имею, что это такое.

– Все, что падает, падает вниз, – назидательно произнесла я. – А не вбок и тем более не вверх. Не могло оно упасть.

– Вот и я говорю: это просто Необъяснимый Случай.

– Ничего себе – просто! И как после этого можно спокойно жить?!

– После чего? – не поняла Белка.

– После того, как ты узнала, что бывают такие вот Необъяснимые Случаи.

– Есть многое на свете, друг Горацио...

– Нет, это не из той оперы. То есть пьесы.

Глава 14, в которой Пустой человек нападает

Ваня уехал в город. Привез меня домой и умчался. Сказал, что ему сегодня утром звонил один из партнеров по работе и ему срочно нужно решить какие-то проблемы.

– Я сегодня обязательно вернусь, – сказал он. – Это во-первых. Во-вторых. Вот тебе ключи от моего дома.

– Зачем? – удивилась я.

– На всякий случай, – веско произнес Ваня. – Я могу задержаться допоздна. И я думаю, что в таком случае тебе лучше побыть у меня.

– Зачем это? – я сделала непонимающее лицо.

– Затем, – отрезал Ваня.

– Я могу побыть у Белки, – сказала я, опустив глаза.

– Можешь, – согласился Ваня. – Но ключи на всякий случай возьми.

– Хорошо, – сказала я и протянула руку.

Он вручил мне два ключа на колечке с брелоком.

– Ну, я поехал, – сказал Ваня, переминаясь с ноги на ногу. – Чем быстрее уеду, тем быстрее вернусь.

– Ага, – сказала я.

Ваня еще помялся, потом сделал какой-то неопределен-

ный жест в моем направлении, потом оглянулся и сказал, то ли с разочарованием, то ли с облегчением:

– А вон Белка идет. Я пошел. И еще. – Он остановился. – Все время держи телефон в кармане.

– Конечно, – сказала я.

– Если что – сразу звони, – добавил он.

– Ага, – кивнула я.

– Я тоже буду звонить. Пока.

Он помахал рукой сначала мне, потом Белке, потом сел в машину и уехал. Это было в два часа дня. А сейчас уже восемь. Белка давно ушла. Не знаю, убедила ли я ее, что подозревать Колю в том, что он пытается напугать меня до полусмерти, очень глупо. Он, конечно, может пошутить, и его шутки не всегда бывают очень уж смешными, но чтобы так... И потом, все-таки его еще не было в Васильках, когда на меня прыгнуло то мохнатое полотенце.

Чем больше я обо всем об этом думаю, тем меньше могу представить себе человека, который мог бы все это организовать. Это должен быть кто-то очень изобретательный, очень осторожный и очень злой. Я таких людей не знаю...

Я решила прогуляться. Я положила в карман джинсов телефон, который звонил уже четыре раза и встревожено интересовался, все ли у меня в порядке. Потом, подумав, взяла с комода Ванины ключи и положила их в другой карман. Не знаю, зачем. Я вовсе не собиралась идти в его дом в отсутствие хозяина. Просто прогуляюсь. Может, зайду к Белке,

может к Галке или еще к кому-нибудь... Там видно будет.

Выйдя из калитки, я сразу же наткнулась на Антона.

– Привет, – сказал он и почему-то опустил глаза.

– Привет, – сказала я и тоже опустила глаза. И увидела, что его черные ботинки на толстой подошве покрыты слоем пыли, как будто он долго шел по проселочной дороге. Это впечатление усиливалось тем, что на одно его плечо был накинута сумка. – Ты откуда? – спросила я.

– Наверное, ты хочешь спросить «куда», – поправил меня Антон.

– Нет, я хочу спросить «откуда», – упрямо произнесла я.

– Оттуда, – Антон неопределенно махнул рукой.

– Ну и как там? – спросила я.

– Вполне, – ответил Антон. – Весело и мухи не кусают.

– Хорошо тебе, – вздохнула я и развернулась, чтобы идти своей дорогой.

– А тебе, что – плохо? – спросил Антон, внимательно глядя на меня.

– С чего ты взял?

– Да нет, я просто так спросил. Вздыхаешь...

– А это я о своем, о девичьем.

– Понятно, – сказал Антон. – А ты куда направляешься, если не секрет?

– А если секрет?

– Если секрет, то лучше не говори.

– Просто прогуляюсь. Может, в гости к кому-нибудь зай-

ду.

– Ну, давай, – сказал Антон.

– Еще увидимся, – сказала я.

Я пошла в сторону географического центра деревни. А куда еще идти, если мой дом находится на окраине, не в лес же. Улица была пустынной и какой-то безжизненной. Как будто сейчас не начало девятого, а четыре часа утра. Ни людей, ни животных... Мне даже стало немного не по себе.

Через какое-то время ноги привели меня к галкиному дому. Я открыла калитку, поднялась на крыльцо и постучала в дверь болтающейся железной щеколдой. В окне появилась взлохмаченная голова Вовки.

– О, Катька, привет, заходи. У меня тут котлеты... сейчас сторят, наверное, – и он исчез на кухне.

Я открыла дверь и ступила в полумрак веранды с застекленными, но почему-то плотно зашторенными окнами. Мои глаза не сразу привыкли к темноте, где находится выключатель, я не знала, так что пробиралась к входной двери на ощупь. Я смотрела под ноги, чтобы не споткнуться и делала осторожные маленькие шаги. Когда мои глаза стали видеть лучше, я подняла голову и чуть не завопила от ужаса, который мгновенно парализовал меня и лишил сил. Передо мной находилась темная фигура в балахоне. Она не двигалась, и мне показалось, что она стоит ко мне спиной.

Несколько мгновений я беззвучно ловила ртом воздух, а потом веранда осветилась ярким электрическим светом и я

увидела, что зловещая темная фигура – это всего лишь темный плащ с капюшоном, висящий на вешалке возле двери.

– Ты чего? – спросил Вовка, растеряно моргая в мою сторону.

Наверное, вид у меня был глуповатый...

– Н-ничего, – выдавила я.

– Я забыл, что ты не знаешь, где у нас свет включается, – виновато сказал Вовка, проследив за моим взглядом, прикованным к плащу. – Ты проходи.

Я вошла вслед за ним в дом, по которому разносились аппетитные запахи, добавлявшие уюта и спокойствия. Может, тоже завтра котлет нажарить? Это так успокаивает... Мои ноги все еще немного дрожали, и я опустилась на стул с высокой спинкой.

– А где Галка? – спросила я.

– К соседке пошла, – объяснил Вовка. – За хлебом. Я сегодня забыл хлеба купить, хотя она мне пять раз напоминала. Сейчас придет.

Галка пришла с булкой хлеба и с кучей новостей, касающихся буквально всех жителей деревни. Они с Вовкой заставили меня поужинать с ними, искусно надавив на умело вызванное у меня чувство вины. Когда я отказывалась от ужина, Галка посмотрела на Вовку и произнесла сокрушенно:

– Зазналась.

– Зазналась, – вздохнув, повторил Вовка и печально взглянул на меня.

– Да ничего я не зазналась, – возмутилась я. – Просто есть не хочется.

– Она, наверное, привыкла ко всяким там суши и ризотто, а у нас тут котлеты с пюрешкой, – подытожила Галка.

– Ладно, давайте ваши котлеты, – сдалась я. – Сто лет котлет не ела.

Еда меня взбодрила, и я с интересом выслушала все деревенские сплетни, пересказанные Галкой со слов соседки. Оказывается, баба Маня продала корову и купила козу, о чем немедленно пожалела, потому что подлое животное сжевало ее новый халат, который сушился на веревке в огороде. Дядя Вася чуть не дал в глаз агроному Петровичу за то, что тот усомнился в эффективности его ноу-хау по уничтожению колорадских жуков: дядя Вася предлагал опрыскивать их настоем красного перца, смешанного с нашатырным спиртом. Да, жукам не позавидуешь. Лидка Сидорова, похоже, опять беременна, а Маринка Карасева объявила своему мужу Федору, чтобы собирал чемоданы и проваливал к этой бесстыжей дуре Лариске в Мальцево. Среди прочих новостей упоминалось и то, что дачник Ванька Макаров еще в обед укатил в город на своем вездеходе и до сих пор не вернулся. Скорее всего, приедет завтра.

– Почему завтра? – спросила я.

– А когда? – заинтересованно спросила Галка.

– А тебе зачем?

– Просто интересно, – обиженно ответила Галка.

– Кто владеет информацией, владеет миром, – высокопарно изрек Вовка Крапивин.

Да уж. Насчет всего мира не знаю, но к Василькам это точно относится. Кто знает больше о своих ближних, тот и есть самая важная персона. И к тому ходят за новостями под предлогом занять булку хлеба или еще чего. И с удовольствием треплют языками, предпочитая это занятие всем прочим, в том числе и телевизору.

– Может, тебя проводить? – предложил Вовка, когда я собиралась домой.

– Да уж как-нибудь не заблужусь, – буркнула я, перехватив подозрительный взгляд Галки.

– Темно уже, – сказал Вовка.

– Но фонари-то горят, – сказала Галка.

– Время еще совсем детское, – сказала я, глядя на часы. – Да и вообще чего тут, в Васильках, бояться...

– Да, – кивнула Галка. – Это тебе не город, где ночью на улицу выйти страшно. По телевизору постоянно показывают: маньяки, насильники...

– Чего-чего, а маньяков у нас тут никогда не водилось, – рассеянно произнес Вовка, собирая со стола посуду.

Я попрощалась и вышла, настороженно косясь на длинный плащ, висевший на веранде. Под потолком ярко горела лампочка, и плащ выглядел именно как плащ, ничем не напоминая напугавшую меня зловещую фигуру. На крыльце я чуть не споткнулась о развязавшийся шнурок и присела его

завязать. Совершенно непонятно, почему эти шнурки на кедках постоянно развязываются. Похоже, они сделаны из какого-то неправильного скользкого материала. Через открытое окно кухни я слышала голоса Галки и Вовки.

– Я же просила тебя убрать этот провонявший рыбой плащ куда-нибудь подальше, – отчитывала Галка Вовку.

– Да я опять забыл, – ответил Вовка.

– Вечно ты все забываешь! – возмущалась Галка. – Может, тебе уже пора таблетки от склероза принимать?

– Может, и пора...

Как ни странно, атмосфера на деревенских улицах стала заметно более оживленной, чем полтора часа назад. Где-то слышался громкий смех, где-то – ритмичная музыка, а за забором, мимо которого я проходила, очень проникновенно звучал извечный вопрос:

– Ты меня уважаешь?

– Нет, не уважаешь, – отвечал сам себе вопрошающий. – Иначе ты бы не воротил нос от того, что тебе наливают...

– Ах, вот вы где! – раздался высокий женский голос. – Алкаши несчастные! Ироды проклятые! Только и знают, что самогон ведрами лакать...

Дальше я не слышала, потому что пошла быстрее. Да ну их всех. Это могло бы быть даже забавным, если бы не было таким жалким...

Вот и моя улица и мой дом, темный и неприветливый. А в

доме бабы Груши горит свет и через открытое окно слышен звук работающего телевизора. Неужели Белка смотрит этот дурацкий сериал? Я невольно замедлила шаги и мои ноги чуть не повернули к калитке бабы Груши. А еще моя рука нащупала в кармане ключи от Ваниного дома. Но моя голова решительно воспротивилась предательским движениям конечностей, и я открыла свою калитку. Постояла возле нее несколько секунд и медленно пошла к дому. Надо мной нависало звездное ночное небо. Ветер тихонько шелестел листьями деревьев.

Тут меня осенило, я достала из кармана телефон и позвонила Ване.

– Что случилось? – сразу спросил он.

– Ничего, – успокоила я. – Все в полном порядке.

– Ты где?

– Только что вернулась домой, – отчитывалась я, поднимаясь на крыльце и нажимая на кнопку выключателя.

– Домой? – переспросил Ваня. – Я же просил тебя...

– У меня все в порядке, – перебила я его. – Была в гостях у Галки с Вовкой, слушала деревенские сплетни...

Я уже была в гостинной, где все выглядело таким обычным, что даже вспоминать об охватившем меня у калитки страхе было смешно.

– Катя, – гнул свою линию Ваня. – Мне кажется, у тебя голос какой-то... нервный. Может, ты лучше...

– Они говорят, – снова перебила я его, – что ты приедешь

завтра.

– Кто говорит? – удивился Ваня. – И с чего они это взяли? Я уже выезжаю, хоть и пришлось задержаться из-за одного типа. Часа через два буду.

– Через два?

Лично я ехала от города почти пять часов.

– Я быстро езжу.

– Не надо, – сказала я, – быстро ездить.

– Ты уже ложишься? – спросил Ваня.

– Пока нет, – сказала я. – Но часа через два я, возможно, буду уже сладко спать.

– Ну и прекрасно, – сказал Ваня. – Не забудь дверь закрыть на задвижку. И окна проверь. А, может, я позвоню Антону?

– Чтобы он спас меня от одиночества? – спросила я голосом профессиональной соблазнительницы. – Ну что ж, может и стоит. Ты еще не скоро приедешь, вдруг я заскучаю...

– Катя... – начал Ваня и замолчал.

– Не надо мне никакого Антона, – произнесла я, уже серьезно. – Все в порядке.

– Только не забывай держать телефон рядом, – сказал Ваня.

– Хорошо, – сказала я. – Пока.

– Скоро увидимся, – сказал Ваня.

Я успела включить свет везде, где он включается, и обойти весь дом. Я чувствовала себя вполне спокойной. Все нор-

мально. Даже хорошо. Я выключила свет в библиотеке и в обеих спальнях и пошла в душ. Потом, переодевшись в джинсы и джинсовую рубашку, уселась пить чай с книжкой. Через некоторое время я вспомнила слова Вани и прогулялась к входной двери, где задвинула задвижку. Поглядев на часы, я обнаружила, что прошло целых полчаса. Ну что ж, неплохо. Осталось всего полтора. А это совсем немного.

Я проснулась от того, что у меня затекла шея. Я лежала на диване в гостиной, куда переместилась вместе с книжкой некоторое время назад. Помню, что я читала, поглядывала на часы... дальше не помню. Видимо, уснула. Неудобно повернув голову набок. Интересно, сколько сейчас времени? В темноте не видно циферблата часов. Вроде бы Ваня должен уже приехать... Так, а почему в гостиной темно? Я не помню, чтобы я вставала и выключала свет. На веранде тоже свет не горит, иначе его было бы видно под дверь. А ведь я оставила лампочку включенной. Видимо, отключили электричество, догадалась я. Надо позвонить Ване. Где мой телефон? Я запустила руку в карман джинсов. Пусто. Наверное, я вертелась, и телефон выпал. Он должен быть где-то на диване или на полу. А, ладно, потом позвоню. Глаза слипаются. Скорее всего, я спала совсем недолго. Минут пять. Просто задремала. Ужасно хочется спать...

Я закрыла глаза. На фоне темноты, в которую я погрузилась, отпечталось красноватое светлое пятно. Как солнце.

Завтра, наверное, будет солнечно. Не хотелось бы, чтобы пошел дождь. Он такой мокрый и тяжелый, шуршит по крыше, бьет по стеклам, шепчет и крадется... А солнце светит посреди темноты. Это же не солнце, это фонарь на улице! А если на улице горит фонарь, значит, электричество не выключили. Странно. Эта мысль меня почти разбудила. Я открыла глаза и вздрогнула.

Передо мной стояла темная фигура в капюшоне. Пустой человек! Я с непередаваемым ужасом вглядывалась в черноту на месте его лица, а через мгновение заметила, что его серые сморщенные руки тянутся ко мне. Я не могла ни кричать, ни шевелиться, просто смотрела на него, как загнипнотизированная. Мгновения растягивались в вечность, мне казалось, что я уже много веков переживаю этот парализующий кошмар... И тут я неожиданно заметила одну вещь и резко села на диване.

Холодные морщинистые лапы сомкнулись на моем горле, пустое лицо приблизилось ко мне, и я потеряла сознание. Перед тем, как я провалилась в небытие, мой ум отметил еще одну деталь. Мне показалось, что, когда морщинистые серые лапы тянулись к моему горлу, еще одна пара рук, или лап, держала меня за локти...

Глава 15, рассказывающая о сокровищах и очень хитром плане

Моя голова болталась, как шарик на веревочке. Это было очень неудобно. И еще мне не нравилось, что кто-то настойчиво меня зовет. Да здесь я! Чего разорались... Разлепив глаза, я увидела перед собой Ванино лицо. Какое-то странное. Бледное и перекошенное.

– Чего ты шумишь? – пробормотала я и попыталась сесть.

Мне это удалось, но с большим трудом и с помощью Вани. Я была как тряпичная кукла: тело вялое и непослушное, руки и ноги не подчиняются командам мозга, во рту какой-то противный привкус... Кроме того, все окружающее было зыбким и неустойчивым, как будто в любой момент может исчезнуть или, по крайней мере, изменить очертания.

– Что случилось? – спрашивал Ваня. – В чем дело? Как ты себя чувствуешь?

Я смотрела на него и ничего не понимала.

– Не знаю, – честно призналась я. – А ты откуда тут взялся? Что-то я не помню...

И тут я все вспомнила. Черную пустоту вместо лица, морщинистые лапы, которые тянутся к моему горлу... Я машинально поднесла руку к шее.

– Я стучал в дверь, – говорил тем временем Ваня. – Звонил по телефону. Но ты не отвечала...

Неужели это было на самом деле?

– Ты... – начала Ваня, заметив мое состояние. – Что же все-таки произошло?

– Я... он... Он душил меня.

– Кто?! – воскликнул Ваня и вскочил на ноги.

– Он... Пустой человек, – выговорила я. – Он появился передо мной, схватил меня за горло... больше я ничего не помню.

Меня сотрясала мелкая дрожь. Ваня сел рядом и обхватил меня за плечи.

– Не бойся, – говорил он и гладил меня по голове. – Я буду рядом.

Но я никак не могла успокоиться. Я не могла думать о том, что произошло, но не могла и не думать... Больше всего на свете мне хотелось забыть об этом, хотя бы на время, убедиться, что в этом мире все на своих местах, все так же, как раньше, но, похоже, это было невозможно.

– Я знаю, что это невозможно, – прошептала я, – но... Может, я просто... продолжаю сходить с ума?

– Нет, – сказал Ваня.

– Но я точно помню... – Мои зубы выбивали дробь.

– Я сейчас принесу тебе чаю, – сказал Ваня.

– Н-не надо. Не уходи.

Мой голос был жалким, но мне было наплевать на это.

– Я открою обе двери и включу свет, – сказал Ваня, вставая.

Пока чайник закипал, Ваня непрерывно ходил туда-сюда и спрашивал меня, где лежит сахар, где заварочный чайник и не хочу ли я чего-нибудь к чаю... Когда он вошел с большой чашкой дымящегося чая, я даже смогла ему улыбнуться.

– У этого чая какой-то странный вкус, – сказала я, пригубив чашку.

– Я добавил в него немного коньяка, – объяснил Ваня. – Это поможет тебе расслабиться и уснуть.

Чай был обжигающим, согревающим и очень сладким. Я выпила его залпом, как лекарство, и откинулась на подушки.

– Я все еще боюсь, но чувствую себя гораздо лучше, – сказала я, когда Ваня вернулся с кухни, выключив там свет. Он также погасил свет в коридоре и в гостиной, оставив включенным только торшер возле журнального столика. – Он был... настоящий, – добавила я. – Хотя было что-то... я не могу вспомнить.

– Об этом мы поговорим завтра утром, – твердо произнес Ваня.

Он укрыл меня одеялом, заботливо подоткнув его по бокам, взял кресло, поставил его у моей кровати и сел.

– А теперь спи, – сказал он.

– А ты...

– Я буду сидеть здесь до утра.

– Спасибо, – только и смогла выговорить я.

Я закрыла глаза, но через секунду снова открыла их. Мне показалось, что все повторяется, и что сейчас морщинистые холодные руки снова сомкнутся на моем горле... Ваня взял меня за руку и легонько сжал мои пальцы. Я некоторое время смотрела на него сквозь полуопущенные ресницы, а потом заснула.

Утром мы сразу поехали к Орлиному Глазу. Так решил Ваня, разглядывая при солнечном свете мою шею, на которой проявились не очень яркие, но все же заметные, желтовато-синие пятна.

У меня было такое ощущение, что я еще не проснулась. Что я сплю и вижу дурной тягучий сон, из которого никак не могу выбраться. Я выпила два глотка кофе, даже не притронувшись к бутербродам, которые соорудил Ваня, и он, как ни странно, ничего не сказал мне по этому поводу. Он вообще говорил только на посторонние темы. О погоде. О своей вчерашней поездке. О разнице воздействия на организм человека зеленого и черного чая.

В машине он говорил о том, как красивы Васильки зимой, когда все засыпано пушистым белым снегом, деревья покрыты серебристым инеем, а от речки не остается и следа...

– Ваня, прекрати, – не выдержала я.

– Что? – непонимающе посмотрел он на меня.

– Мне, конечно, очень интересно тебя слушать, но я все равно почти ничего не слышу, потому что все время думаю

только об одном...

– Через пять минут мы приедем, – сказал Ваня. – И ты подробно расскажешь все, что помнишь и все, о чем думаешь. Я просто не хочу заставлять тебя пересказывать все два раза.

– Какая разница, – пробормотала я, глядя на проселочную дорогу, покрытую кочками и ямами.

Едва взглянув на меня, Степан Пантелеевич взял меня за руку и подвел к дивану. Выражение его лица удивило меня. Он был похож на охотника, долгое время сидевшего в засаде и, наконец, увидевшего, или, скорее, почувствовавшего добычу.

– Что-то произошло, – сказал он скорее утвердительно, чем вопросительно.

– Да, – ответила я.

– Рассказывайте все подробно, – скомандовал он.

Я несколько секунд сомневалась, с чего начать, но мне на помощь пришел Ваня.

– Вчера я уезжал в город, – сказал он. – Нужно было по работе...

Дальше я взяла инициативу в свои руки, подробно пересказав весь вчерашний вечер, начиная с визита к Галке, как того потребовал Степан Пантелеевич. Потом Ваня рассказал, как он приехал и не мог до меня достучаться и дозвониться, и поэтому влез в окно.

– Так вы говорите, окно было открыто? – обратился Орлиный Глаз к Ване.

– Я толкнул, и оно отворилось, – ответил тот.

– Я не проверяла защелки на окнах, – сказала я, поймав вопросительный взгляд Вани.

– Но я же просил тебя! – сокрушенно воскликнул он.

– Теперь это уже не важно, – отмахнулась я.

– Так, значит, сморщенные лапы, – рассеянно произнес Степан Пантелеевич. – Я думаю, вам нужно выпить чаю, – неожиданно закончил он твердым голосом.

– Чаю? – переспросила я. – Но я пила... вчера.

– И все же вы потеряли сознание не от удушения, а от страха, – сказал он, вставая и внимательно приглядываясь к моей шее. – Интересно, что подумал в тот момент этот ваш... товарищ в капюшоне?

Орлиный Глаз ушел на кухню, а мы с Ваней уставились друг на друга.

– В этой истории есть несколько неясных моментов, – сказал Степан Пантелеевич, разливая чай.

Мы с Ваней посмотрели на него вопросительно.

– Например? – спросил Ваня нерешительно.

– Например, почему Катерина резко села, хотя утверждает, что ее сковал ужас, и она не могла пошевелиться? Или как этот капюшон умудрился одновременно душить ее и держать за локти?

Я задумалась. Я напрягала память, как могла, но чувствовала, как что-то ускользает от меня, какая-то мелкая деталь,

скорее всего незначительная. Моя память была наполнена парализующим ужасом и единственное, что я помнила отчетливо – это пустое лицо и серые морщинистые лапы...

– Я не могу вспомнить, – еле слышно сказала я. – У меня такое ощущение, что что-то было, но этот... страх мешает мне думать.

– Хорошо. Это мы пока отложим. А теперь, я думаю, пришло время задать вам главный вопрос, – Степан Пантелеевич выглядел чрезвычайно серьезным.

Мне стало как-то не по себе. Я оглянулась на Ваню, но встретив его сочувственный взгляд, быстро отвела глаза.

– Зачем вы приехали в Васильки? – спросил Орлиный глаз, глядя на меня с пристальным вниманием.

– Но я... – пробормотала я. – Я же вам говорила. Отдохнуть, расслабиться, повидать старых друзей...

– И все? – голос Степана Пантелеевича был почти обвиняющим.

– Нет, – решившись, выдохнула я.

– Ага, – удовлетворенно кинул Орлиный глаз.

Я старалась не смотреть на Ваню, но все равно чувствовала на себе его удивленный взгляд. Орлиный глаз молчал, я тоже.

– Ну хорошо, – произнес он, наконец. – В ответ на ваше признание я тоже кое в чем признаюсь.

Воздух в комнате вдруг стал таким наэлектризованным, что я почти слышала треск разрядов.

– Если бы вы не появились у меня... в тот день, то на следующий день я бы сам к вам поехал.

Я молча ждала продолжения.

– Видите ли, ваша бабушка, Екатерина Андреевна, кажется, хотела вам что-то через меня передать.

– Кажется? – я не удержалась от восклицания.

Он кивнул.

– В этом месте я должен спросить вас...

Степан Пантелеевич посмотрел на меня, на Ваню, потом снова на меня. Я поняла суть его немого вопроса.

– У меня нет секретов от Вани, – быстро произнесла я. – То есть... теперь не будет.

– Понятно. Пожалуй, имеет смысл рассказать обо всем подробно, – сказал Орлиный глаз. – Однажды весной, если быть более точным, в апреле, я приезжал в Васильки. Нужно было кое с кем встретиться и запастись продуктами. Заодно я решил навестить вашу бабушку.

Я напряженно слушала.

– Сначала она мне показалась такой же, как всегда – спокойной, приветливой... Но потом я заметил в ее глазах то ли тревогу, то ли беспокойство. Когда я осторожно поинтересовался, все ли в порядке, она меня уверила, что все хорошо. Но позже, когда я собирался уходить, она меня остановила со словами: «Подожди, пожалуйста. Я хочу кое о чем тебя попросить». Было заметно, что она разволновалась. «Помнишь мою внучку, Катеньку?», – спросила она. «Прекрасно

помню», – ответил я. «Я хочу, чтобы ты передал ей...». Тут она замолчала и задумалась. «Не знаю, как это лучше сделать, – произнесла она через некоторое время. – Я совсем не готова... Надо было раньше обо всем подумать». Я молча ждал продолжения и вскоре оно последовало, причем довольно неожиданное. «Если бы тебе нужно было спрятать в доме что-то ценное, так, чтобы никто чужой этого не нашел, а тот, кто должен найти, нашел без особых проблем... как бы ты поступил?» «Придумать тайник на самом деле не так уж и сложно, – сказал я, не показывая удивления. – А чтобы его нашел тот, кто должен, нужно оставить какой-то знак. Намек или указание. Во всяком случае, так делали в приключенческих книжках, которые я читал в детстве». «Точно! – воскликнула она. – Я тоже читала такие книжки. Указание... Какое же может быть указание, если я сама не знаю... Да. Васильки. Пусть это будут васильки. Передашь это моей внучке Катеньке, когда ей исполнится двадцать один год».

Тут уж я не на шутку встревожился. «Что случилось? Ты плохо себя чувствуешь?» – спросил я. «Да нет, – рассмеялась Екатерина Андреевна, – как ни странно, я чувствую себя замечательно. Спину не ломит, ноги не крутит, хотя давно пора, в моем-то возрасте». «Тогда в чем дело? – не отставал я. – Что может помешать тебе самой сказать Кате все, что ты хочешь?» Екатерина Андреевна пожала плечами: «Вдруг что-нибудь помешает. А я хочу быть уверена, что Катя узнает то, что должна узнать». «Знаешь, Катерина, – я пустил

в ход самый решительный аргумент, – Федор, не задумываясь, оторвал бы мне голову, если бы узнал, что я оставил тебя в такой ситуации, не выяснив в чем дело». Тут уж она сдалась. «Скорее всего, все это... ничего не значит. Просто мне будет спокойнее, если я буду знать, что Катя в свое время все узнает». «Что ничего не значит?» – спросил я. «Мои сны, – ответила Екатерина Андреевна. – Мне всегда снился Федор, с тех пор, как его не стало. Я всегда шла к нему, но, когда оставалось всего несколько шагов, он качал головой, улыбался, и уходил. Или просто исчезал. А я просыпалась в слезах. – Она помолчала несколько секунд. – А в последние дни, вернее, ночи, все изменилось. Он больше не уходит. Он берет меня за руку, обнимает, и я чувствую себя такой счастливой и такой безмятежной, как в восемнадцать лет». Я был растерян и не знал что сказать. «И ты решила, что этот сон означает...» – начал я. «Это очень хороший сон, – сказала Екатерина Андреевна. – Что бы он ни означал, я хочу, чтобы он сбылся». После своего рассказа она снова стала веселой и оживленной, как обычно. «Наверное, тебе лучше выбросить все это из головы», – сказала она, когда я уходил, – мало ли, кому что снится». Но я не мог... А через три дня у Екатерины Андреевны случился сердечный приступ.

Я молчала, стиснув зубы и опустив глаза. По щекам катились слезы. Я чувствовала, что мои губы начинают дрожать все сильнее и сильнее, и я не могу больше сдерживаться... Я закрыла лицо ладонями и разрыдалась. Ваня сел поближе ко

мне и гладил меня по спине, шепча, что все будет хорошо. В перерыве между рыданиями я услышала, как скрипнула дверь. Степан Пантелеевич деликатно вышел.

Когда рыдания исчерпали себя, я поняла, что мне стало легче. Напряжение сегодняшней ночи понемногу начало меня отпускать. Я даже задумалась о том, как я выгляжу. Наверное, ужасно.

– Мне нужно... в ванную, – пробормотала я и выскользнула из комнаты.

Так и есть. Нос красный, глаза еще краснее, все лицо распухшее и бесформенное... Вот где настоящий ужас. Я минут десять погружала лицо в холодную воду, после чего снова посмотрела в зеркало. Краснота не исчезла, но лицо более или менее вернулось к нормальным очертаниям. Что ж, надеюсь, у моих собеседников крепкие нервы.

Когда я вернулась в кабинет Степана Пантелеевича, Ваня поднялся мне навстречу и усадил меня на диван, а Степан Пантелеевич снова принес свежий чай.

– Спасибо, – сказала я.

– Пожалуйста, – отозвался он. – Насколько я знаю женщин, вы сейчас чувствуете себя гораздо лучше и можете рассказать...

– Да, – кивнула я.

И рассказала. О найденном письме, о своих бесплодных поисках, о звонке Эмме Константиновне...

– Так, так, так, – Степан Пантелеевич постукивал пальца-

ми по столу.

Ваня почему-то отводил глаза. Мне было немного неловко.

– Надеюсь, вы понимаете, – сказал Степан Пантелеевич, – что в свете сегодняшних признаний все произошедшее приобретает вполне определенное значение?

– Что? – нет, я не понимала.

Степан Пантелеевич перевел взгляд на Ваню. Тот кивнул.

– То есть вы не знаете, о чем она говорила? – задала я мучивший меня вопрос.

– Я передал вам наш разговор довольно точно.

– Остается выяснить, – сказал Ваня, – кто мог знать об этих... спрятанных вещах.

– Это будет непросто, – добавил Степан Пантелеевич.

Наконец до меня дошло, что они имеют в виду. Конечно. Это же очевидно. Что-то я сегодня туплю...

– Так, значит, кто-то пытался выжить меня из дому, чтобы завладеть сокровищами?! – воскликнула я.

– Этот вывод напрашивается сам собой, – произнес Степан Пантелеевич.

– Значит, сокровища действительно существуют?! – Сейчас я могла общаться только с помощью восклицаний.

В голове у меня полный бардак. Надо сосредоточиться. Разложить все по полочкам. Составить список. Я иногда люблю составлять списки. Только они у меня всегда какие-то недоделанные. Васильки... Указание... «Пусть это будут ва-

сильки». Интересно, что она имела в виду?

– Бабушка очень любила васильки, – сказала я. – Я имею в виду цветы.

– Да, – кивнул Орлиный Глаз. – Я знаю.

– Летом они часто стояли у нее в кувшине. Я сама их ей постоянно приносила.

– Федор как-то рассказал мне, что Катерина Андреевна пришла в восторг, когда услышала название деревни.

– Наверное, поэтому она решила сюда переехать.

– Вполне возможно, что это было одной из причин, – согласился Степан Пантелеевич.

– Вы думаете, речь идет о цветах? – спросила я.

– Почти уверен.

– Но как?..

– Этого я пока не знаю, – пожал плечами Орлиный Глаз. – Меня сейчас больше волнует другое...

Но меня другое не волновало.

– А вдруг это что-то огромное, – поделилась я своими догадками.

– Вряд ли, – сказал Степан Пантелеевич.

Такое ощущение, что он что-то недоговаривает.

– Маленькое найти труднее, – продолжала я. – Что же это может быть?! – воскликнула я. – Вы не думаете, что это, например, бабушкина библиотека?..

– Не думаю, – усмехнулся Орлиный Глаз.

– То есть это правда... сокровище?! – я захлебывалась от

восторга, как трехмесячный щенок на прогулке. – Вот здорово! Всегда мечтала найти настоящий клад. То есть в детстве мечтала, а потом забыла. А бабушка один раз спрятала коробку от леденцов со всякими побрякушками, я ее нашла и была так счастлива...

Я замолчала. Мне снова стало грустно.

– Уверен, что Катерина Андреевна очень хорошо вас знала, – ласково произнес Степан Пантелеевич.

– Лучше бы она была жива, – вырвалось у меня.

Я откинулась на спинку дивана и замолчала.

– А теперь давайте поговорим о нашем таинственном незнакомце. Или незнакомцах.

– Незнакомцах? – переспросила я.

– Я уверен, что Катерина Андреевна умела хранить свои секреты, но...

Мы с Ваней внимательно слушали.

– Есть разные варианты, – быстро произнес Орлиный глаз. – Пока непонятно.

– А вдруг сейчас, пока мы здесь сидим... – я вскочила. – Он там рыщет по моему дому?

– Не волнуйся, – Ваня ухватил меня за руку и усадил на диван. – Я позвонил Белке и попросил, чтобы она приглядывала за домом.

– Но... ты же не знал?

– О сокровищах – нет. Но я знал, что кто-то хочет причинить тебе вред. И я твердо намерен его выследить.

– Но это же, – растеряно произнесла я. – Это же очень трудно. Вообще непонятно, как это можно сделать.

– Я его выслежу. Я никому не позволю, – сказал Ваня и замолчал. – Обижать тебя, – добавил он через минуту. – И отбирать у тебя... что бы то ни было. Я и так совершил слишком много ошибок.

– Ты? – удивилась я.

– Если бы я был в нужное время в нужном месте, он бы давно был у меня в руках.

– Очень трудно делать все одному, – сказал Степан Пантелеевич.

– Я, конечно... не утверждаю, что я супермен. Поэтому...

– Поэтому мы будем действовать совместно. Возможно, вчерашнее его немного испугало. Он не знает, что именно произошло с Катериной. Я уверен, что в его намерения не входило... задушить ее по-настоящему.

– Только напугать? – вставил Ваня.

– Да. Если мы распустим слух, что Катерина лежит в больнице, без объяснения причин, то он почувствует, что у него развязаны руки.

– И ринется на поиски сокровищ, – с восторгом воскликнул Ваня.

– И, если мы будем действовать осторожно, то...

– Мы его поймем, – закончил Ваня. – В ловушку. Как мышшь на кусок копченого сала.

Его ноздри раздувались, на лице было хищное выраже-

ние, как у льва, заметившего притаившуюся в кустах антилопу. А мне всегда казалось, что он похож на раскормленного домашнего кота, спокойного и ленивого. Оказывается, даже домашние коты иногда бывают хищниками...

– Хорошая мысль, – поддержала я его, почуяв, как во мне тоже просыпается воинственный дух и охотничий азарт.

– Я думаю, твое присутствие совсем не обязательно, – отмахнулся от меня Ваня. – Переночуешь у меня или у бабы Груши.

Я ушам своим не поверила. Что это он о себе возомнил? Раскомандовался тут, как в собственном гареме. Я не на шутку разозлилась.

– Придержи коней, – говорю, – кто это назначил тебя главным?

– Это может быть опасно, – жестко сказал Ваня. – По-настоящему опасно.

– Если бы я тогда, под влиянием минутной слабости, не поделилась с тобой своими страхами, то сейчас бы справлялась со всем одна. И никто бы мной не командовал, – добавила я.

– Ты очень правильно сделала, – произнес Ваня покровительственным тоном, – что рассказала все мне. Не женское это дело...

– Ах, не женское! – воскликнула я.

– Да, не женское.

– Вот уж не думала, что в твоём лице столкнусь с таким

вопиющим проявлением мужского шовинизма!

Иногда, когда я сильно злюсь, то начинаю выражаться несколько высокопарно. Ваня, оказывается тоже. Или это он от меня понабрался? Мы яростно спорили минут пятнадцать, и уже дошло до того, что я начала жалеть о том, что вообще связалась с этим упрямым и твердолобым субъектом и с моих губ готовы были слететь непоправимо обидные слова. В этот момент Орлиный Глаз, до этого молча наблюдавший за развернувшейся перед ним баталией, сказал тихим, но таким внушительным голосом, что мы сразу замолчали и успокоились:

– Уверен, что при соблюдении всех предосторожностей, Катерина вполне может принять участие в операции.

Когда он произносил слово «операция», мне показалось, что его глаза сверкнули, как огни далеких маяков.

Я победно посмотрела на Ваню. Он, совершенно неожиданно, показал мне язык. Это так не вязалось с серьезными и напыщенными речами о роли женщины в обществе, которые он вел несколько минут назад, что я рассмеялась.

– Вижу, мир восстановлен, – продолжал Орлиный Глаз. – Это хорошо, так как наши разногласия льют воду на мельницу наших врагов. А теперь – о деле.

От его голоса у меня почему-то по спине побежали мурашки. Орлиный Глаз минут сорок объяснял нам подробности операции под кодовым названием «Коварная луна». Это я придумала. В смысле, название.

– То есть вы нисколько не сомневаетесь, – спросила я Орлиного Глаза перед уходом, что все это просто... чьи-то злые проделки? Я имею в виду, что это какой-то маскарад и не более того? Не что-то... настоящее и жуткое?

– А вы сомневаетесь? – спросил в свою очередь Орлиный Глаз.

Я молча пожала плечами. Еще несколько минут назад все происходящее казалось мне игрой в пиратов или казаков-разбойников, но сейчас мне неожиданно снова стало не по себе. Сердце сжалось от дурных предчувствий, а в желудке образовался холодный сугроб. Я краем глаза взглянула на Степана Пантелеевича. Он, похоже, пребывал в безмятежном расположении духа.

Помнится, в самом начале все это тоже казалось мне забавной игрой. Тогда, когда я только приехала, еще ничего не случилось, я даже не успела позвонить Эмме Константиновне. Больше всего я боялась, что ничего так и не случится. Что мои последние в жизни каникулы будут скучными и однообразными. И все мои попытки нарваться на приключения, придумав себе забаву – поиск мифических сокровищ – ни к чему не приведут. Как давно это было! И если самое страшное в жизни – это скука, то пусть мне будет скучно до конца дней.

– Вы очень впечатлительны, – сказал Степан Пантелеевич.

– Я не думаю, что я впечатлительна... чрезмерно, – сказала я и тут же усомнилась в своих словах.

– В любом случае, в этом нет ничего плохого. Люди с развитым воображением обычно видят то, что другим недоступно... Мир не так прост, как думают некоторые.

Совершенно не понимаю, что он имел в виду.

Глава 16, повествующая о ходе операции "Коварная луна"

Комнаты, выходящие в сад, освещала луна, и они были наполнены причудливыми тенями. В гостиной и библиотеке было гораздо темнее. Только свет фонаря, единственного в нашем переулке, проникал в них, несмотря на то, что под окнами рос густой кустарник. Еще вечером Белка открыла все шторы, чтобы нам было легче увидеть того, кто, возможно, попытается проникнуть в дом, и все внутренние двери, чтобы мы могли свободно и бесшумно перемещаться.

Мы приняли все возможные меры предосторожности. Вечером Ваня подъехал к моему дому, вошел в него и вышел через несколько минут, демонстративно неся в руках дорожную сумку, якобы набитую моими вещами. Он сел в машину и уехал.

За несколько часов до этого мы позвонили Белке, в общих чертах описали ситуацию и попросили между делом шепнуть некоторым тетенькам с особо длинными языками, что я попала в больницу, а Ваня вечером приедет за моими вещами и снова вернется в город. Вряд ли кто-то обратил внимание на то, что Ванина машина стояла у самых дверей гаража, которые были слегка приоткрыты и при этом обе дверцы

машины были распахнуты настежь. И уж точно никто бы не догадался, что я, до этого прятая на заднем сиденье, незаметно выбралась из машины, пока Ваня ходил в дом, и что Белка, сидевшая в гараже, проскользнула в машину, а Ваня, в свою очередь, вовсе не уехал, а остался со мной. Уехала Белка. Хорошо, что стекла в Ваниной машине затонированы. Она должна была оставить машину в Мальцево и вернуться на с хозяином бара Глебом. Ваня попросил его об этой услуге, ничего не объясняя, и Глеб согласился! Вот что значит очень хороший знакомый.

С наступлением сумерек мы переместились из гаража в дом, и, как два привидения, одно побольше, второе поменьше, несколько раз обошли его, выглядывая изо всех окон и прислушиваясь ко всем подозрительным шумам. Никого и ничего.

У меня от хождения по кругу начала кружиться голова, и я устроилась на диване в гостиной. Почему нет? Окно гостиной в смысле удобства проникновения ничуть не хуже любого другого окна, а такого мягкого дивана больше нигде нет...

– Надо было оставить одно окно открытым, – прошептал мне на ухо Ваня, осторожно присевший рядом. – Тогда бы мы точно знали, откуда его ждать.

– Это было бы очень удобно, – согласилась я. – Но неуважительно по отношению к нашему злоумышленнику.

– Почему это?

– Открыв окно, мы бы признали, что считаем его пол-

ным идиотом. Осталось бы только подвесить кусочек сыра и ждать, когда мышеловка захлопнется.

– Согласен, – кивнул Ваня в темноте. – Но мне все это очень не нравится. Особенно то, что ты здесь.

– Ну, здрасьте, – сказала я обиженным тоном и даже надула губы, но потом, поняв, что в темноте этого все равно не видно, сдула их обратно, – если тебе неприятно мое общество...

– Сама знаешь, что это не так, – тихо сказал Ваня и его голос показался мне каким-то странным и незнакомым.

Я промолчала, и тишина, длившаяся несколько долгих минут, показалась мне затишьем между ударами грома во время грозы.

– Тебе правда не страшно? – спросил через некоторое время Ваня, – или ты просто делаешь вид, что такая смелая?

– Если бы я сейчас была одна, мне было бы очень страшно, – ответила я шепотом.

– Я уже говорил тебе, – начал Ваня, и я почувствовала, что он взял меня за руку, – когда что-то случится... кто-то появится, сразу уходи в сторону, затаись и ни во что не вмешивайся. Я сам с ним разберусь.

– Или с ней, – сказала я.

– Или с ней, – повторил Ваня. – Но это вряд ли.

– Ты что же, хочешь сказать, что если этот кто-то начнет тебя убивать, я должна стоять в сторонке и смотреть?!

– Я уверен, что до этого не дойдет. Даже если он воору-

жен... он не ожидает нас здесь встретить. А неожиданность – это половина успеха. А в нашем случае даже больше, чем половина.

– А если он будет не один?

– Неважно. Больше двух точно не будет. На такие дела толпой не ходят.

– А если... – я собиралась высказать еще какую-то важную мысль.

– Никаких если. В крайнем случае – поднимай тревогу, как договаривались. Но, прошу тебя, ни во что не вмешивайся.

– Хорошо, – согласилась я.

Потому что легче было согласиться, чем переубедить его. Что-то Ваня сегодня какой-то несговорчивый. Там видно будет.

– Ты сиди, – сказал Ваня. – Я еще раз прогуляюсь.

Он ушел, а я осталась. Я сидела одна, в темноте, зная, что в любой момент окно может неслышно открыться и оттуда появится что-то жуткое и непонятное, но мне не было страшно. Ну, разве что самую капельку.

Я скорее ощущала, чем слышала шаги Вани, который тихо перемещался по дому. Вот он идет по коридору, заходит в гостиную, садится рядом со мной...

– Ничего? – спросила я.

– Ничего, – ответил он.

И тут вдруг совершенно неожиданно и непонятно каким

образом я оказалась в его объятиях. Я чувствовала, как он сжимает мои плечи, гладит волосы, и как я с жаром отвечаю на его страстные поцелуи. Потом мы одновременно отпрянули друг от друга, но моя рука осталась в его руке и трепетала там, как пойманная птица, и я ничего не могла с ней поделать.

Неизвестно, сколько времени длился наш поцелуй, может, мы пропустили все самое интересное? Может, кто-то уже крадется по темным комнатам?

Я нервно оглянулась и попыталась прислушаться, но не услышала ничего, кроме собственного сердца, непозволительно громко и бурно бившегося о грудную клетку, и Ваниного прерывистого дыхания.

«Потом, потом, – уговаривала я себя. – Все будет потом, когда закончится эта жуткая история. Сейчас нужно выбросить из головы все, что отвлекает и ждать...»

– Отодвинься от меня, пожалуйста, – жалобно попросила я Ваню.

– Да я же ничего, – начал он.

– Я знаю, что ты ничего. Это я чего. Я не могу сосредоточиться.

В темноте я плохо видела глаза Вани, но они так красноречиво заблестели, что я сама отодвинулась.

– Не бойся, все под контролем, – сказал Ваня.

Я проснулась от запаха кофе. Мне было невыносимо жар-

ко. Я была в джинсах и свитере, да еще и укрыта пледом. Я отбросила плед и вскочила. Плед запутался в моих ногах и я чуть не упала. От падения я удержалась, сделав несколько хаотичных движений руками, ногами и туловищем, но больно ударилась коленом о журнальный столик. Громко чертыхнувшись, я продолжила свой путь.

– Ну что? – спросила я Ваню, через пару секунд оказавшись на кухне, где он варил кофе.

– Доброе утро, – сказал Ваня, окидывая меня взглядом.

– Давай без формальностей! – Я умираю от нетерпения. – Кто-нибудь приходил? Ты что-нибудь видел? Или слышал?

Ваня выключил газ, достал из шкафчика кофейные чашки, не спеша поставил их на стол...

– Ваня! – воскликнула я. – Прекрати это!

– Ладно, ладно, – он поднял руки. – Никого не было. Кроме ежика.

– Ежика?

– Да. Приходил ежик. Громко топал и шуршал возле крыльца.

– И все?

– Все.

Я рухнула на стул.

– Так я и знала!

– Что ты знала?

– Что ничего не получится.

– Откуда такой пессимизм? – Ваня разливал кофе. – Рань-

ше я за тобой такого не замечал.

– Ты вообще ничего обо мне не знаешь, – заявила я, вставая. – По утрам я всегда злая, как голодная собака.

– Ничего, я тебя сейчас накормлю.

– Только попробуй, – огрызнулась я и пошла в ванную.

Что-то мне подсказывает, что сегодня будет один из тех противных дней, когда с самого утра все идет наперекосяк и так продолжается до самой ночи. В такие дни лучше вообще ничего не делать, чтобы не испортить. Нужно затаиться где-нибудь в укромном месте и ждать. Ждать, когда эта напасть пройдет. А еще в таких случаях хороши длинные пешие прогулки.

Так что после кофе я сообщила Ване, что иду прогуляться. Он выдвинул ряд пылких возражений, в основном, касающихся того, что наш злоумышленник считает, что я в больнице. Если же я, как ни в чем ни бывало, буду прогуливаться по деревне, весь наш план пойдет наперекосяк.

– Он и так пошел наперекосяк! Ты разве не заметил?

– Мы можем продолжить наблюдение, – не отступал Ваня. – Сегодня ночью.

– То есть я буду весь день прятаться дома? Да у меня голова взорвется, если я сейчас же не выберусь на свежий воздух!

– Но мы должны...

– Ничего мы не должны. Операция провалилась, ясно?

– Надо посоветоваться с Глазом.

– Ну и советуйся. А я пойду прогуляюсь.

Он все же увязался за мной, хотя я его не звала, скорее наоборот. Прозрачно намекала, что ему лучше пойти домой и заняться какими-нибудь неотложными делами: дров на зиму наколоть или, там, сена накосить... Но он на мои намеки не реагировал. Ну и ладно.

Мы вышли из дома и довольно быстро оказались за пределами деревни. Впереди маячил темно-зеленый массив леса, а перед ним – поле. Через несколько минут от моего дурного настроения не осталось и следа. Я чувствовала, как свежий летний воздух, наполненный восхитительными запахами, наполняет мои легкие, как солнышко греет мою макушку, а утопанная проселочная дорога скатертью ложится мне под ноги.

– У тебя такие волосы красивые, – неожиданно сказал Ваня, глядя на меня. – Переливаются на солнце...

– Еще скажи, что у меня глаза голубые, как небо. Или как море.

Я была настроена в высшей степени скептически по отношению к любой романтической чепухе. О том, что произошло между нами ночью, я совершенно забыла. Во всяком случае, мне хотелось так думать.

– Нет, – покачал головой Ваня и взял меня за руку. – Как васильки.

Я промолчала и огляделась по сторонам. Васильков в этих местах видимо-невидимо. Вокруг деревни – поля, в которых колосья овса и пшеницы растут вперемежку с синими-пре-

синими васильками. Можно даже засомневаться, что именно тут выращивают: сельскохозяйственные культуры или цветы. Это сочетание соломенно-желтого с синим, этих незатейливых крохотных цветочков со стройными, плотными колосками почему-то действует на меня очень странно. Я смотрю, как легкий ветерок проносится над полем, как оно перекачивается мягкими волнами, и у меня в груди что-то щемит, а в горле стоит ком. На душе легко, тепло, и в то же время невыносимо грустно.

Что это? Не знаю. Просто я все это так люблю, так понимаю и чувствую, что выразить словами совершенно невозможно. Потому что, если начать объяснять, что именно я люблю, за что и каким образом, получится полнейшая чепуха.

Я выхватила свою ладонь из Ваниной руки и помчалась вперед, в сторону леса. Мне казалось, что мои ноги почти не касаются земли, а сама я – легкая, как перышко. Почему-то захотелось громко завопить от восторга, но я сдержалась. А потом, через несколько минут, все же решила наплевать на глупые условности и издала вопль, похожий на крик сумасшедшего индейца. К моему изумлению, Ваня тоже исторг серию громких звуков. Наверное, так кричит сердитый медведь, которого бесцеремонные охотники разбудили за две недели до начала весны.

Мы ворвались в лес и пошли медленнее, а через некоторое время сели на бревно. Вокруг была особенная тишина, кото-

рая бывает только в лесу. Это тишина, хотя слышен шум ветра в верхушках сосен, чирикание птиц и другие звуки непонятного происхождения. Все равно тихо, спокойно, и как-то торжественно.

Тут я почувствовала что-то тяжелое на своем плече. Я посмотрела на Ваню.

– Да это я так, по-дружески, – произнес Ваня хриплым голосом, но руку не убрал.

– Я так и поняла, – сказала я и отодвинулась.

– Я же просто...

– Не бойся, я не буду говорить, что теперь ты обязан на мне жениться.

– Ну почему, почему, с тобой я веду себя как полный дурак! – неожиданно воскликнул Ваня после нескольких секунд напряженного молчания.

Потом, видимо, устыдившись внезапной вспышки, он сказал: «Извини» и исчез в густом кустарнике.

Мне почему-то стало очень-очень грустно, как будто я совершенно одна на этом свете, сижу здесь, в лесу, всеми забытая и покинутая, и, может быть, останусь здесь навсегда. У меня даже слезы на глазах выступили.

Через некоторое время я поняла, что начинаю замерзать, несмотря на теплый летний день и что неизвестно откуда взявшиеся комары проявляют ко мне недюжинный гастрономический интерес. Я встала и огляделась. Вроде бы мы пришли с той стороны... Или с другой? Вверху шелестели

листьями дерева, звонкими голосами переговаривались какие-то птички, внизу, в траве, копошились муравьи и жуки, а я стояла, как совершенно ненужный предмет, и не знала, что делать. Деревня в двух шагах отсюда, но в какой стороне? У меня легкая форма топографического кретинизма, и я никогда не могу запомнить или объяснить дорогу куда бы то ни было. Хотя нужные мне места я обычно как-то нахожу. Скорее всего, это интуиция. Думаю, она мне поможет и на этот раз.

А Ваня тоже хорош! Бросил меня тут одну. И что я такого сказала? Неужели он не понимает, что это просто роли, которые мы случайно выбрали при первом знакомстве, а теперь очень трудно, почти невозможно из них выйти и стать самими собой. Я играю язвительную городскую стерву, он деревенского простачка-тракториста... Так получилось. Могло быть и наоборот. Хотя я над ним все время насмехаюсь, и, вроде бы даже получаю от этого удовольствие, мне тоже тяжело. Бывает.

Глава 17, где фигурируют испуганный лось, мрачный Серый и возмущенная Белка

Итак, направо пойти или налево? Я раздумывала над этим вопросом, стоя рядом с бревном, возле которого меня вероломно покинул Ваня. Мне кажется, что направо. Поэтому лучше пойти налево. Рассудок и интуиция несовместимы. Я повернула налево и уверенно зашагала по тропинке. Мы с Ваней шли совсем недолго, так что, если минут через семь не покажется опушка леса, пойду обратно и попробую поискать выход в другом направлении.

Я все время смотрела на тропинку, чтобы не сбиться с пути, и через некоторое время заметила, что она начала как-то расплываться, теряться в траве. Видимо, я все же выбрала неверный путь. Ну конечно, ведь выбор тоже делал мой рассудок, а вовсе не интуиция. Вот в чем была моя ошибка.

Развернувшись, я немного прошла, и вдруг заметила в кустах слева от себя какое-то движение. Сначала я обрадовалась, решив, что это вернулся Ваня. Я повернулась в ту сторону и сделала несколько шагов. Тут кусты затрещали, и из них высунулась огромная коричнево-рыжая голова с развесистыми рогами и большими глазами навывкате. Мы несколь-

ко секунд смотрели друг на друга, и в глазах напротив я видела недоумение. Потом кусты снова затрещали, голова исчезла, а треск кустов еще долго раздавался в отдалении.

Я подошла к кустам, где стоял лось, и увидела гору черных катышков. Тут мне стало ужасно смешно. Неужели это я так сильно напугала этого рогатого зверя? В этих лесах много лосей, и они очень пугливые. Помню, в детстве мы приносили в лес пачку соли, высыпали на пенек и прятались. Ждали, когда придет лось лизать соль. Уж не знаю, за что они ее так любят, но то, что любят – точно. Иногда нам удавалось увидеть лося, с удовольствием вылизывающего соленый пенек.

Итак, что же делать? Видно, надо было брать с собой часы с компасом, которые когда-то подарил мне мой остроумный брат. Хотя компас вряд ли помог бы, я ведь все равно не знаю, на севере или на юге находится деревня.

Помощь пришла с неожиданной стороны. Пока я размышляла, идти ли дальше по этой же тропинке или предпринять что-то еще, на тропинке появился Серый. Он шел, глядя себе под ноги и не замечая меня. Он был хмурый и, что самое странное, без удочек.

– Привет, – окликнула я его.

Он вздрогнул и испуганно оглянулся.

– А, привет, – произнес он, увидев меня. – Ты чего здесь бродишь одна?

– Гуляю, – объяснила я. – Только что видела лося.

– Ну и как? – Серый улыбнулся, но как-то вымученно, как

будто его кто-то заставил.

– Что как?

– Пообщались? Обсудили последние новости?

Что-то он сегодня слишком разговорчив, совсем на него непохоже.

– Ага, – кивнула я. – Говорит, достало его все: жена пилит, дети не слушаются, а тут еще типы разные по лесу шляются, не дают покоя...

– Это ты о ком? – Серый почему-то напрягся

– Это я о себе. Он был очень недоволен, увидев меня, и гордо удалился, оставив после себя гору катышков...

Серый фыркнул. Я не стала говорить ему, что заблудилась. И совершенно правильно сделала, потому что буквально через пять минут нашей совместной неторопливой прогулки лес кончился, и стало видно деревню. Я даже могла разглядеть свой дом. Может, мне лечится надо? Интересно, можно ли от этого вылечиться?..

По дороге Серый разговорился. Я даже не поняла, как наша беседа свернула в это русло, но мой старый друг печально поведал мне, что ненавидит свою работу.

– А кем ты работаешь? – поинтересовалась я.

– Автослесарем.

– Машинный доктор, – сострила я. – Возвращаешь к жизни заболевшие автомобили.

– Все совсем не так интересно, – буркнул Серый.

– А зачем тогда ты этим занимаешься?

Он посмотрел на меня так, как будто я только что свалилась с Луны.

– Жить-то на что-то надо.

– А что бы ты хотел делать? – поинтересовалась я.

– Рыбу ловить, – предсказуемо ответил Серый. – Поселился бы в Васильках, купил, джип, моторку. Ездил бы на дальние озера... В город бы и носа не показывал.

Он посмотрел на меня так, как будто бы лично я препятствовала осуществлению его мечты.

– Может, и получится когда-нибудь, – предположила я.

– Нет, – отрезал Серый. – Не получится. Теперь точно.

Я не успела спросить, почему именно теперь не получится, потому что споткнулась о какую-то изогнутую железяку. Серый удержал меня от падения, внимательно и с сочувствием выслушал мое мнение об этой штуковине, которая так подло со мной обошлась, а потом поднял эту самую штуковину.

– Это подкова, – сказал он и протянул ее мне. – Возьми.

– Зачем?

– На счастье. Ты что, примет не знаешь?

– Да, я что-то такое слышала...

Я взяла подкову и внимательно осмотрела. Она была теплая, потому что лежала на солнце и ржавая, потому что, видимо, лежала там очень давно.

– Какая-то лошадь потеряла каблук, – задумчиво произнесла я. – И что я должна с ней делать? – спросила я, обра-

щаясь к Серому.

– Раньше подковы прибывали над воротами, – сказал он.

– А я прибью ее над дверью, – решила я. – Может, ее нужно сначала почистить?

– Нет, – авторитетно заявил Серый. – Как нашла, так и вешай.

Ну что ж, Серый всегда хорошо разбирался в разных предметах и суевериях...

Мы стояли возле моей калитки и Серый, кажется, уходить не собирался. Я поняла намек и пригласила его на чай.

– Ну и как у тебя... дела? – неожиданно спросил он после второй чашки чая.

Я насторожилась. Что он имеет в виду? Неужели слухи о моих приключениях уже ходят по деревне?

– Какие дела? – спросила я.

– Говорят, ты заболела, – объяснил Серый.

– Кто говорит? – заинтересовалась я механизмами распространения слухов в отдельно взятой деревне.

– Мне Колька сказал. А ему баба Вера. А ей, кажется, кто-то из твоих соседок.

– Ха, – сказала я. Вот оно, оказывается, как происходит. – Да ничего я не заболела, – отмахнулась я. – Заболел только мой зуб, – с легкостью соврала я. – Так что пришлось ехать в город лечить.

– А-а, – протянул Серый и посмотрел на висящую на стене картину. На картине рукой неизвестного художника был

изображен букет васильков в глиняном кувшине.

– А где у тебя тут... ванная? – спросил Серый.

– Там, – махнула я рукой в сторону коридора.

Серый вышел, а я осталась на кухне, задумчиво глядя на картину. Васильки... Я подошла поближе и приподняла картину за угол, так, чтобы увидеть ее внутреннюю сторону. Ничего интересного там не было, но мне немедленно захотелось снять ее и рассмотреть поподробнее. Вот сейчас, Серый уйдет...

В дверь кто-то забарабанил. Ну ни минуты покоя! Не успела я подойти и открыть ее, как дверь распахнулась, на пороге нарисовалась взлохмаченная и возмущенная Белка.

– Где тебя носит! – накинулась она. – Я уже третий раз захожу! И телефон твой не отвечает...

– Я кажется, забыла его с собой взять...

– Вот именно! А я волновалась! Черт знает что уже себе напридумывала! Давай, быстрее рассказывай!

– Да подожди ты, – шикнула я на нее. – Я не одна, – добавила я, понизив голос.

– Не одна? – удивленно переспросила Белка.

– У меня Серый, – объяснила я.

– Какой? В смысле, кто?

– Серый. Сергей Спиридонов. Помнишь, я вас знакомила на улице.

– А, этот... А что он здесь делает?

– В гости зашел. Мы с ним вместе из леса пришли.

– Вы... вместе... из леса? Ничего не понимаю. А как же Ваня?

– Да при чем тут Ваня?

Наш абсурдный диалог прервал Серый, появившись из коридора. Он поздоровался с Белкой и попрощался со мной. А потом ушел, и Белка потребовала немедленного отчета обо всех событиях, произошедших сегодня ночью и утром.

– А то Ваня ничего не говорит, – пожаловалась она.

– А ты его уже видела?

– Конечно. Он у меня ключи от машины забрал.

– И что сказал? – не смогла я удержаться от вопроса.

– Я же говорю, ничего! Ты меня совсем не слушаешь. Зато я буду слушать очень внимательно.

И она замолчала, уставившись мне прямо в рот. Пришлось рассказать ей все по порядку (кроме некоторых подробностей личного характера) и ответить на все возникшие у нее вопросы.

– Да, – вздохнула Белка по окончании моего повествования. – Ну и дела. Никогда бы не подумала, что такое бывает на самом деле. Спрятанные сокровища, потусторонние персонажи, хитроумные ловушки...

– Которые не срабатывают, – добавила я.

– У меня от всего этого голова кружится прямо по-настоящему.

– А представь, каково мне! – воскликнула я. – Пойдем лучше подкову прибивать. Ту, которая на счастье. Немного

счастья мне сейчас совсем не помешает.

И я пошла в кладовку, чтобы взять молоток и гвозди, а Белке вручила подкову.

– Я не могу гвозди забивать, – заявила Белка, когда мы вышли на крыльцо. – Я замужняя женщина.

– Да ты что! – фыркнула я и замахнулась молотком на гвоздь.

Гвоздь увернулся, а я попала по пальцу. Я заорала и бросила молоток на крыльцо. Белка отскочила, потому что молоток подпрыгнул и чуть не ударил ее по ноге. Белка возмущенно завопила. В этот момент у калитки появился Ваня. Причем, кажется, сразу же по эту сторону калитки.

– Что тут у вас происходит? – спросил он.

– Стучаться надо, – сердито буркнула я и подняла молоток.

Белка выхватила его у меня из рук и положила на табурет, стоявший рядом с крыльцом. Потом она подняла погнувшийся гвоздь и положила его туда же.

– У нас тут произошел небольшой конфликт, – объяснила Белка. – С молотком.

Ваня подошел к табурету, взял молоток, потом присел и нашел в коробке прямой гвоздь.

– Куда? – спросил он, примеряя гвоздь к стене.

Я молча ткнула пальцем в ту точку, где должен был находиться гвоздь. Ваня приставил гвоздь, примерил к его шляпке молоток, взмахнул и быстрым движением ударил по гвоз-

дю. Гвоздь остался в стене, красиво поблескивая шляпкой, а молоток тихонько сидел в руке Вани и вел себя вполне прилично: не бил по пальцам и не прыгал по полу.

– Вот это да! – восхищенно произнесла Белка.

Я промолчала. Ваня положил молоток на табурет и спросил:

– Как дела?

– Какие дела? – мое испорченное молотком и гвоздем на-
строение почему-то не хотело приходить в норму.

– Любые, – ответил Ваня.

– Она всегда злится, когда у нее что-то не получается, – авторитетно объяснила Ване Белка. – А особенно, если у нее не получается, а кого-то получается.

– Ха, – сказал Ваня. – А еще я умею писать стоя.

Я не выдержала и захихикала. Белка же просто загоготала.

Потом Ваня сказал, что нужно съездить к Глазу. Я сказала, что мне нужно переодеться. Не знаю, зачем я это сказала. Мои джинсы были вполне хороши для предстоящего визита. Но раз сказала, придется переодеваться. Белка пошла со мной. Мы вошли в мою спальню, и я опустилась на кровать.

– Что у вас происходит? – спросила Белка.

Я пожала плечами.

– Понятно, – сказала она.

– Что тебе понятно? – возмутилась я. – То есть мне, значит, ничего не понятно, а тебе понятно?

– Да, – кивнула она. – Со стороны, знаешь ли, виднее.

– Чушь собачья.

– Ладно, вы тут сами разбирайтесь, я домой пойду, – сказала Белка и подошла к двери. – Только имей в виду, если ты сама еще не понимаешь... Ты влюблена в него по уши. Да, да. Ничуть не меньше, чем он в тебя.

И она вышла.

Когда другие знают о тебе больше, чем ты сама, это как-то настораживает. Даже если они ошибаются. Время пришло. Больше нельзя прятать голову в песок. Я уже давно заметила, впрочем, в совершенно других ситуациях, что, когда очень долго и очень старательно прячешь голову в песок, то обязательно получишь по заднице. Голова, конечно, важнее, но и сидеть же на чем-то надо... О чем это я?

Вот о чем. Я должна прямо посмотреть в глаза происходящему и разобраться, что у меня с Ваней. Или у него со мной. Когда он рядом, мне почему-то хочется быть капризной, избалованной, совершенно отбившейся от рук девчонкой, хотя на самом деле я совсем не такая. Правда.

Когда его нет... через какое-то время я начинаю себя ловить на том, что перед моим внутренним взором то и дело возникают голубые глаза, русые вихры, сережка в ухе... Что это? Похоже на какое-то навязчивое патологическое состояние. И к тому же вчерашний поцелуй... вообще не хочу вспоминать, потому что, когда вспоминаю, мне сразу же хочется закрыть глаза и снова почувствовать... Хватит! Я пришла сюда, чтобы переодеться. Я открыла шкаф, рассеянно огля-

дела свои вещи, разложенные на полочках и развешанные на плечиках. Внизу валялась джинсовая рубашка. Та самая, в которой я позавчера ночью уснула на диване, а потом... Я подняла ее и хотела повесить, но решила, что лучше отнести ее в стирку. И тут я увидела, что на рубашке не хватает одной пуговицы. Самой первой, возле воротника, которую я никогда не застегивала. Но она была на месте, это я точно помню. Видимо, когда этот... человек сжимал мою шею, пуговица отлетела. Может, я дергалась и сопротивлялась, хотя совершенно этого не помню. Надо будет поискать ее в гостиной. Скорее всего, она закатилась за диван или под стол. Без пуговицы некрасиво, а пуговица эта необычная, с цветочным узором, такую вряд ли удастся купить.

Я засунула рубашку на нижнюю полку и закрыла шкаф. Потом, немного подумав, взяла со спинки стула бирюзовую косынку и повязала ее на шею. Говорят, одна деталь может полностью изменить весь облик. Будем считать, что именно это со мной и произошло.

Глава 18, в которой Орлиный глаз призывает разложить все по полочкам

Степан Пантелеевич, казалось, нисколько не удивился нашему сообщению о полном провале операции.

– Никого и ничего, – сказал Ваня сокрушенно.

– Ага, – кивнул Орлиный Глаз с таким видом, как будто другого и не ожидал. – Я надеюсь, у вас было время выспаться после бессонной ночи?

– Да, – сказала я.

Ваня промолчал.

– Не следует пренебрегать естественными нуждами организма, – назидательно произнес Степан Пантелеевич, глядя на Ваню. – Даже если вы молоды и переполнены жизненной энергией. Вам могут понадобиться все ваши силы в любой момент.

Потом он обратился ко мне.

– За это время вы не вспомнили ничего нового?

– Нет, – покачала я головой.

На самом деле я даже не пыталась ничего вспоминать. Скорее, наоборот, я пыталась все забыть. Чтобы как-то утешить грустившего Глаза, я рассказала о пропавшей пуго-

вице. Он, как и следовало ожидать, не придавал этому никакого значения.

Степан Пантелеевич, как обычно, угостил нас свежезаваренным крепким чаем, и мы продолжили наши обсуждения.

– А вдруг он уже нашел и забрал сокровища, и поэтому не приходит? – высказала я мучившие меня опасения.

– Нет, – Орлиный Глаз покачал головой. – Не поэтому. И я бы на вашем месте не был так уверен, что он не приходит.

– Что? – от его слов я совершенно явственно вздрогнула.

– Возможно, он приходит, просто делает это не так эпатажно, как раньше.

– То есть вы хотите сказать, – начал Ваня и замолчал.

– Я хочу сказать, что вы, возможно, встречали его сегодня или встретите завтра. Может, вы будете говорить о погоде или вспоминать былые времена...

– То есть вы по-прежнему уверены, что это кто-то из моих знакомых? – растеряно спросила я.

– Пока у меня нет никаких оснований менять свое первоначальное мнение.

– Я совершенно не могу представить, чтобы кто-то из тех, кого я знаю, стал меня душить.

– А вот это как раз немного другой случай, – сказал Орлиный Глаз.

– Другой? – я, как это обычно бывало в беседах с Глазом, перестала что-либо понимать.

– Очевидно, что наш капюшон, пока будем называть его

так, сам понятия не имеет, где находятся сокровища, – продолжал он. – Но знает, или только предполагает, что они должны быть в доме.

– Почему вы так думаете? – спросила я.

– Это же понятно, – вмешался Ваня. – Если бы он знал, где взять, он бы пошел и взял. Но он не знает. Поэтому хочет, чтобы ты уехала, а он получил свободный доступ к дому.

– Но тогда почему он раньше... – начала я

– На это могут быть две причины, – ответил, не дослушав меня до конца, Степан Пантелеевич. – Я думаю, Иван нам их объяснит.

Ваня раздулся от гордости.

– Первая причина, – произнес он с чрезвычайно серьезным лицом, – капюшон сам только недавно узнал о сокровищах, как раз перед приездом Кати. А вторая – он знал раньше, но его не было в Васильках. Значит, он живет где-то в другом месте и только недавно приехал.

– Под вторую категорию попадает половина моих друзей и знакомых, под первую могут попасть абсолютно все, – сказала я.

– Вот об этом мы и поговорим, – сказал Орлиный Глаз. – О ваших друзьях.

– Обо всех?

– Только о тех, кто сейчас находится в деревне. Вы мне расскажете о каждом все, что знаете.

– Но это же огромная куча народу! – воскликнула я.

– Действительно? – Орлиный Глаз поднял одну бровь. – Давайте посчитаем.

Оказалось, что их действительно не так уж и много. Не больше десяти человек, если считать Ваню.

– Может, Ваню все-таки не будем считать? – робко спросила я. – И Белку тоже. Я им полностью доверяю.

– Никому нельзя доверять, – жестко сказал Глаз. – Во всяком случае, доверять безоглядно.

Ваня посмотрел на него с упреком, но промолчал. Я дала краткую характеристику каждому из своих друзей, чувствуя себя при этом совершенно мерзко. Ерунда все это. Это не может быть кто-то из них. Мало ли кто мог узнать о сокровище. И о том, что я боюсь, вернее, в детстве боялась пустого человека.

Многие вопросы Глаза показались мне странными. На некоторые я не могла ответить. Например, в том, что касается профессий. Я знала, что Колька Сопля работает в банке, так же как и его жена, сегодня я выяснила, что Серый – автослесарь, а Вовка Крапивин – агроном. Но я понятия не имела, чем занимается Антон и, к своему стыду, не знала, какой ВУЗ закончила Белка и удалось ли моей подруге Галке получить диплом кулинара, как она хотела. Но зато я могла точно сказать, кто присутствовал при той знаменательной беседе, когда Серый рассказал о пустом человеке. Вовка Крапивин, Колька Сопля, Серый, Галка и я. Вот так. И что же из этого следует?

Я задумалась, глядя в окно, мир за которым был серым и мрачным. Солнце скрылось за темно-синей тучей, поднялся ветер, деревья растопырили свои ветки, сопротивляясь его порывам. После этих неприятных разговоров меня все же обуюла тотальная подозрительность, которую я почувствовала, как вполне физическое ощущение, выражающееся в спазмах в районе желудка, легкой тошноте и противных колючих мурашках по всему телу. Я вдруг поняла, что в глубине души подозреваю всех. Даже Ваню и Белку. Да что там Ваню, я, кажется, и саму себя подозреваю в чем-то неблаговидном. В детективах так обычно и бывает. Преступником может оказаться любой. И чаще всего, как известно, им оказывается тот, кого меньше всего подозревали. На кого и подумать никто не мог.

На самом деле, это мог быть кто угодно. В последнее время все ведут себя как-то странно. Все не так, как было раньше. Что, в сущности, я знаю обо всех этих людях? Особенно о некоторых. Мой взгляд остановился на руке Степана Пантелеевича, сжимающей остро заточенный карандаш. Он чиркал им по чистой странице блокнота, оставляя тонкие параллельные штрихи. Волнуется? Я медленно подняла на него глаза.

– Так, так, – Орлиный Глаз посмотрел на меня своими пронизательными серыми глазами, скрытыми стеклами очков. – Меня удивляет только то, что вам понадобилось так много времени, чтобы придти к этому выводу. Я здесь – са-

мая подозрительная личность, не так ли?

– Но... – начала я.

– Вы же сами прекрасно понимаете, что это так. Давайте разложим меня по полочкам.

И он разложил. Сначала мне показалось, что в его словах что-то есть. Действительно, ведь он единственный, не считая злоумышленника, который, неизвестно, существует ли на самом деле, знал о сокровищах. Он мог знать о моих страхах, так как в Васильках у него много знакомых и добыть нужную информацию обо мне ему не составило бы никакого труда. Он мог бы придумать и осуществить любую инсценировку и сделать это так, что его никто ни в чем не заподозрил бы...

– Нет, – я покачала головой. – Это все... неправильно.

– Почему? – спросил Орлиный Глаз.

– Вы знали мою бабушку. Выросли вместе с дедом. Кормили меня мороженым в детстве...

– И это вы считаете достаточным для того, чтобы мне доверять?

– Да, – твердо сказала я.

– Вы знали о сокровище много лет, – неожиданно вступал в разговор Ваня.

Я даже вздрогнула от неожиданного звука его низкого голоса. Я о нем почти совсем забыла, и у меня было ощущение, что заговорил предмет мебели.

– Вот это уже более обоснованное утверждение, – одобрительно кивнул Степан Пантелеевич.

– И у вас была огромная куча времени, чтобы пошарить в доме, не дожидаясь, когда там появится Катя.

– А вдруг я не смог его найти? И только сейчас начинаю догадываться, где следует его искать?

– Но ведь вы, – неожиданно осенило меня. – Вы могли бы вообще не рассказывать мне о том, что сказала вам бабушка. И я бы никогда не узнала...

– Точно! – воскликнул Ваня.

– Ладно, сдаюсь, – усмехнулся Орлиный Глаз. – Я рад, что вами руководят логические доводы, а не одни только эмоции. Хотя эмоции, конечно же, тоже не стоит игнорировать. И свои, и чужие.

– Так что же теперь делать? – спросила я.

– Подождем развития событий, – сказал Степан Пантелеевич.

Я была разочарована. Чего еще ждать? Происходят очень странные и совершенно непонятные вещи, таинственные сокровища лежат где-то в секретном месте, а мы должны ждать...

– Но это не относится к нашим поискам, – добавил Степан Пантелеевич, глядя на меня. – Что вы можете сказать о васильках?

– Я думала об этом, – призналась я. – Васильков в доме много. На обоях в гостиной. На картине в кухне. Еще есть старые открытки в комод.

– Это все? – спросил Степан Пантелеевич.

– Не знаю, – я пожала плечами.

– Так узнайте, – сказал он. – И запишите.

Опять список...

– Хорошо, – сказала я.

– Мы займемся этим прямо сегодня, – сказал Ваня.

– После того, как ты выспишься, – добавила я.

– Вот это правильно, – одобрил Степан Пантелеевич.

– И все? – спросила я.

– Думаю, да, – ответил Степан Пантелеевич.

– То есть мы не будем... по-настоящему искать? Будем только думать, вспоминать и составлять списки?

– Разобрать дом по кирпичику вы всегда успеете, – с непонятной улыбкой произнес Орлиный Глаз. – Давайте сначала попробует использовать более интеллектуальные методы.

А что, может, он и прав... Что там за сокровище, пока неизвестно, а дом мне нравится. Я, кажется, даже люблю его.

– А все-таки, – задала я Степану Пантелеевичу давно мучивший меня вопрос. – Как вы думаете, почему бабушка переехала в деревню?

– Она никогда мне об этом не говорила, но, мне кажется, я знаю почему.

Я подалась вперед.

– Вы совсем не помните своего деда?

– Почему, помню. Мне кажется, он был огромный, теплый и колючий. Колючей была его борода. Он сажал меня к себе на колени и рассказывал интересные истории. Иногда

смешные, иногда просто интересные. А иногда даже страшные. Но в конце он говорил что-нибудь такое, что весь страх сразу же улетучивался.

Орлиный Глаз с интересом меня выслушал и продолжил:
– Они с Катей, с Катериной Андреевной, были... ну просто как одно целое. Очень редко можно встретить людей, которые так понимают и чувствуют друг друга. Тут даже слова «любовь» будет мало. Хотя... Пусть будет любовь. Это была настоящая любовь, каким банальным ни кажется это словосочетание.

Он помолчал несколько минут. Я тоже молчала и пыталась вспомнить бабушку и дедушку рядом. Мне почему-то вспомнилось, как я сижу на кухне у бабушки, в их с дедушкой городской квартире. Мы пьем чай. Бабушка встает и ставит на плиту кастрюлю с супом.

– Я не хочу суп, – говорю я. – Я же его в обед ела!

– Это не тебе, – улыбается бабушка. Сейчас дедушка придет голодный.

Через три минуты открывается входная дверь и входит дедушка. С портфелем и букетиком каких-то весенних цветов, кажется, подснежников...

– Я знаю, – сказал Степан Пантелеевич, – что смерть Федора была для Катерины страшным ударом. Я всерьез опасался за ее душевное здоровье. Но она смогла взять себя в руки. И, мне кажется, ей было тяжело оставаться там, где все напоминало ей об их счастье... Поэтому она уехала. Оборва-

ла все связи, кроме родственных. Купила этот дом в Васильках. Васильки ей очень нравились, но она бывала здесь с Федором всего пару раз и никого не знала, кроме бабы Груши и меня. Я тогда уже поселился здесь, в лесу. И, по-моему, она не собиралась возвращаться в город.

– Да, – подтвердила я. – Мама с папой всегда ее звали, а она ни в какуюю.

– А вам не скучно тут одному? – спросила я Степана Пантелеевича перед уходом. – И не страшно?

– По поводу «страшно» – точно нет. А вот по поводу «скучно»... – Степан Пантелеевич посмотрел на меня с хитрой улыбкой. – Пожалуй, тоже нет. Я долго мечтал о спокойной и тихой жизни в глуши и в уединении.

– И что? – спросила я, так как он замолчал, а мне казалось, что должно быть продолжение.

– Моя мечта сбылась.

– И вы разочаровались?

– Почему ты так решила? – Степан Пантелеевич поднял брови.

– Я слышала, что сбыча мечт обычно разочаровывает.

– Глупости. Это только если мечты не настоящие. Кстати, мое уединение редко бывает очень уж долгим. Обычно его кто-нибудь нарушает. Что-нибудь где-нибудь случается.

– И вы, как Чип и Дейл спешите на помощь...

– Как кто?

– Да, неважно, – махнула я рукой.

– Вам нужно подумать вот о чем, – сказал Степан Пантелеевич, остановившись возле калитки.

Я смотрела на доберманов, развалившихся возле крыльца и даже не поведших ухом при нашем появлении. А мне так хотелось, чтобы они подбежали к нам, виляя своими короткими хвостиками и заглядывая в глаза, как это делают все нормальные собаки... Тут до меня дошло, что Орлиный Глаз смотрит на меня очень серьезно и, видимо, собирается сказать что-то важное.

– Вы приезжали в Васильки сразу после смерти бабушки? – спросил он.

– Да, – кивнула я. – То есть не совсем сразу, а уже потом... после похорон. Мы приезжали все вместе.

На мгновение я очень явственно вспомнила те чувства, которые владели мной в то трудное время: растерянность, недоумение, даже обида... Глубокая печаль пришла позже, когда я осознала, что действительно больше никогда не увижу бабушку.

– Попробуйте вспомнить, все ли было так, как обычно?

– Я не понимаю...

– Я спрашиваю об обстановке. О вещах в доме. Все ли было на своих местах? Может, вам бросилось в глаза, что какой-то предмет находится не на своем месте?

– Я не помню. Вроде бы все было на местах. Я не обращала внимания.

– Это понятно, – сказал Степан Пантелеевич. – Тогда вам было не до этого. Но сейчас вы можете что-нибудь вспомнить. Только не слишком старайтесь.

– Ага, – с пониманием кивнула я. – Обычно, когда стараешься что-то вспомнить, ничего не получается. Но потом, в какой-то момент, это вспоминается само собой.

– Вы очень хорошо уловили мою мысль, – сказал Степан Пантелеевич. – В этом деле многое будет зависеть от вашей способности вспоминать.

Глава 19, о бабе Груше, которая берет дело в свои руки

Я долго думала над его словами. Конечно, он говорил не только о переменах в обстановке бабушкиного дома. Это от-носилось и к той ночи, когда меня пытались... когда кто-то хотел меня очень сильно напугать. Может, даже до смерти. Я понимала, что в моих воспоминаниях есть провалы, что что-то стерто из моей памяти кошмаром той сцены, когда смор-щенные руки тянулись ко мне, а темная пустота на месте ли-ца приближалась, вызывая парализующий ужас. Что-то бы-ло такое, чего я сейчас не могу вспомнить. Может, потому, что не хочу.

Я бродила из комнаты в комнату, озираясь по сторонам, как будто я впервые в жизни сюда попала. Я старалась ви-деть не только то, что было перед моими глазами сейчас, но то, как это все выглядело раньше, шесть лет назад. Когда я приехала, мне показалось, что в доме ничего не изменилось. Но, может быть, что-то не так? Может быть, я просто не пом-ню или не обращаю внимания? Васильки всегда были. Ин-тересно, почему бабушке так нравились именно эти цветы? Васильки на обоях, васильки в вазе, васильки на картине... Мне казалось, что-то ускользает от меня. Скорее всего, так

и есть. Мысли расползаются, как коричневые усатые насекомые. Чего мне сейчас меньше всего хочется, так это сидеть на одном месте и думать. Я бы лучше пробежку совершила километров на десять. Или огород вскопала. Или еще что-нибудь сделала, требующее выброса бурлящей во мне нездоровой энергии. Орлиный глаз сказал, что я не должна напрягаться. Это воспоминание придет само собой. Вот только неизвестно, когда. А вдруг через год? Или вообще лет через десять. Я не могу ждать так долго!

Я надела кеды и вышла из дома. Лучше я прогуляюсь. Во-первых, хождение пешком всегда меня успокаивает, во-вторых, как же воспоминание может придти неожиданно, если я буду сидеть и ждать, когда оно придет?! Надо дать ему шанс.

Моя прогулка оказалась совсем не долгой – всего лишь до соседнего дома. Мои ноги сами повернули в сторону бабыгрушиной калитки. У Белки обнаружился детский сад в полном составе в сопровождении родителей. Колька, Света и Белка сидели в саду, развалившись на старом диване, покрытом овечьими шкурами. Перед диваном стоял стол, заставленный тарелками с пирожками и чашками с чаем. Алинка и Колькины наследники возились с игрушками в огромном корыте, наполненном водой. Кораблики пускали, кажется. Баба Груша вышла из дома и остановилась, глядя на меня.

– Что-то ты совсем к нам носа не кажешь, – произнесла она обиженно.

– Я? – я искренне удивилась. – Разве? Вроде я недавно к

вам заходила.

– Недавно, – покачала головой баба Груша. – Я уж за это время и забыла, какая ты худая. Иди пирожков поешь с капустой.

– О! – обрадовалась я. – С капустой я люблю. Больше всего на свете, – добавила я, чтобы польстить бабе Груше.

– Да ей некогда к вам ходить, – сказал Колька. – Занята с утра до вечера. И с вечера до утра.

Он улыбнулся и подмигнул мне.

– Занята? Чем же это она занята? Чай отдыхать приехала, не работать...

– Отдых – тоже дело не простое, – продолжал Колька. – Особенно, если не одна отдыхаешь.

– Некоторым надо на рот молнию пришить, – сказала я, сердито глядя на Кольку. – И застегивать, когда нужно, чтобы не болтали не к месту.

– Хорошая идея, – задумчиво проговорила Светка.

Колька подвинулся и жестом пригласил меня сесть на диван.

– Я тут для тебя место расчистил.

– Я лучше на стул сяду. Мне отсюда вас всех лучше видно.

– Соскучилась? – спросила Белка.

– Ага, – согласилась я. – Чем занимаетесь?

– Пирожки трескаем, – грустно вздохнула Светка.

– Печальное занятие, – согласилась я и взяла пирожок.

– Вот и я про тоже, – Светка тоже взяла пирожок и, отку-

сив примерно половину, принялась его жевать. – У меня уже джинсы не застегиваются, – поделилась она своим горем.

– Хорошо, что ты спортивный костюм взяла, – фыркнул Колька. – Он эластичный и может растягиваться до невообразимых размеров. Так что ешь, не стесняйся.

Света положила пирожок и толкнула его плечом.

– Ты чего? – возмутился Колька.

– Да это я с тобой заигрываю, – сказала Света и щелкнула по лбу.

– Эй! – воскликнул Колька и схватил ее за руку.

– Сиди тихо, – прикрикнула на него Светка, – а то я сейчас к тебе на колени сяду.

– Не надо, – испуганно прошептал Колька и сделал большие глаза.

Мы с Белкой захохотали.

– Да ладно, садись, если хочешь, – Колька обнял Свету за плечи. Ты еще не настолько увеличилась в размере, чтобы меня этим можно было напугать.

– Ну, как продвигается ваш роман? – спросила меня Светка, снова берясь за пирожок.

– Какой роман? – я сделала непонимающее лицо.

– Да ладно, не прикидывайся. Вся деревня в курсе. Вы же целыми днями вместе. И ночами, – добавила она, глядя на меня с нескрываемым любопытством.

– Но это же... Это же совсем не то, что вы все думаете! – воскликнула я.

– Да мы и не думаем, – Светка пожала плечами. – Что тут думать, и так все ясно.

Я была поражена. Я еще сама ничего не знаю, а вся деревня уже знает! Они со знанием дела обсуждают подробности моей личной жизни, причем такие, каких и в помине нет!

– Ну чего ты к ней пристала, – неожиданно вступился за меня Колька. – Видишь, ей не хочется об этом говорить.

– Все-таки у вас с Ваней все как-то не так, – вынесла Светка свой вердикт. – Как-то странно.

– Странно? – переспросила я. – Объясни, я не понимаю. Интересно, что она имеет в виду? Может, что-то знает или о чем-то догадывается?

– Да ладно, забудь, – Светка махнула рукой. – Не мое это дело. Давайте поговорим о чем-нибудь другом.

– Говорят, в лесу созрели подберезовики, – серьезно произнесла Белка.

– И подосиновики на подходе, – поддержала я нейтральную тему.

– А земляники на лугах видимо-невидимо, – вставил Колька. – Давайте пойдем в поход за земляничкой!

– С этими? – Светка махнула рукой в сторону копошившихся в корыте малышей.

– Ну, тогда поедем, – предложил Колька.

– А что, давайте, – согласилась Белка. – Земляника – это здорово.

– А ты как? – Колька обратился ко мне.

– Вообще-то я уже ездила за земляникой, – сказала я. – Но могу еще раз.

– А помнишь, – обратилась я к Кольке, – как мы за грибами ходили с чемоданом?

– Еще бы, – Колька расплылся в улыбке. – Хороший был чемодан. Сейчас таких не делают. Как он с холма скользил... просто песня. Как на американских горках.

– А зачем за грибами... с чемоданом? – в недоумении подняла брови Белка.

– Так надо было, – отрезала я.

– А помнишь, как мы сокровища искали? – продолжал предаваться воспоминаниям Колька. При этом глаза его как-то странно блеснули.

– Сокровища? – я чуть не поперхнулась. – Какие сокровища?

– Не знаю, какие, – Колька пожал плечами. – Насколько я помню, мы их так ни разу и не нашли. Если не считать той коробки с побрякушками, которую тебе твоя бабушка подбросила. Помнишь?

– Помню, – кивнула я.

– Где ты ее нашла? То ли на чердаке, то ли в подполе...

– Ага, – согласилась я.

– Ты тогда такой шум подняла. Просто визжала от восторга.

– Да.

– И все, – вздохнул Колька. – Больше никаких кладов не

было. А мы так надеялись... Вообще-то, на самом деле, мы больше говорили и мечтали об этом, чем по-настоящему искали. Эх, было время...

Из дома вышла баба Груша с тарелкой пирожков и направилась к нам.

– Вот, свежие, – сказала она, водружая тарелку на стол. – С творогом.

– Спасибо, но мы больше не можем, – дружно застонали мы.

– Ешьте, ешьте, – ласково произнесла баба Груша, поглаживая меня по голове, – в городе-то, небось, таких пирожков не найти. Говорят, Ванька-дачник с тобой женихается, – заметила она безо всякого перехода.

– Кто? – от неожиданности я начала хлопать глазами. – Что делает?

Все, кроме бабы Груши, захихикали.

– Ты шлангой-то не прикидывайся, – строго произнесла баба Груша. – Я, между прочим, за тобой присматривать поставлена.

– А... ну я...

Я совершенно не знала, что сказать. Что делать: все отрицать, оправдываться, отказаться говорить на эту тему? Признаться, мне и в голову не приходило, что баба Груша так воспринимает свой долг по отношению ко мне.

– Парень он вроде приличный, – продолжала баба Груша. – Дом справный построил. Только машина у него больно

страшная, – она сокрушенно покачала головой. – Как немецкий танк.

– Это «хаммер», – зачем-то сказала я.

– Только кто знает, что у него на уме, – продолжала свое баба Груша. – Мужики, они ведь такие...

Баба Груша с упреком посмотрела на Кольку. Он подавился пирожком и закашлялся. Светка с размаху треснула его кулаком по спине.

– Спасибо, – прошептал он охрипшим голосом и жалобно посмотрел на меня.

Я отвернулась, пряча улыбку.

– Ты бы привела его, что ли, – сказала баба Груша.

– Зачем? – спросила я. – Я пока за него замуж не собираюсь.

– Сегодня не собираешься, а завтра... еще бабушка надвое сказала.

– Ладно, – согласилась я. – Сейчас я ему позвоню.

Я достала из кармана телефон. Ваня взял трубку после первого гудка.

– Привет, – сказала я. – Приходи к Белке. То есть к бабе Груше.

– Хорошо, – ответил Ваня. – Сейчас буду.

Я отключилась и снова засунула телефон в карман.

– Ну, что он сказал? – с интересом спросила Светка. – Что он занят и у него голова болит?

– Сейчас придет, – ответила я.

– Вот это дрессировка! – восхитилась Светка. – Даже не спросил, зачем.

– А чего спрашивать? Понятно же: раз зову, значит, надо.

– Ох, – засуетилась баба Груша. – Я сейчас молочка принесу. И вареньица.

– Баба Груша, – сказала я серьезно. – Я надеюсь, вы не будете... спрашивать его, когда он собирается на мне жениться?

– Я ж не совсем дурная, хоть и старая, – обиделась баба Груша. – Я деликатность понимаю...

Но понимала она ее, как оказалось, очень своеобразно.

Ваня появился ровно через одиннадцать минут. С напряженным лицом. Но, когда он увидел нашу компанию, сразу подобрел и расслабился. Он вежливо поздоровался с бабой Грушей и не стал отказываться от пирожков и молока.

– Очень кстати, – обрадовался он. – Я как раз жутко голодный.

Когда он уничтожил тарелку пирожков с капустой и тарелку с картошкой, баба Груша придвинула к нему поближе тарелку пирожков с творогом.

– Ох, – выдохнул Ваня. – Этого я, наверное, уже не осилю.

– Как это не осилишь? – возмутилась баба Груша. – Не нравится, что ли?

– Ничего себе, – удивился Ваня. – Как вы могли такое подумать, после того, как я целую гору пирожков слопал? Да я в жизни ничего вкуснее не пробовал.

Баба Груша расцвела, но от своего не отступилась.

– Ешь, – сказала она. – В старину, знаешь, как работников выбирали?

– Знаю, – вздохнул Ваня и взял пирожок с творогом. – Тогда можно мне чаю? – Он умоляюще посмотрел на Белку.

– Можно, – сказала Белка. – Я сейчас чайник поставлю.

Белка ушла в дом, баба Груша вслед за ней. Ваня быстро сунул мне пирожок с творогом и скомандовал:

– Ешь. Только жуй быстрее.

Потом он попытался сунуть по пирожку Кольке и Свете, но те бурно запротестовали.

– Ты только что пришел, – сказал Колька, – а мы, между прочим, тут уже два часа сидим. Так что извини.

– Эх, вы, – Ваня с неприязнью посмотрел на пирожки. – А что, мне обязательно все съесть? – спросил он, глядя на меня с надеждой.

– Без вопросов, – сказала я. – Если не съешь – баба Груша решит, что ты зазнавшийся городской жлоб и даже здороваться с тобой перестанет.

– Прямо так и решит? – Ваня с подозрением посмотрел на меня, потом перевел взгляд на Кольку и Свету.

– Да, – энергично закивали они.

– Это что-то вроде обряда инициации, – со знающим видом пояснил Колька. – Сможешь съесть пятьдесят пирожков – значит, ты свой в доску парень. А не сможешь... тогда извини.

– Прямо-таки зверские здесь, в Васильках, обычаи, – заметил Ваня, давясь очередным пирожком. – Особенно в некоторых семьях.

Он покосился на меня. Я сохраняла на лице крайнюю невозмутимость.

Вскоре появилась баба Груша с запотевшим графином и двумя маленькими гранеными стаканчиками.

– Начинается, – тихо пробормотала Светка.

Колька же смотрел на бабу Грушу вполне одобрительно.

Баба Груша молча поставила на стол графин, открыла его, налила по полному стаканчику и поставила один перед Ваней, а второй – перед Колькой. Ваня проникся всей серьезностью ритуала, взял в правую руку стаканчик, в левую пирожок, провозгласил короткий тост «за хозяйку», церемонно кивнув в сторону бабы Груши, одним махом опрокинул в себя водку, с грохотом поставил стакан на стол, занюхал надкушенным пирожком и откинулся на спинку стула. Колька скрупулезно скопировал все действия Вани, включая занюхивание пирожком.

– Еще? – спросила баба Груша, снова беря в руки графин.

– Нет, – Ваня покачал головой. – Достаточно.

Баба Груша выглядела чрезвычайно довольной, удаляясь с графином и стаканами в дом. Белка тем временем разлила чай, баба Груша вернулась с еще одной вазочкой варенья, и тут началось.

– Ну, – баба Груша, раскрасневшаяся и с заблестевшими

глазами, как будто это она выпила сейчас сто грамм водки, обратилась к Ване. – Как жить думаешь?

– А чего думать, – глубокомысленно ответил Ваня. – Как люди живут, так и буду. Чего велосипед изобретать.

– Люди-то, чай, разные бывают, – заметила баба Груша.

– Разные меня не интересуют, – сказал Ваня. – А вот, к примеру, дед мой, Прохор Константинович, был кузнецом.

– Да ну, – заинтересовалась баба Груша. – А где он жил-то?

– А жил он в Сибири, – сказал Ваня. – И был у него большой дом из цельных бревен. Я его в детстве видел, когда меня в дедову деревню возили, и на фотографиях. И решил такой же построить.

– Молодец, – одобрила баба Груша. – Только дому хозяйка нужна.

– Еще бы, не нужна, – согласился Ваня и кинул быстрый взгляд на меня. – Только хозяйку найти не так просто, как дом построить.

– Ну, это ты загнул. Неужто нет никого? Девочек-то полно. Тем более в городе.

– Полно-то полно, да все не те.

– Так никого и не нашел? – спросила баба Груша, хитро на него поглядывая.

– Ну почему не нашел, – медленно произнес Ваня и замолчал.

– И что? – спросила баба Груша.

– Пока не знаю, – пожал плечами Ваня. – Не от меня зависит.

– А деток-то хочешь? – спросила баба Груша.

– А как же, – сразу отозвался Ваня. – Не меньше пяти штук.

– Молодец, – уважительно произнесла баба Груша.

Я вертелась на своем стуле, как уж на сковородке и не знала, как прекратить это безобразие. Очень уж складно у них все получалось, как будто месяц репетировали. Реплика за репликой, и слова вставить некуда. Я, Белка, Колька и Света только успевали глаза переводить с Вани на бабу Грушу и обратно.

– Ну все, – сказала я, вскакивая и хватая Ваню за руку. – Нам пора. У нас еще одно дело есть. Очень важное.

– Ну ладно, – неожиданно согласилась баба Груша. – Раз важное, то идите.

И мы пошли. Перед уходом Белка шепнула мне, что сегодня днем видела Антона, который стоял у забора возле моего огорода и что-то пристально рассматривал. А когда она его окликнула, сделал вид, что ничего особенного не происходит. Опять Антон! Сдался ему мой огород. Что-то здесь нечисто...

– Ты что, – набросилась я на Ваню, как только мы оказались по ту сторону калитки. – Совсем с ума сошел, что ли? Пять штук детей ему нужны, видите ли!

– Ну, если пять для тебя слишком много, то я согласен и

на четвертых, – улыбаясь, произнес Ваня.

– Что?! – у меня от такой наглости прямо-таки язык отнялся. – Ты...

– Ну ладно, ладно, – Ваня успокаивающе погладил меня по руке. – Пусть будут трое. Тоже неплохо.

Я резко выдернула руку из его руки и молча пошла к своему дому. Ваня догнал меня и пошел рядом.

– Не обижайся, – сказал он уже совсем другим голосом. – Сама посуди: что мне оставалось делать? Мне кажется, я действовал вполне... в соответствии.

– В соответствии с чем?

– Со сценарием, – ответил он. – А разве нет?

– Давай все это выбросим из головы, – предложила я, останавливаясь перед калиткой. – Нас действительно ждет очень важное дело, на котором мы должны полностью сосредоточиться.

– Васильки? – спросил Ваня.

– Васильки, – кивнула я.

Глава 20, рассказывающая о самых разных васильках

Список оказался не очень длинным. Всего шесть пунктов и седьмой под вопросом. В первую очередь, конечно, обои в гостиной. На них васильки. И маки. Но маки – это не важно.

– И что? – произнесла я в пространство, пристально разглядывая один из васильков на обоях.

– Скорее всего, ничего, – сказал Ваня. – Это же обои. Под ними, конечно, можно спрятать какую-нибудь бумагу, но не более того.

– А, может, где-то под обоями – тайник, – предположила я. – Выдолбленный в стене.

– Тогда он может быть в любом месте любой из четырех стен. Не очень-то точное указание.

– А вдруг какой-то из цветков на обоях чем-то отличается от остальных? – осенило меня.

И мы принялись внимательно изучать васильки на обоях. Через несколько минут у меня уже рябило в глазах, но сдаваться я не собиралась. Ваня тоже проявил упорство, и мы таки осмотрели все васильки до одного, включая те, которые были под самым потолком. Никаких существенных отличий какого-нибудь отдельного цветка от других мы не на-

шли. Правда, на васильке возле выключателя было грязноватое пятно, а васильки на обоях за комодом и позади кресла оказались более яркими, чем остальные, но, совершенно очевидно, что ничего из этого не следовало всерьез принимать во внимание.

Мы отправились на кухню, чтобы исследовать картину неизвестного художника, изображающую вазу с васильками. Мы рассмотрели, ощупали и даже обнюхали картину. Мы вытащили ее из рамы и внимательно изучили раму, хотя изучать было совершенно нечего. Рама была изготовлена из деревянных планок и никоим образом не могла содержать в себе каких-либо тайников. На обороте картины обнаружилась надпись: «12. 07.1975».

– Может, это шифр? – осенило меня.

– Вполне возможно, – согласился Ваня. – Я даже знаю, что тут зашифровано.

– Что? – спросила я с замиранием сердца.

– Число, когда эта картина была закончена.

Я обижено фыркнула.

– А ты не допускаешь мысли, что именно так, под видом безобидной даты, можно зашифровать что-нибудь таинственное и никто никогда не догадается?

– Вот именно. Никто и никогда.

В глубине души я была с ним согласна. Даже если предположить, что это действительно шифр, что на самом деле маловероятно, то он должен быть таким, чтобы я могла его

расшифровать. А как я могу расшифровать это?

Потом были открытки. Я достала из комода всю пачку и выбрала из нее те, где в изображении присутствовали васильки. Их оказалось четыре. На одной были васильки с чайными розами, на второй – просто васильки, на третьей – много ромашек, колокольчиков, клевера и совсем немного васильков, а на четвертой – очень странное изображение васильков попеременно с гвоздиками, перевязанными красной ленточкой, на которой золотыми буквами было написано «мир труд май». Все открытки были присланы бабушке разными людьми, на каждой был штампель и обратный адрес, а кроме того – обычные слова поздравления. Только последнее поздравление показалось мне необычным. Кто-то поздравлял бабушку «с международным праздником солидарности трудящихся, со светлым первомаем!». Дичь какая-то. Но к нашей проблеме вряд ли имеет отношение.

В бабушкином шкафу обнаружилось толстое покрывало с крупными васильками. Не помню, чтобы бабушка когда-нибудь им пользовалась. Наверное, потому, что оно слишком большое и тяжелое.

Еще были остатки чайного сервиза: сахарница, заварочный чайник и две чашки с блюдцами. На каждом из предметов были изображены по три василька, окруженных мелкими листиками, совсем не похожими на те, которые растут у настоящих васильков. Мы с особым вниманием все это осмотрели, особенно чайник. Ване даже удалось заглянуть в его

загнутый носик с помощью фонарика. Ничего. В сахарнице лежало несколько пожелтевших квитанций. Тоже, можно сказать, ничего.

Последнюю вещь с васильками мы чуть не пропустили. Она настолько примелькалась, что я совершенно не обращала на нее внимания. Я каждый день брала ее в руки, резала на ней хлеб и овощи, мыла ее и вешала на место. Я говорю о разделочной доске. Она была довольно старой, и рисунок на ней почти совсем стерся. А нарисованы на ней были, естественно васильки. С одной, нерабочей, стороны. Понятно, что сама по себе доска не может служить тайником или чем-то в этом роде. Но она была не сама по себе, а с вешалкой. Деревянный ромбик со стороной около пятнадцати сантиметров и деревянным же штырьком посередине. Ромбик был закреплен на стене слева от раковины.

Я с бьющимся сердцем протянула к нему руку. А вдруг за ним скрывается тайник, выдолбленный в стене? Может, там какая-нибудь маленькая дверца, а за ней... моему воображению представлялись сверкающие россыпи сокровищ. Деревянный ромбик оставался неподвижным, хотя я усердно его толкала в разные стороны. Это меня вовсе не разочаровало. Наоборот, я решила, что, раз его не так просто снять со стены, значит, за этим что-то кроется... Я принесла табуретку, вскарабкалась на нее и с энтузиазмом продолжила дергать ромбик так и этак. Он не поддавался. Я оглянулась на Ваню.

– Ну что ты стоишь, как памятник Пушкину? Помоги

мне!

– Ты уверена? – задал Ваня странный вопрос.

– В чем?

– В том, что памятник именно Пушкину и в том, что тебе нужна помощь.

– Ваня, иногда мне кажется, что ты немного странный, – я прервала свое увлекательное занятие и воззрилась на него сверху.

Кстати, я не собираюсь говорить, что его странности мне даже нравятся.

– Посмотри на меня, – я скрестила руки на груди и задумчиво вперила взгляд в пространство. – Представь, что на голове у меня почти африканские кудри. Ничего не напоминает? Ты именно так и стоял.

Ваня взъерошил волосы и улыбнулся.

– А по второму вопросу, – продолжала я. – Ты можешь, наконец, снять со стены эту проклятую штуковину?!

– Конечно.

Ваня подошел, протянул руку, ухватился растопыренными пальцами за деревянный ромбик и резко дернул его вверх. Ромбик остался в его руках, а на стене обнаружилась шляпка от шурупа и ромбовидный отпечаток. И все. Никаких маленьких тайных дверец от тайников, набитых сверкающими драгоценностями.

Из моей груди вырвался громкий вздох разочарования.

– Ты правда думала, что там что-то может быть? – спросил

Ваня.

– Нет, – ответила я. – Не думала. Но немного надеялась.

Следующий пункт был включен в список исключительно по моему настоянию. На нем не было изображений васильков, но зато в нем, в этом самом железном кувшине, они все время стояли. Кувшин представлял собой нечто совершенно уникальное. Я никогда и нигде не видела ничего подобного. Он был довольно большой, на нем были выгравированы какие-то вьющиеся растения и крохотные птички, он вмещал в себя около трех литров воды и весил не меньше центнера. Во всяком случае, когда я была ребенком, то поднимала его с большим трудом, а один раз даже уронила, не удержав в руках. От падения кувшин нисколько не пострадал. Я тоже в последний момент успела отскочить, так что мои пальцы ног остались целы.

– На нем нет васильков, – сказал Ваня.

– Я тебе уже объяснила. В нем все время стояли васильки.

– И зимой?

Я вздохнула и укоризненно посмотрела на Ваню.

– Если следовать твоей логике, – продолжал он, – то нужно включить в список все, что так или иначе соприкасалось с васильками. Стол, на котором стоял кувшин, кран, из которого в этот кувшин с васильками набирали воду, скатерть, которая находилась между дном кувшина и столом...

Но ему не удалось сбить меня с толку.

– Этот кувшин у меня стойко ассоциируется с васильками,

ясно?

– Ясно, – сдался Ваня. – Как сказал бы Глаз: «Стойким ассоциациям, как своим, так и чужим, следует уделять самое пристальное внимание».

Он так похоже скопировал интонацию Глаза, что я не удержалась от смеха.

Мы еще немного побродили по дому, пристально вглядываясь во все предметы обстановки, но ничего подходящего больше не обнаружили. Правда, в библиотеке Ваня высказал предположение, которое мы решили включить в список седьмым, заключительным пунктом, снабженным большим знаком вопроса.

– А, может, это книга? – спросил Ваня, проводя рукой вдоль одной из полок.

– Какая книга?

– Не знаю, – он пожал плечами, отошел от стеллажей и окинул их оценивающим взглядом. – Какая-нибудь книга про васильки. Есть такие книги?

– Наверное, есть. Но я ничего такого не припоминаю... Ботаникой моя бабушка, кажется, не интересовалась.

– Я не про ботанику говорю. Может быть, какая-нибудь пьеса «Васильковый лес». Или сборник стихов «Среди васильковых полей». Или детектив «Васильки-убийцы»...

От последнего предположения меня передернуло.

– Не знаю, – я растерялась. – Ничего в голову не приходит... Хотя большую часть книг из этой комнаты я прочла.

Или хотя бы держала в руках.

– Вообще, эти книжные стеллажи представляются мне очень перспективным местом...

Я тяжело вздохнула.

– Но не обязательно заниматься этим прямо сейчас. Можно отложить на потом. На завтра, например.

– Хорошо, – вяло согласилась я. – Пусть будет завтра.

Лишь бы не сейчас. Честно говоря, меня от всех этих васьиных уже слегка подташнивало. И к тому же глаза слипались.

– Ну ладно, я пошел, – сказал Ваня.

– Куда? – спросила я тоном сварливой жены, для пущей убедительности уперев руки в бока.

– Ну, – Ваня отвел глаза. – Поброжу где-нибудь тут, поблизости.

– Ты думаешь... сегодня что-нибудь может случиться?

– Не знаю. Но если случится, на этот раз я не пропущу...

– Слушай, может, да ну их всех в болото? Тебе что, совершенно не хочется спать? Лично я через пару минут усну стоя. И мне совершенно плевать на все страшилки.

Когда я закончила говорить эту фразу, я уже поняла, что она не совсем соответствует действительности. За весь день я, кажется, ни разу не вспомнила о пустом человеке с морщинистыми руками, но сейчас он снова встал у меня перед глазами, и на меня повеяло леденящим ветром ужаса.

– Мне совершенно не хочется спать, – сказал Ваня. – Я

же спал днем.

– Тебе совсем не обязательно сидеть на улице. Ты можешь устроить засаду в доме.

– Ты уверена, что...

– А что? Да, уверена. Ты не забыл, что вчерашнюю ночь мы провели вместе?

Господи, ну зачем я это сказала, да еще и таким развязным тоном? Я же вовсе не имела в виду... Я не хотела, чтобы он вспомнил, как мы сидели вдвоем в темноте и как внезапно сошли с ума...

Я резко повернулась к нему спиной и пошла в свою комнату. Мои щеки пылали. Тут я услышала, как громко хлопнула входная дверь и резко остановилась. Он что, ушел? Но почему... А, впрочем, пусть. Так даже лучше. Никакая охрана мне не нужна. Тем более такая обидчивая. А что, собственно, я такого сказала или сделала?

Уже устраивая голову на подушке, я вдруг вспомнила название книги, из которой были вырваны страницы. «Иван Васильевич меняет профессию». Васильевич... васильки... эти слова очень похожи. А вдруг это не случайность? Вдруг именно в этой книге были какие-то указания?

Я вскочила с кровати и побежала в гостиную. Именно там, в выдвижном ящике шкафа были спрятаны те вырванные и перепачканные вареньем листы. Я влетела в комнату и застыла, хватая ртом воздух. В кресле возле окна я увидела темный силуэт. Совершенно неподвижный и жуткий. Я из-

дала горлом какой-то булькающий звук и, кажется, собиралась хлопнуться в обморок, когда силуэт повернул голову и произнес знакомым голосом:

– Кать, ты чего?

– Ваня! – завопила я. – Что за шуточки?! Зачем ты меня так пугаешь?

– Пугаю? – повторил он спокойно с вопросительной интонацией.

– Да! Ты же ушел!

– Ушел? Ты подумала, что я ушел? Я же сказал, что буду здесь и ты сама предложила...

– Но я слышала, как ты хлопнул дверью.

– Хлопнул. И, надеюсь, это слышала не только ты. Я еще и вышел. И даже пошел по улице в сторону своего дома. Но немного не дошел. Вернулся огородами.

– Ты думаешь... кто-то наблюдает? – догадалась я.

– Не знаю. Возможно. А ты чего прискакала?

Похоже, он не очень-то рад меня видеть. Я рассказала ему о своей теории по поводу вырванных страниц.

– Конечно, если там что-то было, то этого уже нет. Но если мы обнаружим, что каких-то страниц не хватает, то, по крайней мере, будем знать...

Ваня популярно объяснил мне, что я идиотка. Нет, прямо он эту мысль не высказывал, но из контекста вполне можно было догадаться. Во-первых, название. Это очень притянута за уши, не так ли? Васильки и Иван Васильевич... очень

сомнительно. Практически невероятно. Но даже если предположить, что между этими словами есть что-то общее, то, во-вторых... когда произошел этот эпизод? Правильно, сто лет назад. После него были еще гоблинские шаги, пустой человек возле беседки и пустой человек с морщинистыми лапами. Зачем все это было бы нужно, если бы наш злоумышленник уже получил желаемое? А?

– Иван, – произнесла я с преувеличенным восхищением. – Ты просто гений.

После этих слов я достала из ящика листочки, упакованные в полиэтиленовый пакет, и унесла их к себе в спальню. Там я при свете настольной лампы и при плотно задернутых шторах внимательно их изучила. Как Ваня и утверждал, все страницы были на месте и ничего интересного, кроме липких красных пятен, пахнущих земляникой, на них не обнаружилось.

Глава 21, где обнаруживается труп

Утром Вани в моем доме уже не было. Я сварила кофе, выпила, одну за другой, три чашки и почувствовала в себе нечеловеческую бодрость, требующую немедленного выхода. Решив для начала направить свою энергию на Белку, я отправилась в гости. Ну и что, что утро. Кто ходит в гости по утрам... и так далее.

– Они за земляницей уехали, – сказала мне баба Груша. – С Колькой, Светкой его и дитямяи.

– В такую рань? – удивилась я.

– Время-то уже к полудню, – покачала головой баба Груша. – А в самую жару что там делать?

Да, здесь, в деревне, время рассматривают совсем с другой точки зрения. Десять часов – это уже почти полдень. Все серьезные дела начинают не позже семи часов утра, а то и раньше. Могли бы и меня позвать, между прочим. Я представила, как Светка говорит: «Они там, наверное, заняты. Не будем им мешать». И подмигивает Кольке с Белкой. Ладно, Колька. Но Белка-то знает, что мы с Ваней вовсе не... Или не знает?

Я задумчиво брела по улице, пока не наткнулась на Серого. Что-то он мне в последнее время попадаетея буквально на каждом шагу. Он поздоровался со мной недовольным то-

ном и широко зевнул.

– Ты чего такой смурной? – спросила я. – Не выспался, что ли?

– Ну, – подтвердил Серый. – На рыбалку ходил. В четыре часа.

– Утра? – изумилась я.

– Так не вечера же.

– Ну ты даешь.

– В лесу труп нашли, – неожиданно сказал Серый.

– Ч-чего? – я вздрогнула. Что он такое говорит? Может, я ослышалась?

– Труп, говорю, нашли в лесу. Теперь милиция понаедет, с расспросами будут приставать...

– Какой труп?

– Да не знаю я, – отмахнулся Серый. – Тетка какая-то молодая. Задушенная.

– Задушенная? Но это невозможно... – сами собой прошептали мои губы.

– Почему невозможно? Сейчас всяких маньяков полно, ты что, телевизор не смотришь? Кто-то взял и задушил ее голыми руками.

Мне показалось, что Серый произнес это даже с удовольствием. Я не могла отделаться от надвигающейся на меня картинки серых морщинистых лап, которые тянутся к моему горлу.

– Ладно, я пойду, – пробормотала я. – Мне домой надо.

Не успела я придти домой и снова поставить на плиту кофе, как ко мне пожаловали посетители. О своем приходе они возвестили деликатным стуком в дверь. Каким-то особенным стуком. Я сразу поняла, что это кто-то чужой. Все мои знакомые входят без стука или барабанят, как умалишенные. И при этом еще радостно выкрикивают мое имя. Я выключила газ, медленно подошла к двери и открыла ее.

В дверях стоял полицейский. Обычный полицейский в обычной форме, среднего роста, коротко стриженный, с внимательными глазами и немного оттопыренными ушами. Из-за его плеча выглядывал еще один почти такой же, только с усами и без оттопыренных ушей.

– Добрый день, – сказали они почти синхронно и вошли в дом.

– Вы, наверное, уже слышали о произошедших событиях? – спросил усатый. – В деревне новости разносятся быстро.

Я сначала растерялась. Какие события? У меня, конечно, много событий произошло за последнее время, но в милицию я обращаться и не думала. Потом до меня дошло, что под «событиями» он, скорее всего, имеет в виду задушенную девушку.

– Похоже, вы ничего не слышали...

– Я сегодня поздно проснулась, – зачем-то сказала я, – а вчера... тоже. То одно, то другое...

Я виновато отвела глаза.

– В лесу обнаружен труп, – резко произнес усатый милиционер и сунул мне под нос неизвестно откуда появившуюся у него в руках фотографию. – Взгляните, пожалуйста. Возможно, вы знаете эту девушку.

Я непроизвольно отшатнулась

– Девушку? – машинально переспросила я, глядя на его шевелящиеся усы.

– Да, убитую девушку.

– Ее... задушили? – голос мой почему-то дрогнул и слова получились скомканными и невнятными.

– Что вы говорите? – переспросил милиционер.

– Ничего, я просто подумала...

– Да вы не бойтесь, – наконец-то я услышала голос милиционера без усов. – На лице никаких следов нет. Она выглядит так, как будто просто уснула.

Я с благодарностью посмотрела на него, потом, решившись, перевела взгляд на фотографию, которую все еще держал перед моим носом усатый.

Действительно, она казалась спящей. Глаза закрыты, лицо спокойное и умиротворенное. Темно-русые, слегка волнистые, волосы, длинная челка, сбившаяся на одну сторону, тонкие губы...

– Нет, я ее не знаю. И, скорее всего, никогда не видела.

– Скорее всего? – переспросил усатый. – Вы не уверены?

– В том, что я с ней не знакома, уверена.

– Подумайте, может быть, вы встречали ее, здесь, в деревне?

– В деревне точно нет. Здесь все на виду. Ну а когда-нибудь, где-нибудь... – я пожала плечами. – А когда ее убили?

– Два дня назад, ночью. Если бы эти городские грибники случайно не забрели в овраг, мы бы, возможно, никогда ее не нашли. Место там глухое, местные туда не ходят.

– Грибов там нет, – добавил безусый.

– Ну, до свидания. Если что-нибудь вспомните, обращайтесь.

– Ага, – пробормотала я, закрывая дверь.

Мне было страшно и как-то муторно. Привычный и знакомый мир снова зашатался, теряя устойчивость и нормальные очертания. Только вчера я была уверена, что все странные события, случившиеся со мной – всего лишь чей-то злой розыгрыш, а теперь моя уверенность улетучилась, как дым. Какой уж тут розыгрыш, если кого-то задушили по-настоящему... Задушили в тот же день, когда пытались задушить меня. Это я сейчас могла бы лежать в лесу, холодная и неподвижная, с синими губами... Я передернула плечами, как от озноба.

До этого момента все происходящее еще можно было считать розыгрышем, шуткой или забавным приключением. Я сама хотела интересных каникул, и, хотя иногда мне бывало страшно, все же в глубине души я наслаждалась проис-

ходящим. Как в комнате страха, где неожиданно открываются гробы со светящимися скелетами или на голову опускается набитый чем-то мягкими мешок, что в темноте вызывает парализующий ужас. Как бы ни было страшно, ты всегда помнишь, что скоро выйдешь отсюда, и, прищурившись, согласишься на яркое желтое солнце, при свете которого все встанет на свои места.

Но теперь все изменилось. Страх, сковавший меня, был настоящим.

Я снова зажгла газ. Кофе убежал на плиту. Я вымыла плиту и турку, расставила все по местам и, оглядывая придирчивым взглядом кухню, поняла, что навести здесь порядок будет довольно трудно. Потому что на кухне и так была идеальная чистота. Очень жаль. Наведение порядка обычно меня успокаивает. Ну когда же Ваня придет? Может, огород прополоть? Но у меня нет огорода. Только дремучие заросли сорняков. И они мне, в общем-то, совсем не мешают.

Я вышла из дома, направилась к беседке и осмотрелась. А что, если убрать вот этот чертополох и этот репейник, будет, по-моему, совсем неплохо. Я нашла в кладовке перчатки и взялась за работу. Через два часа площадка вокруг беседки была расчищена и выглядела перепаханной, потому что корни, которые мне пришлось выдирать, сидели довольно глубоко в земле. А я была потной, пыльной и уставшей. Но мрачных мыслей в моей голове стало значительно меньше, что и требовалось.

Я приняла душ и переоделась. Потом, напевая себе под нос какую-то надоедливую попсовую песенку, соорудила обед и съела его. Ваня не появлялся. Настроение мое почему-то снова опустилось на несколько градусов.

Он пришел ровно в три пятнадцать. Я как раз смотрела на часы и думала, позвонить ему или не стоит.

– Доброе утро, – сказал он.

Лицо у него было немного помятое и это утро, которое давно уже не утро, явно не было для него добрым. Я пошла на кухню и сварила кофе. После кофе он немного повеселел, а лицо его как будто разгладилось.

– Мог бы и у меня поспать, – заметила я между делом. – Или тебя беспокоит моя репутация? Все равно все черт знает что обо мне думают.

– Да я... не поэтому.

– А почему?

Ваня неопределенно пожал плечами.

– Говори, говори, – не отставала я.

– Просто не хотел тебе мешать.

– Мешать?

– Ты бы проснулась, я там лежу, сплю...

– Ну, если бы ты не посреди прохода разлегся, ты бы вряд ли мне помешал.

– И потом, кто знает, как я себя веду во сне... Может, я храплю или разговариваю, или еще что...

Ваня смущенно отвел глаза в сторону. Я еле удержалась,

чтобы не расхохотаться.

– Ты стесняешься при мне спать? – спросила я серьезно.

– Ага, – согласился он.

– С ума сойти, – вырвалось у меня.

Потом я рассказала ему новость. К моему удивлению, эта новость не произвела на него большого впечатления.

– Скорее всего это не имеет к нашему делу никакого отношения, – уверенно сказал он.

– В ту же ночь, – веско повторила я. – Приблизительно в том же месте. Задушена.

– Я думаю, это совпадение.

– Интересно, а что думает Глаз?

– Сейчас кофе допью и поедем узнаем.

Но мы не узнали. Глаза не оказалось дома, и это почему-то очень сильно меня удивило. Видимо, у меня, совершенно необоснованно, образовалась уверенность, что Глаз всегда сидит дома, в своем кабинете, что-то пишет на компьютере и листает старые книги в ожидании посетителей.

Обычно Глаз появлялся на пороге сразу, как только мы подъезжали к дому. Наверное, его собаки предупреждали о нашем появлении. Сегодня его не было и мы, невольно насторожившись при появлении пары доберманов-охранников, подошли к двери и постучали. Потом мы постучали погромче, а потом Ваня обнаружил, что дверь заперта на ключ.

– Похоже, Глаза нет дома, – произнес он растеряно.

– Как это нет дома? – удивилась я. – Куда он мог поде-
ваться?

– Мало ли какие у человека могут быть дела...

Доберманы сидели на лужайке перед домом, вроде бы не
обращая на нас внимания, но, в то же время, я постоянно
чувствовала на себе внимательные взгляды их черных бле-
стящих глаз.

– Ага, – торжествующе сказал Ваня, когда мы вышли из
калитки.

Я сначала не поняла, что вызвало такой его восторг, но по-
том тоже заметила следы шин, ведущие от гаража к дороге.

– Он уехал на машине, – выдала я свой вывод, к которому
пришла исключительно благодаря дедукции.

– Блестяще, Ватсон, – Ваня похлопал меня по плечу.

– Но что это нам дает? – спросила я.

– Абсолютно ничего, – признался Ваня.

– А почему мы не знает номера его телефона?

– Потому что он никогда нам его не давал.

– Это что, тайна?

– Не знаю, – Ваня пожал плечами. – Ты когда-нибудь ви-
дела у него телефон? Или слышала, чтобы он с кем-нибудь
по нему разговаривал?

– Никогда, – ответила я, не задумываясь.

– Может, у него вообще нет телефона? – предположил Ва-
ня.

– Разве такое бывает?

– Бывает еще и не такое, – философски изрек Ваня, и мы уехали.

Ваня подвез меня к дому и поехал к себе, пообещав придти минут через сорок. Мне захотелось приготовить на ужин что-нибудь этакое и я придирчиво осматривала содержимое своего холодильника, когда раздался стук в дверь. Я вздрогнула и, закрывая холодильник, прищемила себе палец. Это было совсем не больно. Неужели опять милиция? Может, они уже знают... Неужели мне придется им обо всем рассказать? Ни за что. Они упрячут меня в сумасшедший дом.

Но это была не милиция. Это был Степан Пантелеевич. В светло-сером костюме и шляпе. На дороге возле дома я увидела джип вроде ваниного, только немного меньше.

– Здравствуйте, – выговорила я, почему-то слегка заикаясь.

– Я вижу, мой визит вас удивил, – произнес Степан Пантелеевич.

– Нет, то есть, да. Я не ожидала, но очень рада. Проходите, пожалуйста.

Я, наконец, догадалась пригласить его в дом. Он вошел, прошел в гостиную, неторопливо огляделся и сел в самое удобное кресло.

– Вы уже знаете? – спросила я.

– Возможно, – спокойно произнес он. – Смотря что вы

имеете в виду.

– В лесу нашли мертвую девушку. Задушенную, – выпалила я. – И еще...

– Да? – Степан Пантелеевич смотрел на меня с интересом. И еще мне показалось, что он был немного удивлен. Не шокирован, не возмущен, а именно удивлен, как будто что-то было не совсем так, как должно было быть.

– Ее задушили как раз в ту ночь, когда этот... это... когда пытались задушить меня.

Вот эта новость его совсем не удивила.

– А откуда вы об этом узнали? – спросил он.

– Ко мне приходили милиционеры. Но я тогда уже знала. Мне Серый сказал. Они показывали мне фотографию. Я ее не знаю. Никогда не видела.

– Я подозревал, что произойдет что-то безумное, – задумчиво произнес Орлиный Глаз.

– Безумное, – повторила я.

Мы замолчали. В тишине было слышно только громкое тиканье старых часов.

– Ваня должен скоро придти, – зачем-то сказала я.

– В данный момент его присутствие вовсе не обязательно, – отозвался Степан Пантелеевич. – Хотя должен отметить, что Иван – довольно интеллигентный молодой человек. Это редкость в наши дни, – он хитро посмотрел на меня.

Я удивленно кивнула. Он что, собирается говорить со мной о Ване?

– Я хочу, чтобы вы взглянули на это.

Глаз достал из внутреннего кармана пиджака фотографию и протянул ее мне. Я смотрела и ничего не понимала. Круглая железка, цветочки, листики... Да это же моя пуговица! Только огромная. Я подняла глаза и увидела, что Степан Пантелеевич внимательно за мной наблюдает.

– Моя догадка подтвердилась, – произнес он.

– Какая догадка?

– Когда я увидел эту пуговицу, то сразу подумал, что это и есть ваша пропажа.

– Но... откуда это? Где вы ее нашли? И зачем сфотографировали?

– Это не я ее нашел, – сказал Орлиный Глаз. – Она лежала в кармане убитой девушки. А сфотографировали ее следователи, с одним из которых я хорошо знаком.

– Моя пуговица, – прошептала я. – Лежала в ее кармане? Это... это ужасно.

– Ничего такого уж ужасного в этом нет, – сказал Степан Пантелеевич. – Но это наводит на определенные размышления и подтверждает некоторые мои выводы.

– Выводы? Вы можете делать какие-то выводы? – я была поражена до глубины души.

Лично мне все происходящее представлялось невероятно запутанным, неправдоподобным и жутким нагромождением событий. Какой-то лабиринт из множества нитей, не связанных, но плотно переплетенных между собой.

– Вы тоже можете, – произнес Орлиный Глаз.

– Н-нет, – кажется, заикание начинает входить в привычку. – Я не могу. Я ничего не понимаю. Абсолютно ничего. Может, чаю?

Я вскочила и бросилась на кухню. Если я буду делать что-нибудь вполне обыденное и привычное, то, наверняка, почувствую себя лучше.

– Не стоит утруждаться, – сказал мне вдогонку Степан Пантелеевич. – Я зашел буквально на пару минут, только для того, чтобы показать фотографию.

Я зажгла газ и поставила чайник на плиту. Потом я распахнула дверцы посудного шкафчика и застыла, не в силах вспомнить, что мне нужно взять.

– Но раз уж я здесь, – продолжал Степан Пантелеевич, бесшумно появившись рядом со мной, – вы не будете возражать, если я прогуляюсь по вашему дому?

– Конечно, – сказала я и закрыла дверцы шкафчика. – А мне можно с вами?

– Не вижу для этого никаких препятствий.

И мы отправились в обход бабушкиных владений. В гостиную мы больше не заходили, так что остались две спальни, библиотека и ванная. Мы также заглянули в кладовку и на минуту вышли на веранду. Орлиный Глаз двигался неторопливо и уверенно, при этом не произнося ни слова.

– Ну что? – спросила я, когда мы вернулись на кухню.

– Действительно, – сказал он. – За эти шесть лет практи-

чески ничего не изменилось. Правда, в тот, последний раз я был только в гостиной... Но мне приходилось бывать и в других комнатах.

Я ждала продолжения, но оно не последовало. Степан Пантелеевич церемонно попрощался, надел шляпу и вышел, сказав напоследок, что мы с Ваней должны непременно к нему заехать около девяти часов вечера.

– Зачем? – спросила я.

– Чаю попьем, – сказал Степан Пантелеевич и еле заметно подмигнул мне левым глазом.

– Чаю, – разочарованно повторила я.

– А к чаю, я надеюсь, будет кое-что очень для вас интересное.

Я вздохнула.

– В чем причина вашей печали? – спросил Орлиный Глаз.

– Во всем, – сокрушенно произнесла я. – Но больше всего в том, что вы все равно не скажете, что же это будет, даже если я спрошу...

Степан Пантелеевич улыбнулся и спустился с крыльца.

– Выше голову, Катерина Андреевна, – сказал он, уже на ходу. – Скоро вы увидите, как эта непроглядная тьма рассеется под яркими лучами солнца...

Все-таки он иногда странно разговаривает, этот Орлиный Глаз.

Я вышла из состояния задумчивого оцепенения только минут через двадцать после его ухода, да и то потому, что

пришел Ваня.

Глава 22, в которой речь снова заходит о прозвищах

– Список, – сказала я.

– Что? – не поняла Ваня.

– Я забыла показать ему наш список.

– Глазу?

– Да, – я кивнула и посмотрела на кресло, в котором сидел

Глаз.

– Он приходил? – спросил Ваня, проследив за моим взглядом.

– Приходил. Приносил фотографию и звал в гости. В девять вечера.

Я довольно точно пересказала Ване наш разговор.

– Теперь мне по-настоящему страшно, – сказала я.

– Теперь это настоящий детектив, – сказал Ваня с непонятной интонацией, усаживаясь в то самое кресло, где недавно сидел Степан Пантелеевич.

– Почему?

– В настоящем детективе обязательно должно быть убийство, – объяснил Ваня.

– Да, – согласилась я. – И не должно быть любовной линии.

– Кто это сказал? – возмутился Ваня.

– Знающие люди.

Я пошла на кухню, вспомнив, что так и не придумала, что приготовить на ужин. Ваня увязался за мной. Он помог мне высыпать картошку в раковину, а когда я взяла в руки овощечистку, чтобы начать ее чистить, он подошел ко мне сзади, и, взяв меня за локти, сказал:

– Давай я.

Я резко дернулась, вырвавшись из его рук, и отодвинулась от него как можно дальше. Ваня смотрел на меня удивленно и немного испуганно.

– В чем дело? – тихо спросил он. – Кажется, я ничего...

– Почему ты это сделал? Я имею в виду... именно так?

– Не знаю. Видимо, мной управляли звезды, – он попытался беззаботно улыбнуться. – Ты читала гороскоп на сегодня?

Я молчала, закусив губу.

– Катя, что случилось? Я ничего не понимаю.

Ваня сделал шаг по направлению ко мне. Я боролась со страхами и воспоминаниями.

– Когда этот... пустой человек... душил меня, кто-то держал меня за локти, – выпалила я.

– Ох, – выдохнул Ваня. – Извини, я не хотел... пугать тебя или напоминать.

– Ладно, проехали, – сказала я, протягивая ему овощечистку.

Когда я подняла глаза на Ваню, то увидела, что с его лицом творится что-то неладное. Оно одновременно выражало изумление, недоверие и испуг.

– Ты же не думаешь, – почти прошептал он. – Что это было я?!

Я весело рассмеялась.

– Нет, настолько гениальные мысли в мою голову не приходят.

Ваня посмотрел на меня с облегчением и с благодарностью и яростно взялся за картошку, только очистки полетели в разные стороны.

В восемь пятьдесят пять мы подъехали к дому Степана Пантелеевича. Он появился на крыльце ровно в тот момент, когда Ваня заглушил двигатель своего «хаммера». Поздоровавшись, мы, как обычно прошли в кабинет. Я уселась на диван, Ваня – рядом со мной, а Степан Пантелеевич – в свое любимое кресло.

Не знаю, как Ваня, а я с напряженным вниманием, переходящем в патологическое любопытство ждала, когда же Орлиный Глаз начнет рассказывать об обещанном «интересном».

– Помните, вы рассказывали мне легенду о пустом человеке? – спросил Степан Пантелеевич.

– Ну, – сказала я.

– Хорошо помните?

– Нормально.

– Тогда скажите мне, в какое время, по легенде, должен появляться пустой человек?

– В сумерках, – сказала я и замолчала. – За восемь минут до полного наступления темноты. Так что тогда это было... неправильно. Не по легенде.

– Вот именно, – произнес Орлиный Глаз. Он выглядел очень довольным. – И потом, по легенде он не должен никого душисть.

– Да, – растеряно кивнула я. – Достаточно посмотреть в его пустое лицо, чтобы... чтобы начать умирать, – закончила я, ощутив, как по моему позвоночнику пробежало целое стадо колючих мурашек.

Я снова увидела эту жуткую черноту на месте лица, и мне захотелось зажмуриться. Но я знала, что это не поможет прогнать видение. Оно рассеется само собой, если не обращать на него слишком пристального внимания.

И в этот момент я вспомнила. Воспоминание пронзило меня с такой пугающей ясностью, что я вскочила. Так же, как и в тот раз... Я тогда резко села на кровати, потому что увидела нечто, безмерно меня удивившее. Не испугавшее, а именно удивившее.

Из-под капюшона, там, где он переходил в черный балахон, выбилась волнистая прядь волос. Темных, но не таких черных, как капюшон. Я видела эту прядь очень отчетливо. Но в тот момент я совершенно не осознавала, что это может значить, что это меняет, и как мне нужно реагировать на уви-

денное. Я была охвачена ужасом и, когда резко выпрямилась, то почувствовала, что мои локти сковали железные тиски, не дающие мне пошевелиться. Я опустила глаза и увидела на своих локтях серые сморщенные пальцы. Такие же пальцы тянулись к моему горлу. Тогда я и потеряла сознание.

– Это было... это была женщина, – прошептала я, глядя на Степана Пантелеевича.

– Значит, вы вспомнили?

– Да, я вспомнила. Я видела темные длинные волосы. Вернее, только один локон, который выбился из-под капюшона.

– А лицо? – спросил Степан Пантелеевич. – Может, вы видели какие-то очертания лица?

– Нет, – я покачала головой. – Лица не было.

– У мужчин тоже бывают длинные волосы, – сказал Ваня.

Я сразу вспомнила Антона.

– Вряд ли, – я покачала головой. – То есть бывают, конечно, но я почему-то уверена, что эти волосы были женские.

– Если вы уверены, то для этого есть какая-то причина, – сказал Орлиный Глаз.

Я задумалась.

– Волосы были женские, потому что они были мягкие. И ухоженные. Не знаю, как это объяснить. Мужчины, которые отрачивают длинные волосы, обычно не очень-то заботятся об уходе за ними. Они не используют специальные средства и не укладывают их феном...

– Понятно, – произнес Орлиный Глаз.

– Хотя неизвестно ведь, как это все... у пустых людей. Может быть, есть пустые мужчины и пустые женщины...

Ваня фыркнул.

– О чем ты говоришь?

– Не знаю...

– Не позволяйте вашему воображению заводить вас слишком далеко, – строго сказал Степан Пантелеевич.

– У нее не было лица, – сказала я.

– Если ты его не видела, это не значит, что его не было, – возразил Ваня.

– Если бы оно было, я бы его увидела.

– Необязательно, – заметил Орлиный Глаз.

– До сих пор не могу спокойно думать об этом, – призналась я.

– Ну и не думай, – сказал Ваня.

– Да, – кивнул Степан Пантелеевич. – Мы можем оставить эту тему, ваша память и так преподнесла нам настоящий подарок.

– Думаете это важно? – с надеждой спросила я.

– Несомненно. Вчера я еще сомневался, но теперь полностью уверен, что вам больше ничего не угрожает.

Ничего себе, заявление! Совершенно неожиданно, вполне в духе Глаза. Я уставилась на Степана Пантелеевича, вытаращив от удивления глаза. Ваня тоже выглядел удивленным. И встревоженным.

– А, может, не стоит торопиться? – осторожно спросил

Ваня.

– Лишняя бдительность обычно не бывает лишней, – сказал Глаз еще одну непонятную фразу, но Ваня, кажется, его понял.

Потом мы немного поговорили обо всем произошедшем, причем говорил в основном Ваня.

– Факты нужно рассматривать по порядку, – заявил он. – Но я все равно не представляю, как это поможет вычислить этого подонка, – добавил он удрученно.

Он рассмотрел все факты, подробно и обстоятельно расписав все произошедшее. И даже попытался сделать выводы. На мой взгляд, это у него вышло не очень удачно. Выводов было два: во-первых, это может быть только кто-то из моих друзей и, во-вторых, не один, а двое. Орлиный Глаз слушал его очень внимательно и даже кивал в нужных местах. Я была рассеяна и думала лишь об одном: когда же, наконец, Степан Пантелеевич сообщит то, что собирался.

– Если их двое, как ты утверждаешь, и если это кто-то из тех, кого я хорошо знаю, – не выдержала я, – то это могут быть только Галка с Вовкой или Колька со Светкой. Так?

– Получается, что так, – согласился Ваня. – Мне тоже это не нравится, но против фактов не попрешь...

– Это самая возмутительная чушь, которую я когда-нибудь слышала! – воскликнула я. – И если это следует из твоих фактов, то, значит, факты неправильные.

– Факты не могут быть неправильными, – возразил Ваня. –

Факты это факты. Неправильной может быть только их интерпретация.

– Вот именно, – сердито подытожила я и обратилась к Орлиному Глазу. – Степан Пантелеевич, когда вы сегодня заезжали ко мне, то сказали, что у вас будет что-то интересное... Мы это уже обсудили, или еще нет?

– Я рад, что вы вспомнили, – спокойно сказал Орлиный Глаз. – Но, к сожалению, сегодня мне вас порадовать нечем. Сообщение пока откладывается. Это произошло не по моей вине, но я все равно приношу свои извинения.

– Да ладно, чего уж там, – я махнула рукой. – А надолго оно откладывается?

– Я опасаясь давать обещания, потому что это зависит, как я уже сказал, не от меня... Скажем так, существует девяностодевятипроцентная уверенность, что это произойдет не позднее завтрашнего вечера.

– Значит, мы приедем завтра? – спросила я, вставая.

– Я буду очень рад видеть вас, – подтвердил Степан Пантелеевич.

Мы распрощались и уехали.

– Есть одна вещь, которая не дает мне покоя, – произнес Ваня на обратном пути.

– Что за вещь? – вяло поинтересовалась я.

– Мне страшно интересно, какое у тебя в детстве было прозвище... Я знаю, тебе не нравится эта тема, но, чем боль-

ше ты не хочешь говорить, тем сильнее мне хочется знать...

Я резко выпрямилась и сердито посмотрела на Ваню.

– Ну, не хочешь, не говори...

– Не хочу! – произнесла я таким тоном, чтобы не осталось никаких сомнений в моем нежелании. И с чего это, спрашивается, он об этом вспомнил?

Некоторое время мы ехали молча.

– Мне тоже не дает покоя одна вещь, – сказала я.

– Да? – Ваня посмотрел на меня с любопытством.

– Ты несколько раз говорил о какой-то истории или историях, которые благополучно распутал Орлиный Глаз.

– Ага, – кивнул Ваня.

– Мне бы хотелось знать поподробнее.

Ваня вздохнул.

– Вообще-то подробно мне известна только одна история.

Я даже в ней немного участвовал. Но не в качестве главного действующего лица.

– А в первый раз ты сказал, что слышал о Степане Пантелеевиче. А потом оказалось, что не только слышал. Я очень удивилась, когда он назвал тебя по имени.

– Я просто так выразился, – оправдывался Ваня.

– Ладно, рассказывай свою историю, – скомандовала я.

– Ну, раз уж твое любопытство достигло предельного напряжения...

– Достигло, достигло. Даже не сомневайся.

– Это было пять лет назад, – начал Ваня тоном сказочни-

ка. – Я как раз пришел из армии. И познакомился с одной девушкой.

Неожиданное начало. Посмотрим, что будет дальше.

– Но она предпочла моего друга.

– Очень жаль, – зачем-то сказала я.

– Да. Тогда мне тоже было очень жаль. Но... что тут поделаешь. Насильно мил не будешь, как говорится.

– И что? – спросила я. – Ты возненавидел своего друга и решил отомстить?

– Ну у тебя и воображение, – хмыкнул Ваня. – Речь вовсе не об этом.

– А она красивая? – задала я еще один глупый вопрос.

– Вполне, – ответил Ваня, мгновение поколебавшись. –

Но это тоже не важно.

– А что важно? – спросила я раздраженно.

Ваня посмотрел на меня с упреком.

– Если тебе все еще хочется узнать эту историю, то не перебивай меня, пожалуйста. Так вот. Я довольно быстро утешился, если тебе интересно. А у них с моим другом все было замечательно. Пока она не сошла с ума.

– Что?

– Именно так это и выглядело. Я видел ее тогда и, признаться, тоже думал... что она действительно не в себе. А мой друг был уверен, что это не так. И подозревал чьи-то козни. Меня он подозревал, как оказалось. – Ваня помолчал. – А потом убили ее отчима. И все указывало на нее. Она

была там, она не помнила, что происходило... она была сумасшедшая, в конце концов.

– Ужас какой, – вырвалось у меня.

– И вот тут появился Степан Пантлеевич и убедительно доказал всем, что Полина – так ее зовут – никак не могла этого сделать. А сделала это первая жена Полининого отчима. Она работала в кафе, где каждый день обедала Полина, и у нее была прекрасная возможность подмешивать ей в еду какие-то галлюциногены.

– Настоящий детектив, – вырвалось у меня.

– Да, – кивнул Ваня. – Так что все закончилось благополучно для моего друга и его девушки только благодаря Орлиному Глазу.

– А где она сейчас? – не удержалась я от вопроса.

– Кто? – Ваня сделал непонимающие глаза.

– Полина.

– Они с Костей, моим другом, сейчас работают в Аргентине.

– В Аргентине? – удивилась я.

– Ага. Им нравятся разные экзотические места. В прошлом году у них родилась дочка.

– Хорошо, – выдохнула я.

– Что хорошо? – спросил Ваня.

– Хорошо, что у них все хорошо.

– У нас тоже все будет хорошо, – уверенно произнес Ваня.

Я промолчала.

– Я ответил на твой вопрос? – спросил Ваня через некоторое время.

– На какой вопрос?

– Ты просила рассказать историю, и я рассказал.

– Ну?

– Я просил сказать мне твое прозвище, и ты не сказала.

Это как-то неправильно, тебе не кажется?

– Если ты еще раз поднимешь эту тему, я знаю что сделаю? – зло пропыхтела я.

– Что?

– Что-нибудь очень нехорошее, – выпалила я. – Мне сейчас не приходит в голову ничего достаточно ужасного, но, поверь, если ты будешь доставать меня разговорами об этом дурацком прозвище, моя фантазия что-нибудь мне подбросит.

– Хорошо, хорошо. Больше не буду.

Глава 23, повествующая о том, как Ваня поймал злоумышленника

Поздним вечером Ваня все еще околачивался у меня дома, несмотря на то, что Степан Пантелеевич ясно сказал, что все угрозы миновали. Я, признаться, не возражала. Во-первых, Глаз тоже мог ошибиться, а во-вторых... Не важно, что во-вторых.

– Лишняя бдительность не бывает лишней, – со смешком повторил Ваня слова Глаза и исчез в ночи.

Его не было довольно долго, я уже начала волноваться и нервно выглядывать из окон, когда услышала страшный грохот в районе веранды, сдавленный ругательства, пыхтение, и снова страшный грохот. Я сделала шаг к двери и остановилась. Потом собрала в кулак всю свою волю и решительность и сделала еще один шаг.

На третьем шаге дверь распахнулась и пороге возникли два темных силуэта, освещаемые сзади ярким светом с веранды. В гостиной был включен только торшер, дававший не слишком много света, так что я опознала только одного из вошедших – Ваню.

– Я его поймал, – сказал Ваня, толкая впереди себя коренастого мужчину в камуфляжных брюках и толстовке с ка-

пюшоном, причем капюшон был надвинут на глаза, скрывая большую часть лица. Тем не менее, что-то в облике пойманного с поличным злоумышленника показалось мне смутно знакомым. Очень знакомым...

Ваня закрыл дверь, тем самым уменьшив освещение, и возбужденно продолжал:

– Он подъехал на машине с выключенными фарами, а потом обошел вокруг дома и подкрался к твоему окну... Тут я его и сцапал.

– А он... не сопротивлялся? – спросила я, заметив, что Ваня то и дело осторожно потирает лоб.

– Сопротивлялся, – буркнул он. – Только я его быстро скрутил.

– Фиг бы ты меня скрутил, если бы не подлая подножка, – сердито произнес этот тип в надвинутом на глаза капюшоне.

Когда я услышала его голос, у меня пол покачнулся под ногами, и я упала в ближайшее кресло. Сначала я не могла ни слова выговорить. Меня душили разнообразные противоречивые чувства. Потом из моего горла вырвался странный звук, похожий то ли на стон, то ли на сдавленное рыданье... но на самом деле это был смех.

– Привет, сестренка, – сказала жертва Ваниной подножки, откидывая с лица капюшон.

Я только хрюкнула в ответ.

– Что... кто... – растеряно хлопал глазами Ваня, тем не менее, не выпуская локоть гостя из своей цепкой лапы.

– Да отпусти ты меня, наконец, – развернулся к нему мой любимый брат Борька. – Ты кто такой вообще?

– А ты кто такой? – не остался в долгу Ваня.

– Ваня, – я, наконец, справилась с истеричным хохотом. – Это мой брат Борис.

– Брат? – Ваня окинул Борьку недоверчивым оценивающим взглядом. – А тогда чего он так... исподтишка? И зачем к твоему окну пробирался?

– Да я сюрприз хотел сделать, – буркнул Борька, резким движением высвобождая локоть. – Но, оказывается, сюрприз подждал меня самого... И у этого сюрприза на редкость крепкие кулаки, – добавил он, осторожно прикасаясь к левому глазу.

Я вскочила и включила верхний свет. Представшее зрелище чуть снова не вызвало у меня истерику. У Борьки под глазом красовался здоровенный фиолетовый фингал, а у Вани посреди лба – лиловая шишка с неровной и довольно глубокой царапиной, в которой я опознала след от Борькиного кольца-печатки. Помнится, когда-то он мне хвастался, что носит эту печатку вместо кастета. А сейчас мне представился случай лично увидеть последствия применения этого чудо-предмета...

Я выдала Борьке замороженный окорок для прикладывания к фингалу, а Ване обработала ранку зеленкой. По ходу дела я официально представила их друг другу.

– Интересно вы тут развлекаетесь, – сказал Борька, при-

держивая пупырчатую куриную ногу и косясь на Ваню.

– А нечего в темноте шархаться и людей пугать, у которых и так... нервы расшатаны, – парировал Ваня.

– У кого это нервы расшатаны? – спросил Борька, внимательно глядя на меня.

– Вот именно, – вскинулась я на Ваню. – Нервы мои... очень даже ничего. Как и все остальное. Ты же сам говорил.

Главное – запутать противника, то есть собеседника, чтобы он и сам забыл, что собирался сказать. Кто это определил, что у меня с нервами не все в порядке? Все у меня в порядке, даже более того...

– Я уверен, вам обоим не терпится все мне рассказать, – заключил Борька. Его взгляд, брошенный на Ваню, уже не был таким сердитым.

– О господи! – воскликнула я. – Как я устала все рассказывать!

Так что рассказывать пришлось Ване. Правда, хранить молчание у меня не получилось: надо же вносить необходимые уточнения, чтобы Ваня, предаваясь гневным эмоциям, не слишком далеко уходил от истины.

– Ни фиги себе, – присвистнул Борька, когда повествование достигло завершающей стадии. – А я боялся, что ты тут скучаешь...

– Ха, – сказала я и замолчала.

– Я знаю Степана Пантелеевича, – сказал вдруг мой брат.

– Знаешь? – удивилась я.

– Ну, не то чтобы прямо-таки знаю, но очень хорошо помню. Мы с дедом к нему ездили, когда они с бабушкой еще в городе жили. А потом я встречался с ним уже здесь, в Васильках, он навещал бабушку.

– И что ты о нем думаешь? – спросила я.

– Думаю, что это правильный дядька.

– В каком смысле? – иногда я не понимаю его определенный.

– В прямом, – ответил Борис и глубоко задумался.

И все же он, Борька, поглядывал на меня как-то недоверчиво. Может, думал, что мы его разыгрываем?

– Кать, может, сообразишь чего-нибудь пожевать? Чаю там, или кофе?

– Чаю пожевать? – переспросила я.

– Ну и к чаю чего-нибудь. Я голодный, как дикий вепрь.

Я вышла на кухню, оставив Бориса с Ваней. Надеюсь, у них нет желания продолжать выяснять, у кого кулаки крепче. Типичные мужчины. Сначала в глаз дадут, а потом разбираются, кому дали и за что. Интересно, какую легенду они придумают для объяснения своих синяков и шишек окружающим, той же бабе Груше, например? Лично я в последние дни все время ношу на шее платок, хотя следов уже совсем не осталось.

Я вернулась в гостиную, чтобы спросить у Бориса, какие бутерброды он предпочитает. Готовой еды у меня не было, а я знала, что он терпеть не может есть по вечерам яичницу

или омлет, считая их сугубо утренней едой. Когда я вошла, они оба замолчали и, кажется, даже отпрянули друг от друга, как будто я застала их за каким-то неприличным занятием. Ага, вот, значит, как. Мужские тайны. И что это вы, интересно знать, тут обсуждаете, за моей спиной? Я уселась на стул, сложив руки на груди.

– Кать, ты чего? – спросил Борька.

– Не знаю, чем тебя кормить, – сказала я.

– Да я на все согласен, – сказал он нетерпеливо.

– Даже на яичницу?

– Даже на яичницу, – сказал он, поморщившись.

– А ты будешь? – спросила я Ваню.

– Ага, – он кивнул, глядя на Борьку.

Я вернулась на кухню, оставив обе двери широко открытыми. Но они говорили тихо и невнятно, так что я слышала только низкий гул их голосов, и при этом не могла разобрать ни слова. Понятно, что Борька уснул меня специально, а вовсе не потому, что проголодался. Он вообще ест мало и практически никогда не ест по ночам. Говорит, что после ночной еды не может уснуть. Ну что ж, значит, сегодня ему предстоит бессонная ночь. Я поставила на огонь самую большую сковороду и разбила в нее десять яиц. Потом я на цыпочках подкралась к двери и прислушалась.

– В этом нет никаких сомнений, – услышала я голос Вани. Потом Борька что-то спросил, я не могла разобрать, что.

– Нет, я сам ничего не видел, – ответил ему Ваня. – Но...

Тут я услышала звук отодвигаемого стула и тяжелые шаги по деревянным половицам. Я отпрыгнула к плите. Вот, значит, в чем дело. Боря сомневается. Думает, что я все это сочинила или мне померещилось, или приснилось... Он всегда говорил, что у меня буйная фантазия. Может, он и прав. Но на этот раз, к сожалению, моя фантазия вообще ни при чем.

Я нарезала огурцы и помидоры, украсила все это веточками петрушки и ломтиками сыра, разложила яичницу по тарелкам и пошла звать мужчин.

– Я, наверное, попозже, – начал отнекиваться Борис. – Сейчас схожу, принесу из машины вещи, потом душ прииму...

– Ага, – угрожающе произнесла я, надвигаясь на него. – То есть ты будешь тянуть время до утра. А кто говорил, что умирает с голода?

Я буквально затолкала его на кухню.

– Катя, дай хотя бы руки помыть, – он все еще надеялся сбежать.

– Здесь помоешь, – отрезала я.

– О-о, – застонал он, увидев тарелки с яичницей. – Зачем же... столько?

– Ты сказал, что хочешь есть и согласен на яичницу, – напомнила я. – Так что теперь тебе придется ее съесть.

Борис пошел к раковине мыть руки. Ваня смотрел на все происходящее круглыми от удивления глазами.

– А мне можно? – спросил он несмело.

– Что?

– Руки в ванной помыть.

– Тебе можно, – милостиво разрешила я, не сводя насто-
роженного взгляда с Бориса. Если он попробует улизнуть, я
эту тарелку с яичницей надену ему на голову.

Борис очень долго и очень тщательно мыл руки, потом
медленно вытирал их кухонным полотенцем, палец за паль-
цем, но все же настал момент, когда ему надо было садиться
за стол. Ваня уже сидел перед своей тарелкой, поглядывая на
нее с нескрываемым удовольствием.

– Ну ты зверь, – произнес Борька, поддевая вилкой яич-
ницу.

– Да, – согласилась я.

– И что я тебе плохого сделал?

– Ты меня выгнал. Ты мне не веришь. Ты думаешь, что я
все сочинила. И еще, – добавила я, помолчав немного. – Ты
Ваню против меня настроиваешь.

– Нет! – сказали они оба одновременно.

– Я все слышала, – сказала я. – То есть того, что я слыша-
ла, достаточно, чтобы понять, что ты решил организовать за
моей спиной какой-то шовинистский мужской заговор. А я
этого не потерплю. Так что ешь свою яичницу и помалкивай.
Главный тут вовсе не ты.

– Ты? – спросил Борька, поглядывая на меня с интересом
и даже, кажется, с восхищением.

– Главный тут Ваня, – совершенно неожиданно для самой

себя выпалила я. И прикусила язык. – После Орлиного Глаза, конечно, – добавила я, стараясь не смотреть на Ваню.

– Чайник кипит, – сказал Борис, наматывая на вилку яичницу.

– Потом по главности иду я. И только потом – ты. Вот так.

– Такая вот, значит, табель о рангах, – усмехнулся Борис. Он снял яичницу с вилки и теперь кромсал ее на мелкие кусочки.

– Да, – сказала я очень серьезно и достала чайные чашки.

– А как мне к нему обращаться? – спросил Борис.

– К кому?

– К главному, – Борис кивнул в сторону Вани, который уже разделался со своей порцией яичницы и теперь задумчиво жевал веточку петрушки.

– Можно просто «сэр», – сказал Ваня.

Я выхватила у Бориса тарелку с истерзанной яичницей и убрала ее на разделочный стол. Он посмотрел на меня с благодарностью и взял чашку с чаем.

– Какие планы на ближайшее будущее, сэр? – спросил он Ваню.

– Похоже, сейчас произойдет смена караула, – ответил Ваня, как мне показалось, немного грустно. А, может, это была вовсе не грусть, а, наоборот, облегчение...

– Конечно, – сказала я. – Ты в последнее время хронически не высыпaeшься.

– Это ерунда, – сказал Ваня.

– Во-первых, это не ерунда, а во-вторых, теперь есть Борька, пусть он меня охраняет.

– А завтра, – продолжал Ваня. – Глаз обещал сообщить какую-то новую информацию. – Так что всем спокойной ночи.

Ваня встал.

– А чай? – спросила я, вскакивая вслед за ним.

– А я уже выпил, – Ваня продемонстрировал мне пустую кружку. Это выглядело как какой-то фокус. Неужели можно выпить целую кружку чая одним глотком?

Я проводила Ваню до крыльца.

– Пока, – сказал он на прощанье, поднимая ладонь и делая шаг вниз по ступенькам.

Я шагнула к нему, и он остановился.

– Пока, – сказала я и тоже остановилась.

– До завтра, – сказал он, не двигаясь с места.

– Завтра... увидимся, – тихо произнесла я и быстро отступила назад, на веранду.

Ванина рука непроизвольно дернулась в мою сторону, как будто он хотел схватить меня за руку и удержать. Но он не схватил меня, а быстро сбежал вниз по крыльцу и пошел к калитке. Я стояла и смотрела ему вслед, и мне почему-то было так грустно, как будто он уходит навсегда, и я никогда больше его не увижу.

Борис, расслабленно откинувшись на спинку стула, допивал свой чай.

– Интересный экземпляр, – сказал он, внимательно глядя на меня. В глазах его прыгали веселые чертики. – А дерется как... – Он уважительно присвистнул. – В общем, я одобряю.

– А кто тебя спрашивает? – огрызнулась я.

– Что, я не вовремя приехал?

– Почему это?

– Сорвал вам романтическое свидание...

– Никаких романтических свиданий у нас не было, – сказала я с внезапным раздражением. – И не будет. Мы с Ваней... просто друзья, понятно?

– Понятно. Хочешь присоединить его скальп к своим многочисленным трофеям. Бедный парень.

Я взяла полотенце, завязала на нем узел и этим узлом треснула Борьку по голове.

– Эй, – возмутился он. – Тебе не кажется, что я сегодня и так достаточно пострадал?

– Так тебе и надо, – сказала я. – Нужно было позвонить. И предупредить.

– Да-а, – задумчиво произнес Борька. – Но я же не знал, что ты в таком раздерганном состоянии. Хотя все равно надо было. Признаться, мне и в голову не пришло, что ты можешь быть не одна. Я и не заметил, что моя маленькая сестренка выросла.

– Я не выросла, – буркнула я. – То есть... не в этом дело.

– В этом тоже, – сказал Борька, поднимаясь. – Пойду вещи из машины принесу.

Глава 24, где сокровище сияет всеми гранями

Ночью опять шел дождь. Я ворочалась в своей кровати, думала о Ване и даже не вспоминала о сокровищах и тех, кто хотел их похитить. Даже тень пустого человека сегодня меня не пугала. Я слушала дождь и вспоминала. Вспоминала, как в первый раз увидела Ваню и почти поверила, что он тракторист, как мы с ним обследовали чердак, и он спросил, сколько мне лет, как он спал на моем крыльце и как смутился от того, что я его за этим застукала... И еще много чего. Оказалось, что у меня накопился целый ворох воспоминаний связанных с Ваней. И еще оказалось, что все эти воспоминания окрашены какой-то розовато-сиреневой дымкой.

Прелесть дождя еще и в том, что он обязательно когда-нибудь закончится. Рано или поздно, сегодня или завтра... В данном случае ждать пришлось до самого утра. Утром меня разбудил яркий солнечный свет, и я мгновенно вскочила с кровати, не чувствуя никакой сонливости, хотя обычно по утрам я брожу как сомнамбула, пока что-нибудь не встряхнет меня как следует.

Ваня пришел только к вечеру, и я весь день провела как на иголках.

– Позвони ему, – сказал Борька, снимая со стены в кухне картину.

Он с утра шел по нашим с Ваней следам, но мне это было совсем неинтересно. Я даже не полезла с ним на крышу заглядывать в трубу, что совсем уж на меня не похоже.

– Кому? – сделала я непонимающее лицо, для чего округлила глаза и слегка приоткрыла рот.

– Сама знаешь, кому.

– Он, наверное, спит. В последнее время у него для этого почти не было времени.

– А у тебя? – с еле заметным смешком спросил Борька.

– У меня – было, – буркнула я. – Ты же меня знаешь, если я не выплусь, то я вообще ни на что не гожусь.

– Ага. Вернее, годишься только на то, чтобы уснуть прямо на лекции или в машине, остановившись на светофоре.

– Такое было только один раз!

– А я и не говорю, что два. Значит, не будешь звонить?

– Не буду.

– Ну и правильно, – согласился Борис. – Сам придет, никуда не денется. Слушай, – неожиданно спросил он. – А это все... действительно правда? – он посмотрел на меня с надеждой. Похоже, эта история с сокровищами вдохновила его не меньше, чем меня на первых порах.

Я помолчала несколько секунд, а потом откровенно ответила:

– Не знаю. Мне и самой не верится. Все время хочется

себя ущипнуть или отвести к психиатру.

– Понятно.

Похоже, мое откровенное признание убедило его больше, чем это сделали бы любые доводы.

Устав изображать следопыта, Борька решил навестить бабу Грушу.

– Давно пора, – сказала я. – Она уже, наверное, обиделась, что ты не заходишь. Не забудь сказать, что отдыхал с дороги.

– Но она же не знает, что я приехал? – он вопросительно посмотрел на меня.

– Знает, даже и не сомневайся. И вовсе не от меня.

– А от кого?

– Борис, это деревня. Здесь все все знают. И я уверена, у местного населения уже есть несколько гипотез по поводу того, зачем ты заглядывал в трубу.

– Ты думаешь... кто-то меня видел?

– Здесь у всего есть глаза и уши. Привыкай.

– И как же можно так жить? – воскликнул Борис.

– Лично я просто не обращаю на такие вещи внимания. А тебе стоит придумать какую-нибудь версию по поводу фингала.

Фингал был замечательный. Лиловый в середине, желтый по краям... Красота, одним словом.

– Хочешь, я его тональным кремом замажу? Будет почти не видно.

– Может, мне еще губы покрасить, чтобы отвлекали вни-

мание? Тогда точно никто про фингал не спросит...

– А что, идея! – обрадовалась я и сделала вид, что иду за помадой.

– Стоять! – скомандовал Борька. – Фингалы, как известно, только украшают мужчину.

– По-моему, шрамы... Ну да ладно. Надеюсь, Белке понравится, а Алинка не испугается.

– Белка – это... которая племянница?

– Ага. А Алинка – ее дочка. Очень любознательная девочка. Обязательно спросит, что это у дядя с глазом.

– Тут грабли есть? – спросил Борис.

– Грабли? Есть, наверное... А зачем тебе?

– Где они обычно лежат?

– Не знаю. Я их в глаза не видела.

– В общем, так. Скажем, что я вчера в темноте наступил на грабли.

Я захихикала.

– Классно. Ты – просто герой. Герой анекдота. О тебе теперь в Васильках легенды будут слагать.

– Ну и на здоровье. Роль клоуна мне вполне по вкусу.

– Не клоуна, – поправила я, – а городского идиота.

– Тем более, – сказал Ваня и мы пошли.

Баба Груша, действительно, ничуть не удивилась при виде Бориса. Соседки ей уже наверняка доложила о появлении в Васильках нового дачника. Но фингал оказался для нее новостью, значит, ночью никто ничего не слышал. Версия

о граблях прокатила на ура, правда, Белка смотрела недоверчиво. Я ей подмигнула, а потом, когда баба Груша увела Борьку в дом, рассказала всю правду без прикрас. Она смеялась и одобрительно качала головой.

– Представляю твои эмоции, когда ты поняла, что доблестный рыцарь Ваня приволок на своем плече твоего собственного брата.

– Насчет эмоций ничего не скажу, но помню, что я хрюкала.

– Хрюкала?

– Ага. Хотела смеяться, но почему-то получался какой-то пороссячий звук.

На крыльцо выбежала Алинка.

– Баба Груша говорит, чтобы вы шли есть жареную картошку, – сказала она.

– Мы сейчас, – отозвалась Белка.

Алинка спустилась на одну ступеньку и уселась на крыльцо.

– А можно я не буду? – заискивающе спросила она.

– Что не будешь?

– Жареную картошку есть.

– А что ты будешь? – спросила Белка.

– Я просто посижу с вами и посмотрю на этого смешного дядю с фиолетовым подглазником. А потом баба Груша обещала блинов напечь.

– Ладно, – согласилась Белка. – Не хочешь, не ешь. Я,

между прочим, тоже совсем не голодная.

Через два часа я привела домой под завязку набитого блинами Бориса.

– Уф, – сказал он, отдуваясь и усаживаясь в кресло.

– А ты думал, – я уселась напротив него в кресло-качалку и начала раскачиваться.

– Чего мы ждем? – спросил Борька.

– А с чего ты взял, что мы чего-то ждем?

– Не знаю. У тебя лицо, как на вокзале.

– Чего?

– Такое лицо бывает, когда все готово, чемоданы сложены, билеты проверены, а поезд еще не пришел.

– А, – говорю я. – Понятно. Но, по-моему, поезд уже пришел.

Я услышала тяжелые Ванины шаги на веранде.

– Наконец-то, – сказал Борька, вставая ему навстречу. – Здорово у тебя получилось, – добавил он с завистью.

Ваня надел бейсболку, которая полностью закрывала шрам на лбу.

– Спасибо, что удачно выбрал место, – подмигнул ему Ваня. – Ну что? – спросил он, глядя на меня.

– Что – что?

– Поехали?

– Как скажете, сэр.

– Очень рад, – сказал Степан Пантелеевич, пожимая руку Борису. – Три головы хорошо, а четыре – это уже квартет.

Он совершенно проигнорировал синяк под борькиным глазом и шишку с царапиной на Ванином лбу. Ваня, мгновение поколебавшись, снял бейсболку, когда мы вошли в дом Глаза. Видимо, из мужской солидарности. Ванина шишка была почти такая же красивая, как Борькин фингал, даже еще красивее, потому что находилось ровно посередине лба, не нарушая симметрии. Степан Пантелеевич был необычайно оживленным, я бы даже сказала, радостным. Он провел нас в гостиную и жестом предложил садиться.

Мы расселись в кресла и на диван и уставились на него в напряженном ожидании. Степан Пантелеевич взглянул на часы и вышел.

– Старик совсем не изменился, – задумчиво произнес Борька. – Я видел его лет десять назад, и выглядел он тогда абсолютно также.

– А чего ему меняться, – сказала я. – Он же уже старый.

– Куда это он подевался? – задал риторический вопрос Ваня.

– Наверное, пошел чайник ставить, – сказала я.

– Сколько можно чай пить? – недовольно пробурчал Ваня. – Только и делаем, что чай пьем.

– Это ты зря, – возразила я. – Чай у Степана Пантелеевича необыкновенно вкусный. Все время забываю спросить, что за сорт. Что-то постоянно отвлекает от этой мысли.

Борис молча озирался по сторонам, разглядывая старинную мебель, картины в овальных рамках и кованую люстру с лампочками, стилизованными под свечи. Странно, что сегодня Степан Пантелеевич усадил нас в гостиной. Обычно все наши заседания проходили в его кабинете, и гостиную мы видели только краем глаза. Может быть, это потому, что нас стало больше? Или это означает, что сегодня – просто светский визит и делами мы не занимаемся?

Я встала и подошла к окну. То, что я там увидела, меня просто потрясло. Никогда бы не подумала... Неужели Орлиный Глаз сам всем этим занимается? Окно выходило в огород, расположенный за домом. Этот огород вполне мог претендовать на то, чтобы его взяли и целиком перенесли на какую-нибудь выставку малых агрономических форм. Это был не огород, а просто картинка: безупречные грядки с ровными параллельными рядами моркови, редиски и еще каких-то корнеплодов, линии молодого укропа, петрушки и салата, кусты помидоров, привязанные к деревянным колышкам зелеными ленточками, грядки огурцов, кабачков и тыкв, тоже очень аккуратные, несмотря на склонность этих культур к беспорядочному разрастанию. И все это – небольшое, даже миниатюрное, этаким небольшим островок геометрического порядка посреди буйных зарослей разросшегося кустарника и подступающего к забору леса.

Только я оглянулась на Ваню и Бориса, намереваясь поделиться с ними своим открытием, как вошел Степан Пантеле-

евич, и не один. С ним был полноватый и очень представительный мужчина с седыми волосами, обрамляющими круглую блестящую лысину и небольшой бородкой более темного, чем волосы, оттенка. У него на носу были очки в тонкой оправе, почти такие же, как у Степана Пантелеевича, смотрел он поверх них, внимательно, и даже, как мне показалось, придиричиво.

– Добрый день, молодые люди, – ответил он на наши приветствия глухим низким голосом. – Думаю, не ошибусь, если скажу, что вы и есть внучка Екатерины Андреевны, – сказал он, обращаясь ко мне.

– Да, – пролепетала я, глядя на него во все глаза.

– Это Павел Юрьевич, мой давний друг, – представил гостя Степан Пантелеевич. – Я очень рад, что он приехал меня навестить.

– После того, как ты мне буквально нож к горлу приставил, – беззлобно проворчал Павел Юрьевич. – Но я рад, что все же бросил все дела и выбрался к тебе в лес. Я, кажется, даже, начинаю понимать, почему ты здесь поселился...

– Но ты бы здесь не выжил, – сказал Степан Пантелеевич.

– Ты меня хорошо знаешь, – согласился гость. – Пара дней на природе – это одно, но жить здесь по нескольку месяцев кряду... Это надо быть очень большим оригиналом. Или...

– Сумасшедшим, – подсказал Степан Пантелеевич.

– Заметь, это не я сказал.

Я чуть ли не подпрыгивала на диване от нетерпения. Яс-

но, что этот Павел Юрьевич появился здесь не случайно, тем более это ясно из его слов о моей бабушке. Но почему же они так беззаботно беседуют на посторонние темы, как приятели, встретившиеся за кружкой пива, как будто бы нет более важных дел и более интересных тем, чем причины, по которым Орлиный Глаз здесь поселился?

– Ну, не буду испытывать ваше терпение, – произнес Степан Пантелеевич. – Я заставил этого страстного горожанина приехать ко мне не случайно. У него есть, что вам рассказать. Он был знаком и с Екатериной Андреевной, и с Федором Ивановичем и я взял на себя смелость предположить, что Екатерина Андреевна доверила ему свой секрет.

Я удивленно смотрела на этого лысого мужчину преклонных лет и ничего не понимала. Кто этот человек? И почему бабушка могла рассказать ему то, чего она не рассказала никому из своих родственников?

– По профессии я ювелир, – ответил Павел Юрьевич в ответ на мой откровенно вопросительный взгляд. – В последние годы занимаюсь только антиквариатом. Это моя страсть. Через мои руки прошли сотни и даже тысячи ювелирных изделий, изготовленных в прошлых веках. Я могу, лишь взглянув на кольцо, подвеску или сережки, сказать, когда они были сделаны, с точностью до года, и каким мастером, если к этому приложил руку какой-то из известных ювелиров.

Это все, конечно, здорово, только совершенно непонятно, к чему это он так расхвастался. Я, конечно, надеюсь найти

сокровище, но, во-первых, я совершенно не уверена, что оно будет старинным и ювелирным, а, во-вторых, оно все еще не найдено и неизвестно, будет ли найдено вообще. По Ваниному взгляду я поняла, что он думает примерно то же самое. Борис смотрел на ювелира и не смотрел на меня, поэтому о его мыслях я не могла даже догадываться.

– Именно об этом меня и попросила Екатерина Андреевна, – неожиданно сказал этот профессионал по антиквариату.

– О чем? – вырвалось у меня.

– Об оценке. Это моя обычная практика. Люди, владеющие антикварными украшениями, часто плохо представляют себе их реальную ценность. Кому-то что-то перешло по наследству от бабушки, кто-то что-то купил по случаю, думая, что делает удачное вложение... Обычно они преувеличивают историческую и ювелирную ценность своих милых вещичек. Если колечко было куплено прабабушкой в начале прошлого века, это еще не значит, что оно стоит миллионы. Скорее всего, это изделие массового производства, которое, хотя и имеет какую-то ценность по причине своего возраста, но ценность эта вовсе не чрезмерна.

Понятно. Орлиный Глаз с помощью своего друга хочет меня предостеречь, чтобы я не слишком раскатывала губу. Да я и так, собственно... Разве для меня важна ваша ювелирная, а, тем более, историческая, ценность?! Мне бы только клад найти, а что именно в нем будет – не так уж и важно.

Главное – что это хотела мне передать моя бабушка. Да пусть это будет хоть оловянное колечко, если оно было дорого ей, то оно будет также дорого и мне. Даже еще больше.

– Но тут был другой случай, – веско сказал Павел Юрьевич и замолчал.

Я встрепенулась. В размышлениях об оловянном колечке я чуть не потеряла нить его повествования.

– Это было чудо, – произнес ювелир. Мне показалось, что его голос дрогнул. – И я вынужден был молчать об этом, потому что дал слово. Считалось, что эта вещь давно утеряна, а оказалось, что она цела и невредима, и вот уже два века переходит по наследству по женской линии. Екатерина Андреевна не разрешила мне ее сфотографировать, к сожалению. Впрочем, я ее прекрасно понимаю.

Зато я не понимала абсолютно ничего. Я посмотрела на Степана Пантелеевича. Он выглядел чрезвычайно довольным, прямо-таки светился от удовольствия. Ваня и Борис были серьезными и сосредоточенными.

– Она была очень удивлена, когда я назвал ей цену, за которую эту вещь можно продать. Она знала, что это ценный предмет, но не думала, что настолько. И, конечно, она не догадывалась, что ее пара сохранилась.

– Какая вещь и чья пара? – не выдержав, воскликнула я. – Я ничего не понимаю.

– Разве я не сказал? – Павел Юрьевич удивленно поднял брови. – Вещь – это сапфировая сережка восемнадца-

того века. Чрезвычайно большой камень. Просто уникально случай. Два таких камня, почти неотличимых на первый взгляд... Одна из этих сережек всплыла во Франции еще в конце девятнадцатого века. В закрытой частной коллекции. Она несколько раз меняла хозяев, пока не оказалась в России, уже в наше время. Сейчас ее владелец – очень влиятельный, но не очень известный широким массам банкир. Я знаю, что за вторую серьгу он готов выложить целое состояние. Но все считают, что она безвозвратно утеряна. И только я знал, вот уже девять лет... но я молчал.

– То есть вы хотите сказать... – я была ошарашена. – Что эта вторая сережка... – сапфировая, кажется? – была у моей бабушки?!

– Именно это я и говорю.

– Но... – сказала я и замолчала.

– Странно, что никто ничего об этом не знал, – подал голос Борис.

– Действительно, странно, – сказал Павел Юрьевич. – Но очень правильно, с моей точки зрения. И Екатерина Андреевна, по всей видимости, хорошо это понимала. Ваш дедушка, конечно, знал. Но он мало что смыслил в ювелирных украшениях. Он считал, что это просто какая-то золотая безделушка. Но выполнил просьбу Екатерины Андреевны никому о ней не рассказывать.

– Так, значит, сокровище и вправду существует, – прошептала я. – Настоящее...

– Более чем, – с улыбкой произнес Павел Юрьевич.

– А где она сейчас, эта сережка? – спросила я, глядя на него с надеждой.

– Вот этого я, конечно же, не знаю. Екатерина Андреевна сказала мне только то, что она уверена в надежности своего... тайника.

– Так и сказала – тайника? – спросил Борис. Глаза его горели.

– Ну... по-моему, да, – неуверенно произнес Павел Юрьевич.

– Я думаю, есть смысл послушать подробный рассказ о вашей встрече, – сказал Степан Пантелеевич.

– Ну что ж... Я, конечно, не могу гарантировать, что вспомню все подробности нашего разговора, но попытаюсь передать все максимально достоверно. Екатерина Андреевна позвонила мне как-то зимой. Восемь или девять лет назад. После обычных расспросов о делах и здоровье, она сказала, что ей нужна моя профессиональная консультация. Она хотела, чтобы я взглянул на одну вещь. Я нисколько не удивился, как я уже говорил, для меня это обычное дело. Она заинтересовалась, не собираюсь ли я, случайно, в ваши края. Я ответил, что через пару недель планирую навестить нашего общего приятеля. – Павел Юрьевич кивнул в сторону Степана Пантелеевича. – Она попросила меня заехать к ней на обратном пути. И я заехал. Меня ждало удивительное открытие, – добавил он взволнованно. – Я узнал ее с первого

взгляда. Еще бы, ведь совсем недавно я делал оценку почти такой же сережки для того банкира. Я был в восторге. Екатерина Андреевна выслушала меня на удивление спокойно, даже когда я назвал ей приблизительную цену, за которую можно продать эту уникальную вещь. Можно было бы, конечно, запросить и в два раза больше, учитывая ситуацию...

– Так сколько она стоит? – спросил Борис.

Павел Юрьевич посмотрел на него укоризненно.

– Это можно сказать только приблизительно, – пробормотал он. – Цена в данном случае определяется не только реальной стоимостью, но и возможностями покупателя... И, конечно, его желанием.

– Никто не будет привлекать тебя к ответственности за неправильные цифры, – с легкой усмешкой произнес Орлиный Глаз. – Скажи приблизительно. Видишь, молодых людей разбирает любопытство.

– Я могу сказать только, что это будет цифра с пятью нулями. В евро, – добавил он.

У меня почему-то не получилось представить эту цифру с нужным количеством нулей. Я лучше об этом потом подумаю.

– И что было потом? – спросила я.

– Потом? – повторил Павел Юрьевич.

– Что сказала бабушка?

– Она сказала, что не собирается ее продавать. Это я одобрил. И еще она сказала, что эта вещь досталась ей от бабуш-

ки. А той – от ее бабушки. Или от мамы. В общем, ее передают по женской линии. Если нет дочери – то внучке. Как она попала к их прапрабабушке, я не знаю. Может, Екатерина Андреевна сама не знала. Я не спрашивал. Потом мы тепло распрощались. Я уговаривал Екатерину Андреевну положить сережку на хранение в банк, но она сказала, что хранит эту вещь уже почти полвека и уверена, что и дальше сможет хранить. Что тут скажешь?

– Меня интересуют и другие подробности этой встречи, – сказал Степан Пантелеевич.

– Что значит – другие? – Павел Юрьевич посмотрел на него недовольным взглядом.

– Например, такие: в какое время суток происходила ваша встреча, горел ли в комнате свет, были ли задернуты шторы, не видел ли ты кого-нибудь рядом с домом...

– А, вот ты о чем... Попробую ответить. Была зима, дело было ближе к вечеру, по-моему. Я уехал от тебя где-то во второй половине дня и заехал в Васильки...

– А мне сказал, что торопишься на какую-то встречу, – как бы между прочим заметил Степан Пантелеевич.

– Так оно и было. Я торопился именно на встречу. Итак. Свет горел, это я точно помню. Я подъехал к дому в сумерках, а, когда уезжал, было совсем темно. Да, кстати, когда я вышел из дома, возле моей машины крутился какой-то парнишка. Разглядывал колеса, заглядывал в салон... Спросил у меня, сколько лошадей или что-то в этом роде.

– Что за парнишка? – заинтересовался Степан Пантелеевич.

– Обычный парнишка. В шапке-ушанке. Я не обратил на него особого внимания. Мальчишки всегда интересуются машинами. Мои внуки тоже...

– Давай о твоих внуках поговорим немного позже, – перебил его Орлиный Глаз. – Сколько лет было парнишке?

– Откуда я знаю? Я у него паспорт не спрашивал. Да и не было у него паспорта. Маловат еще...

– Ну хоть приблизительно ты можешь сказать? Шесть лет или пятнадцать?

– Где-то посередине, – пожал плечами Павел Юрьевич.

– Понятно. Значит, была зима... Если я правильно помню, январь.

– Наверное. Я не записывал.

– Да, – продолжал Степан Пантелеевич. – Был январь. Дней пять-семь после нового года.

– Точно! – воскликнул Павел Юрьевич. – Вспомнил. У Екатерины Андреевны в гостиной елка стояла.

– Значит, вы были в гостиной? – спросил Степан Пантелеевич.

– Сначала мы пили чай на кухне. Потом перешли в гостиную.

– А когда Екатерина Андреевна принесла сережку?

– Когда мы закончили пить чай. Но, кажется, еще не ушли с кухни. Точно. Сначала она лежала на кухонном столе. Там

еще скатерть в клеточку.

– Да! – не удержалась я от восклицания. – В красно-бе-
лую, – зачем-то добавила я.

– А шторы были закрыты? – не отставал от ювелира Ор-
линый Глаз.

– Да не помню я! – воскликнул тот. – Я, как эту сережку
увидел, вообще обо всем на свете забыл.

– Бабушка всегда закрывала шторы в гостиной, – снова
вмешалась я. – Потому что она выходит на улицу. А на кухне
могла и не закрыть, ведь там огород.

– Мне кажется, шторы были закрыты и там, и там, – ска-
зал Павел Юрьевич. – Но поклясться я не могу. Еще будут
вопросы?

– Пока хватит, – сказал Степан Пантелеевич.

Павел Юрьевич вздохнул с видимым облегчением.

За этими расспросами первый шок от невероятной ново-
сти немного притупился, но, когда Орлиный Глаз прекратил
свой дотошный допрос, и на минуту воцарилось молчание,
меня снова как будто током ударило. «Сокровище, – проно-
силось в моей голове, – настоящее сокровище. Старинная
драгоценность. Огромный сапфир... Неужели это действи-
тельно происходит со мной?»

– Где же она может быть? – задал риторический вопрос
мой брат Борис.

– Интересно, как она выглядит? – спросила я почти одно-
временно с ним.

В отличие от вопроса Бориса, мой вопрос не был риторическим.

– Если бы этот... старый следопыт, – сказал Павел Юрьевич, косясь на Степана Пантелеевича, – прямо сказал мне, зачем я ему понадобился, то я бы, наверняка смог найти фотографию.

– Фотографию? – воскликнули мы с Борисом одновременно.

– Фотографию той сережки, которой сейчас владеет банкир. Как я уже говорил, на взгляд неспециалиста они совершенно неотличимы. Но на самом деле камни немного разные, хотя и одинакового размера.

– Вот бы увидеть эту фотографию, – вырвалось у меня.

– В этом нет ничего невозможного, – сказал Павел Юрьевич. – Когда я ее найду, то отправлю вам по электронной почте.

– Большое спасибо, – поблагодарила его я.

– Эта сережка, – продолжал Павел Юрьевич, – представляет собой ювелирное изделие с одним большим сапфиром, окруженным более мелкими сапфирами и бриллиантами. Обрамление – золото и серебро. Время изготовления – конец восемнадцатого века, предположительно тысяча семьсот девяностый год.

Его мягкий, вкрадчивый голос звучал завораживающе. Мое воображение рисовало нечто сверкающее, синее и переливающееся. Ведь сапфиры синие, не так ли? Мне как-то

неудобно было спрашивать. Но я все же спросила. Вернее, вопрос сам слетел с моего языка.

– Сапфиры бывают синими, голубыми, фиолетовыми, зелеными, оранжевыми, желтыми и коричневыми, – очень пространно ответил Павел Юрьевич. Видимо эта маленькая просветительская лекция доставляла ему удовольствие.

– А наш какой?

– Его цвет кажется мне наиболее близким к фиолетовому, – ответил ювелир.

– Ух ты! – воскликнула я. – Обожаю фиолетовый цвет.

– Из этой сережки может получиться замечательная подвеска, – заметил Павел Юрьевич.

– Осталось только ее найти, – сказал Борис.

Мне показалось, что он от нетерпения немного подпрыгнул на диване. Я прямо-таки видела, как у него руки чешутся по-настоящему начать искать тайник. С таким энтузиазмом он мне весь дом распотрошит. Надо его как-то утихомирить.

Степан Пантелеевич как будто прочитал мои мысли.

– Не торопитесь громить дом, – сказал он, с улыбкой глядя на Бориса. – Лучше сначала хорошенько подумайте, помните.

– А что мы можем вспомнить? – нетерпеливо воскликнул Борис. – Мы же ничего не знали.

– И, тем не менее, могли что-то заметить. Тогда вы не придали этому значения, но сейчас, взглянув на это в новом свете, вы, возможно, догадаетесь. Особенно сосредоточьтесь,

как я уже говорил Катеньке, на переменах, произошедших в доме.

– Хорошо, – кивнула я. – Мы будем думать.

Мне, как и Борису, уже не терпелось уйти.

– Нельзя забывать и о втором аспекте нашего дела, – сказал Орлиный Глаз.

– Да, – согласился Борис. – Если кто-то еще знает об этой вещице, это может быть опасно.

– А вы не хотите устроить... вечеринку? – неожиданно предложил Глаз, поглядывая на меня, на Бориса, и на Ваню, который скромно сидел в углу дивана и за последние полчаса не издал ни звука.

– Вечеринку? – хором переспросили мы с Борисом. И даже Ваня удивленно поднял брови.

– Например, по поводу приезда вашего брата, – продолжал Степан Пантелеевич.

– Ну, если надо, – растеряно произнесла я.

– И пригласите на нее всех своих друзей. А я появлюсь позже. Загляну по делу, а вы предложите мне присоединиться.

– Вы что-то задумали? – догадалась я.

– Там видно будет. Но, пожалуйста, постарайтесь, чтобы на вечеринке присутствовали все, кого мы обсуждали.

– Ага, – сказала я.

– Список не нужен?

– Нет.

– Было просто замечательно, если бы это событие произошло завтра, – закончил Орлиный Глаз.

– Завтра? Ну ладно...

– Все будет в лучшем виде, – сказал Борис. – Кто сам не захочет придти, тому мы поможем.

Он выразительно посмотрел на Ваню. Ваня кивнул.

– Я уверена, что мои друзья, – выпалила я. – Ни за что не стали бы причинять мне вред. Никто из них не стал бы меня душить. Я в этом абсолютно уверена. А вы что думаете об этом, Степан Пантелеевич?

– Я тоже так думаю, моя дорогая, – рассеянно произнес он. – Я тоже так думаю...

Глава 25, о комарах, портящих всю романтику

Мы приехали домой и начали думать. Сначала Борька думал, сидя на кресле-качалке, а я – лежа на диване. Потом Борька встал и начала ходить из угла в угол, размеренно и однообразно, как маятник. Я переместилась с дивана на кресло, продолжая изо всех сил напрягать извилины. Потом мы одновременно двинулись в сторону кухни и в четыре руки сварили кофе. Когда кофе был выпит, я не выдержала.

– Придумал что-нибудь? – спросила я.

– Пока нет, – ответил Борис.

– Будешь продолжать?

– Конечно.

– А я больше не могу.

Борис посмотрел на меня, как на предателя, но промолчал.

– Пойду лучше прогуляюсь. Как бы случайно забреду к Кольке, к Галке с Вовкой и ко всем остальным. Пора начинать подготовку к вечеринке. Надеюсь, никто не откажется от нашего с тобой приглашения.

– Пусть только попробуют, – сказал Борька и ушел в гостиную, где уселся на диван и забросил ноги на журнальный

столик.

– Ты бы лучше повисел на турнике, – посоветовала я. –
Вниз головой.

– Это еще зачем?

– Чтобы кровь в голову перетекла. Я слышала, это улучшает мыслительную деятельность.

Борька фыркнул и демонстративно отвернулся.

Сначала я, естественно, зашла к Белке.

– Орлиный Глаз решил устроить вечеринку, – сказала я. –
Будут все.

– Ничего себе, – удивилась Белка. – Похоже, он заскучал у себя на хуторе...

– Вообще-то вечеринка будет у меня. Официальный повод – приезд моего любимого брата Борьки.

– А неофициальный?

– Не знаю, – я пожала плечами. – Глаз что-то задумал, но не говорит, что.

– А что говорит?

– Говорит: там видно будет.

– Туманно, – заметила Белка.

– Полный мрак, – согласилась я.

– Очень интересно было бы увидеть этого вашего профессора, – сказала Белка, глядя в сторону, – но...

– Что – «но»? – я уставилась на Белку. – Ты что, отказываешься придти?!

– Я не отказываюсь. Но и не обещаю.

От удивления я потеряла дар речи.

– Почему? – наконец выговорила я.

– Мне нечего надеть, – сказала Белка и отвела глаза.

Я было рассмеялась, но, увидев угрюмое и упрямое выражение на лице Белки, замолчала. Сказать, что я была удивлена, это не сказать ничего. Я была растеряна и подавлена. Что происходит? Почему Белка ведет себя так, как будто она вовсе не Белка, а кто-то незнакомый и чужой?

– Ладно, я постараюсь, – промямлила Белка.

Я выходила из дома Белки совсем не в том настроении, в котором заходила пятнадцать минут назад. Опять все не так. Опять мое радостное лето становится серым и мутным. Вот и Ваня тоже стал держаться как-то отчужденно, с тех пор, как мы узнали о сапфировой серьге. Интересно, почему? Надеюсь, он не думает, что я зазнаюсь, когда у меня появится старинное украшение. Если вообще появится.

А Белке я эту новость почему-то не рассказала. Сначала не успела, а потом стало как-то не до этого. Что с ней такое творится, хотелось бы знать? Ведь она так хотела познакомиться со Степаном Пантелеевичем...

Больше никаких непредвиденных проблем с приглашениями не возникло. Колька со Светкой и Вовка с Галкой с радостью согласились придти повидать моего брата и выпить чего-нибудь прохладительно-горячительного. Антона я не нашла, но зато нашла Ваню и он пообещал доставить Анто-

на завтра к назначенному сроку. Оставался Серый. Интересно, где его сейчас искать? Вполне возможно, что он сидит с удочкой на речке или, хуже того, на лесном озере. Но сначала все-таки лучше зайти домой. Вдруг сегодня погода не рыбная или сейчас время не подходящее для вылавливания сомов.

Ваня увязался за мной, хотя я и сама бы запросто нашла дом Серого. Мы стучали и кричали, но никто так и не отозвался. Значит, он все-таки на рыбалке. Ну что ж, можно попробовать прогуляться в сторону речки. Хотя кто его знает, где именно он рыбачит...

– А его дома нету, – услышали мы за спиной высокий женский голос.

Обернувшись, я увидела, что у калитки стоит соседка Серого, тетка Маша. Я вежливо поздоровалась и спросила, не знает ли она, где Серый. То есть Сережа.

– Да на рыбалку, наверное, пошел, куда ж еще, – пожала плечами тетка Маша. – А, может, к Глафирье. Он у нее телевизор чинит. И радиоприемник с утюгом. Они у нее на чердаке сто лет валяются, а он вызвался починить.

Я удивилась количеству сломанной техники в доме моей ближайшей соседки Глафирьи и энтузиазму Серого.

– Давай ему записку напишем, – предложил Ваня.

– А чем? – спросила я, оглядываясь по сторонам. – И на чем?

– Ручка у меня есть, – сказал Ваня, доставая из кармана

джинсов маленькую стальную авторучку. – А вот с бумагой хуже.

Пока мы под любопытными взглядами тетки Маши искали, на чем бы написать записку, необходимость в ней отпала. Потому что появился Серый собственной персоной. С удочками и сеткой, в которой лежала здоровая рыбина. Мы поздоровались, и я сообщила, что завтра у меня собираются все наши.

– Ты тоже должен быть, – заявила я безапелляционным тоном, так как знала, что он вполне может предпочесть рыбалку любой дружеской вечеринке.

– Завтра? – переспросил Серый. – Вечером?

– Ну не утром же.

Серый посмотрел на удочки, потом на рыбину в сетке и, тяжело вздохнув, произнес:

– Ладно, приду.

– Вот и молодец, – обрадовалась я.

Серый неторопливо направился к сараю, зашел внутрь и тут же появился с пакетом в руках. Потом он засунул руку в сетку, схватил рыбину за жабры, вытащил ее на свет, после чего затолкал в пакет, а пакет сунул мне.

– Что это? – пролепетала я, невольно отодвигаясь.

– Щука, – сказал Серый.

– А что я с ней буду делать? – Вид этой скользкой блестящей рыбины, надо сказать, не внушал мне никакого энтузиазма.

– А я почему знаю, – пожал плечами Серый и, помахав на прощанье рукой, направился в дом.

Ваня взял у меня из рук пакет со щукой, и мы развернулись, чтобы уходить.

– Щуку хорошо запекать в сметане, – сказала тетка Маша. Оказывается, она все еще была здесь. – Или уху сварить.

– Уху я умею, – неожиданно сказал Ваня.

– А я ничего не умею, – сказала я. – Могу только пожарить филе из супермаркета.

Тетка Маша укоризненно покачала головой, и мы ушли.

– Я знаю классный рецепт ухи, – сказал Борька, который вышел из сосредоточенной задумчивости, когда увидел щуку, которую Ваня вытряхнул из пакета в раковину.

– Ваня тоже знает, – сказала я.

– Никакой картошки и прочей ерунды, – продолжал Борька. – Рыба, луковица, черный перец, лавровый лист и много зелени.

– А в конце надо влить рюмку водки, – добавил Ваня.

– Точно! – обрадовался Борька. – А лучше две.

– Смотря какой объем.

– Ее же еще чистить надо, – сказала я, с неприязнью глядя на рыбину.

– Я почищу, – вызвался Ваня. – Только лучше это делать на улице.

– Мы что, прямо сейчас будем уху варить? – поинтересо-

валась я. – Лично мне есть совсем не хочется. К тому же уже почти ночь.

– Конечно, сейчас не будем, – отозвался Борька. – Уху надо есть свежей, с пылу, с жару. Завтра сварим. Но почистить лучше сегодня.

Мы с Ваней отправились во двор, а Борька, придав лицу глубокомысленное выражение, снова уселся в кресло и закинул ноги на журнальный столик.

Ваня разложил на столе во дворе старые газеты, взял в руки нож и показал этой рыбине, где раки зимуют. Через полчаса она представляла собой гору аккуратных кусочков, сложенных в большую миску. На запах прибежали три соседских кота: рыжий, серый и полосатый. А, может, кто-то из них был кошкой. Не знаю, я им под хвост не заглядывала. Они сидели немного в стороне и молча наблюдали за Ваниными руками. Когда разделка была завершена, Ваня торжественно отнес на газете то, что им причиталось. Они встретили его радостными мявами, особенно старался серый, самый худой. Пока рыжий и полосатый медленно и с большим достоинством приближались к газете, серый слопал большую часть угощения. Он недовольно зарычал, когда товарищи присоединились к его пиршеству, но драки устраивать не стал. Мы с Ваней ушли в дом, и не видели, чем все это кончилось.

Рыба была засунута в холодильник, Ваня тщательно вымыл руки, но рыбный запах все равно не выветрился. Непо-

нятно было, откуда он исходит: от Вани, от меня или из холодильника.

– Надо проветриться, – сказала я.

– Ну, ну, – насмешливо произнес Борька.

– Чего ты нукаешь? – накинулась я на него. – Расселся тут с умным видом, да еще и нукает! Мы, между прочим, вон какую рыбину почистили!

– Вы? – Борька поднял одну бровь.

– Мы, – подтвердил Ваня. – Моральная поддержка тоже считается.

– Да я что, я ничего, идите, гуляйте, дело молодое...

Борька скрестил руки на груди и откинулся на спинку кресла. Я, на всякий случай, показала ему кулак и мы с Ваней вышли и пошли в сторону речки. По дороге я рассказала ему о странном поведении Белки.

– Как ты думаешь, что на нее нашло? – спросила я.

– Трудно сказать. Но я знаю, что у женщин иногда бывают ничем не мотивированные... состояния.

– Может, у кого-то и бывают, но только не у меня, – заметила я сердито.

– А я о тебе и не говорил.

– И не у Белки. Она не такая. Просто так, от скуки, она капризничать не станет.

– Значит, не от скуки, – сказал Ваня. – Я правильно понимаю, что вы с ней раньше не были знакомы?

– Ну да. Почему-то мы с ней никогда не встречались, хотя

она и бабыгрушина племянница.

– То есть ты знаешь ее всего лишь две недели, – заключил Ваня.

– Что? – я была поражена. – Неужели прошло всего лишь две недели?!

– Да, – кивнул Ваня. – Странно, правда?

– Правда. У меня такое ощущение, что я уже несколько месяцев нахожусь в Васильках. И что Белку я сто лет знаю. И тебя тоже, – зачем-то добавила я.

– Так оно и есть, – сказал Ваня.

– Что так и есть? – не поняла я.

– Время – вещь относительная. Иногда год пролетает, как одно мгновение, а иногда минута тянется, как целая жизнь. И, хотя это субъективные ощущения, это не позволяет усомниться в их реальности.

– Не ожидала от тебя такого, – сказала я.

– Чего? – не понял Ваня.

– Таких заумных высказываний.

– Я не такой уж валенок... – начал Ваня, но я его перебила.

– Как жаль! А мне всегда нравились наивные, неиспорченные образованием и культурой, молодые люди, выросшие на свежем воздухе. Трактористы, комбайнеры, пастухи... Да, больше всего пастухи.

Ваня сверкнул на меня глазами, но промолчал.

Мы спустились к воде. От нее исходила приятная свежая прохлада. Это было приятно и романтично. Прохладу сопро-

вождали толпы комаров. Это было совсем не романтично и крайне неприятно.

– Да они же голодные, как звери! – воскликнула я. – Сюда, наверное, давным-давно никто не забредал, и они жаждут крови.

– Сейчас мы с ними разберемся, – Ваня накинул мне на плечи свою джинсовую куртку и начал бродить по берегу, собирая разные деревяшки.

Когда деревяшек насобиралась изрядная куча, он добавил в нее сухой травы, достал спички и поджег. Сначала костер не хотел разгораться, но Ваня был настойчив, подбрасывал сухую траву и дул на маленький огонек, и вскоре мы уже сидели рядом с небольшим, но очень симпатичным костерком. Дым щипал глаза, но зато он не нравился комарам, они шарахались в сторону и боялись к нам приближаться. Я закрыла глаза и чувствовала себя вполне комфортно, лишь изредка поглядывая сквозь узкие щелочки на Ваню, который подбрасывал ветки в огонь.

– Как ты думаешь, что будет завтра? – задала я мучивший меня вопрос.

– Завтра пойдет третья неделя нашего знакомства, – рассеяно ответил Ваня.

– Я не об этом.

– Я тоже не об этом. Пора бы уже этой тайне, которая тебя совсем замучила, перестать быть тайной.

– Ты думаешь... завтра Глаз кого-то разоблачит?

Мне почему-то было не по себе.

– Думаю, да. Иначе зачем это все? Вечеринка, на которой должны присутствовать все подозреваемые...

– Как-то это все не по-настоящему, – сказала я. – Как в кино.

– Есть немного, – согласился Ваня.

– Ты что, совсем не волнуешься? – спросила я, почувствовав раздражение от его спокойствия.

– Просто я умею скрывать свои чувства, – произнес Ваня таким голосом, как будто за его словами скрывался какой-то тайный смысл... Тоже мне, тайна. Вся деревня уже знает.

– Ха, – сказала я. – Я тоже умею. Намного лучше тебя. – И замолчала, глядя на танцующие языки пламени.

Ваня встал, принес еще сухих веток и положил их рядом с костром. Потом он уселся, но не на свое старое место, а рядом со мной. Совсем рядом.

– Тебе не холодно? – спросил он почему-то шепотом.

– Мне жарко, – ответила я и попыталась немного отодвинуться от костра. И от Вани.

Коряга, на которой я сидела, пошатнулась, и я чуть не свалилась назад. От падения меня спасла рука Вани, очень вовремя оказавшаяся на моей спине. Я вернулась в исходное положение, а Ванина рука соскользнула на мою талию. Мне стало еще жарче, так жарко, что в груди что-то начало плавиться, как мороженое в микроволновке. Потом ванино лицо оказалось перед моим лицом. Я чувствовала его дыхание,

видела его губы, а его взгляд был таким солнечным... Я закрыла глаза.

В этот момент какой-то комариный мутант, не боящийся дыма, приземлился мне на плечо, с которого соскользнула Ванина куртка. Он воткнул свое острое жало в мою кожу, я дернулась и попыталась прихлопнуть его, но запуталась в Ваниных руках, обнимающих меня.

– Что... случилось? – спросил Ваня хриплым голосом.

– Комар, – сказала я и вскочила на ноги, потирая плечо. – Кусается, как злобный вурдалак.

Я схватила Ванину куртку и начала ей размахивать, чтобы отогнать любого, кто посмеет покушаться на мою кровь. Ваня смотрел на меня снизу вверх и ничего не говорил.

– Может, пойдём отсюда? – предложила я.

– Нужно подождать, пока костер догорит, – грустно сказал Ваня и отвел глаза. – Это недолго, – добавил он и принялся ворошить палкой в огне.

Глава 26, в которой наступает время разоблачений

Ваня с Борькой готовили уху. Меня с кухни выгнали после того, как я сделала несколько некорректных замечаний. Ну и на здоровье. Сами возитесь со своей рыбиной. Меня лично это занятие нисколько не привлекает. Я сидела в беседке, с тоской смотрела в сторону дома бабы Груши и гадала, придет сегодня Белка или не придет. А если нет? Что тогда делать? Не тащить же ее силой. А ведь Степан Пантелеевич настаивал, чтобы были все... Меня так и подмывало вскочить, пойти к Белке и, в фигуральном смысле приставив нож к ее горлу, спросить, что за ерунда вообще происходит. Останавливало меня только воспоминание о том упрямом взгляде Белки, который она вчера продемонстрировала. Что-то мне подсказывало, что это не просто упрямство, а такая его разновидность, которая встречается в основном у длинноухих выючных животных, а в виде исключения – у некоторых людей. Борьтсья с этим упрямством бесполезно, это только еще больше раззадоривает его носителей. По себе знаю. Эту разновидность упрямства можно только обойти, но для этого требуется особое искусство. Надеюсь, если понадобится, я смогу его проявить.

Борька предложил устроить фуршет в саду.

– Во-первых, то, что у нас за домом вряд ли можно назвать садом, – возразила я. – Скорее, это кусок дикого леса. Во-вторых, это же не презентация. В деревне принято накрывать столы.

– Ладно, – на удивление быстро согласился Борька. – Столы так столы. На улице?

– Можно и на улице. Правда, к вечеру появятся комары...

– Есть же средства. Таблетки всякие. И спреи. Мне кажется, на улице интереснее. Сразу чувствуешь, что ты не в городе.

– Ладно, уговорил, – согласилась я. – В беседке, пожалуй, будет тесновато... накроем стол возле нее. А музыку включим в твоей машине. В доме все равно ничего интересного нет, кроме старинного проигрывателя для пластинок.

– Зато в доме можно закрыть дверь, – неожиданно подал голос Ваня.

– Зачем? – я была удивлена его замечанием.

– Мало ли что, – пожал плечами Ваня. – Это же не просто... посиделки. Речь идет о разоблачении злоумышленника.

А вот об этом, я, признаться, совсем забыла. То есть, сначала помнила, а потом... В общем, вся эта идея с разоблачениями с самого начала казалась мне нереальной. Может, Глаз просто хочет посмотреть на всех, проверить какие-то свои догадки. Не обязательно же сразу разоблачать. К тому

же меня не покидала надежда, что разоблачить кого-то из моих друзей вообще не придется, потому что охотником за сокровищами окажется кто-то посторонний. Да, так было бы лучше всего.

– Не преувеличивай, – сказала я Ване. – Еще ничего не известно. Лучше помоги мне сделать салат. И маленькие бутерброды.

К шести часам пришли Галка и Вовка. Потом – Колька, Светка и Антон. Через полчаса появился Серый. Как обычно, хмурый и недовольный. Правда, когда мы сообщили ему, что будет уха из его щуки, он изобразил что-то вроде улыбки.

– Вообще-то я рыбу не ем, – сказал он.

– Вот это да, – удивилась я. – А зачем ты тогда ее ловишь?

– Глупый вопрос, – сказал Серый. – Рыбу ловят не для того, чтобы ее есть.

– А водку пьют не для того, чтобы утром страдать похмельем, – поддержал его Колька.

– А зачем? – не отставала я.

– Ты когда-нибудь слышала о спортивном интересе? – спросил меня Колька.

– Слышала, – сказала я. – Только не пойму, это к рыбалке относится или к похмелью?

– Кстати, о похмелье, – сказал Борька, открывая бутылку виски и бутылку мартини. – Кто что будет пить?

– Эх, льда бы... – сказал Колька, глядя на бутылку виски.

– Сейчас принесу, – сказала я и пошла на кухню.

Белка до сих пор не появилась. Позвонить ей? Или лучше сходить? По телефону ей будет легче меня послать. И тут меня осенила идея. Нужно сходить, но не самой, а отправить на это дело кого-нибудь понастойчивее. Вроде моего брата. Его послать ей будет труднее.

– Боря, – я тихонько обратилась к брату. – Сходи за Белкой.

– Зачем это? Сама придет.

– А вдруг не придет? Если я за ней пойду, она может заупрямиться. А вот тебя наверняка послушает.

– С чего ты взяла? – неожиданно начал отнекиваться Борька. – Я уверен, у тебя лучше получится.

– Иди давай, кому говорят! – разозлилась я.

– Не пойду, – уперся Борька.

Нет, ну надо же быть таким вредным и упрямым, да еще и в такой неподходящий момент!

– Ты хрюндель, – сказала я.

– А ты... – начал Борька, но, к счастью, закончить не успел, потому что из-за дома появилась Белка. Она была в сарафане с незабудками и улыбалась, как ни в чем ни бывало.

– Привет, – сказала она всем и села на свободный стул, между Светкой и Галкой.

Я вздохнула с облегчением и засияла, как начищенный самовар. Все в сборе, Белка ведет себя по-человечески, есть уха, мартини и старые друзья... именно то сочетание, кото-

рое нужно, чтобы забыть обо всех проблемах и расслабиться. Хотя бы до приезда Глаза. А, может, и после не случится ничего неприятного.

Степан Пантелеевич появился, когда приближались сумерки и когда я о нем уже совершенно забыла. К этому моменту застолье утратило упорядоченный характер. Борька врубил свою знаменитую стереосистему, что вдохновило Светку и Галку на ритмичные телодвижения. Как ни странно, к ним присоединился Серый, а позже и Белка. Колька с Борисом и Вовкой сидели за столом, что-то горячо доказывали друг другу и бутылке виски и лениво отмахивались от девушек, то и дело приглашавших их танцевать. Я присоединилась к Ване и Антону, которые устроились на перилах беседки, травили анекдоты и курили неизвестно откуда взявшиеся сигары.

– Я и не знала, что ты куришь, – сказала я Ване, вдоволь налюбовавшись тем, как он выпускает белые кольца дыма.

– А я и не курю, – ответил он, затягиваясь.

– Понятно.

– А ты что, против? – спросил Ваня.

– С чего бы это? Кури, сколько влезет. Кстати, эти штуки совсем не так воняют, как обычные сигареты.

– Женщина, – веско произнес Антон, – эти штуки никак не могут вонять. Это лучшие гавайские сигары, какие только можно найти.

– Я впечатлена. Слушай, Антон, давно хотела тебя спросить... – начала я задавать давно мучивший меня вопрос.

– Не надо сдерживать свои желания, – назидательно произнес он и подмигнул мне.

– Хорошо, не буду. Так вот. Что ты делал на моем огороде?

– Когда?

– Ну... недели две назад. Приблизительно. А потом еще раз, дня три назад.

– А кто говорит, что я там что-то делал?

– Люди говорят. Это же деревня.

– А, тогда... – Антон почесал затылок. – Я там ботаникой занимался.

– Ничего себе, – сказала я. – Сорняки изучал? Там больше ничего не растет, насколько я знаю.

– Плохо ты знаешь свой огород, подруга. Лично я видел там коноплю.

– Коноплю? – удивилась я. – Ты хочешь сказать, что ты ее...

– Я на нее просто смотрел, – с грустью в голосе произнес Антон. – Не тот вид.

– Чего только не бывает... А ты только со второго раза понял, что не тот? – хотела я расставить все точки над «и».

– С первого. Слушай, тебе жалко, что ли, что я на нее смотрю? – возмутился Антон. – Я там ничего не трогал. Да и нечего там трогать...

– Да нет, смотри, пожалуйста, сколько влезет. Можешь да-

же палатку там поставить, чтобы не отрываться от этого приятного занятия.

– Спасибо, только я уже насмотрелся.

– Пойду, пожалуй, уберу со стола лишнее, – сказала я, почему-то почувствовав себя веселее. – А то вид у него какой-то неаккуратный.

Ваня вызвался мне помочь, и мы быстренько навели порядок. Вот тогда и появился Орлиный Глаз. Из окна кухни я увидела, что его джип остановился у калитки. Я поспешила ему навстречу, искусно разыграв для тех, кто был не в курсе, радость от неожиданной встречи.

– Это Степан Пантелеевич, – представила я его, – друг моей бабушки.

Я повела его за опустевший стол и предложила чего-нибудь выпить.

– Я бы, пожалуй, выпил чаю, – сказал Глаз.

– Хорошо, – сказала я и услала Бориса ставить чайник. – Чай у меня, правда, самый обыкновенный, а не такой вкусный, как у вас. Зато есть торт. Шоколадный с орехами.

– С орехами – это замечательно, – сказал Степан Пантелеевич, усаживаясь так, чтобы ему были видны все присутствующие.

Я ушла за тортом, а к Степану Пантелеевичу подседа Галка, с которой они стали обсуждать здоровье ее мамы и еще каких-то тетенок и дяденок. А я и не знала, что Галка знакома со Степаном Пантелеевичем. И Колька с Серым, кажется,

тоже с ним знакомы. Впрочем, в этом нет ничего удивительного. Глаз уже много лет живет на хуторе и иногда наведывается в Васильки. Так что и Вовка тоже наверняка его знает. А я-то думала, что Глазу предстоит иметь дело с незнакомыми людьми...

Галка, увидев торт, обрадовалась и немедленно слопала два куска.

– За меня и за Вовку, – сказала она, – он все равно сладкое не любит.

– Если еще и за Вовку, то надо три, – я подмигнула Галке.

– Нет, хватит. Я же не собираюсь раздуваться до ста килограмм. Максимум – до девяноста.

И она пошла к Вовке. А я увидела, что к нам направляются Колька со Светкой.

– Ну, мы пойдем, – сказал Колька. – А то Света волнуется, что пацаны там бабу Веру связали, заперли в шкафу, включили все краны на кухне и подожгли дом.

– Ого, – удивилась я. – А с виду такие воспитанные мальчишки.

– Гены, – сказала Света, – такие сильные, что никаким моим воспитанием их не перешибешь.

– Гены – это да, – сказала я, – а как же торт? Говорят, очень вкусный.

– Хватит, – твердо произнесла Светка. – Надо сокращать количество поглощаемых калорий.

– Да, – кивнул Колька, косясь на кусок торта Степана Пан-

телеевича.

Тут вернулась Галка, уже под руку с Вовкой, так что ничего более определенного я сказать не успела.

– Нам тоже пора, – сказал Вовка, обнимая Галку одной рукой за плечи. – Режим, – добавил он, глядя на меня с видом заговорщика.

Я посмотрела на Степана Пантелеевича. Его лицо было абсолютно безмятежным. Он за руку попрощался с Вовкой и с Колей, раскланялся с дамами и снова сел на свое место.

Итак, нас осталось семеро. Белка, Серый, Антон, Ваня, я, Борис и Степан Пантелеевич. Постепенно все вернулись за стол. Я разлила чай, Борька разложил по тарелкам торт. Белка сидела между Серым и Ваней. Я заметила, что она время от времени бросает на Степана Пантелеевича незаметные заинтересованные взгляды. И еще я заметила, что она старательно избегает Бориса. И меня, кажется, тоже. Ваня о чем-то тихо переговаривался с Антоном, Серый сосредоточенно уничтожал торт. Борис поднял на меня глаза, как будто хотел что-то сказать, но промолчал. Степан Пантелеевич сидел, погружившись в глубокую задумчивость и, кажется, не обращал ни малейшего внимания на нашу поскучневшую компанию. Я попыталась поговорить с Серым о рыбалке на озере, но он явно не был настроен делиться своими рыбацкими секретами или рассказывать рыбацкие байки.

– Я пошел, – сказал Серый после того, как уничтожил второй кусок торта.

– Не торопитесь, – неожиданно произнес Степан Пантелеевич. – Вечер ведь еще не закончен. Я уверен, что впереди нас ждет много интересного.

Серый, который уже поднялся со стула, снова сел. Антон бросил удивленный взгляд на Степана Пантелеевича. Я бы на его месте тоже удивилась. Какой-то старичок притарахател на чисто молодежный тусняк, сидит, пьет чай, да еще и командует... Уверена, что он думал приблизительно так и даже, кажется, собирался что-то сказать, но Ваня шепнул ему на ухо, несколько слов, и Антон сдержался.

Все замолчали, а я увидела, как Белка смотрит на Степана Пантелеевича, в буквальном смысле вытаращив глаза. В наступившей тишине стало слышно, как где-то вдалеке проехал шумный трактор. Или комбайн. Не знаю, по звуку трудно определить.

– Сокровище, на поиски которого приехала Катенька, как мы доподлинно выяснили, действительно существует, – спокойно произнес Орлиный Глаз.

У Антона глаза стали откровенно квадратными, а у Белки вылезли из орбит, так как до этого уже находились в вытаращенном состоянии. Серый уронил ложку на блюдце. Все остальные даже не задержали дыхание. Еще бы, ведь это давно не новость. Мы об этом непрерывно думаем целые сутки.

– Об этом знал ювелир Павел Юрьевич, производивший оценку, Екатерина Андреевна, бабушка Кати, и еще кто-то. Все продолжали хранить молчание. А что тут скажешь?

– Давайте перенесемся на девять, а, точнее, на девять с половиной лет назад, – сказал Орлиный Глаз. – Январь. В Васильки приезжает ювелир Павел Юрьевич. Это событие не вызывает большого общественного резонанса, поскольку Павел Юрьевич не афиширует свою профессию и цель своего визита. Но внимание некоторых жителей деревни, а именно – молодого человека двенадцати лет, одетого в шапку-ушанку, привлекает автомобиль Павла Юрьевича. Вполне нормальный интерес для его возраста и пола. Во время осмотра машины, нечто, происходящее в доме, привлекает внимание молодого человека. Возможно, он что-то видит через незадернутые шторы гостиной, а, возможно, ему по какой-то причине, приходит в голову мысль подобраться к окну кухни и посмотреть, что там творится. И он видит, как Екатерина Андреевна показывает гостю красивую вещицу. Наверное, она подносит ее к свету, потому что нашему молодому человеку удастся очень хорошо ее разглядеть. В то время он не придает этому эпизоду большого значения, но вещицу запоминает хорошо. Именно этот январский вечер и можно считать началом нашей истории, если не вдаваться в ее корни, которые уходят слишком далеко в глубь веков и не имеют для нашего случая большого значения.

Речь Степана Пантелеевича лилась легко и размеренно, он четко произносил слова и делал паузы в нужных местах, как будто читал лекцию с кафедры. Все сидящие за столом слушали его очень внимательно, некоторые не скрывали своего

удивления, но никто не произносил ни слова.

– Вернемся в наши дни, – продолжил Степан Пантелеевич. – Юная барышня, окончившая соответствующее учебное заведение, устраивается на работу в ювелирный салон. Посещает выставки ювелирных изделий, рассматривает каталоги и вообще с интересом и увлечением относится к выбранной профессии. В том числе и в свободное время. Поэтому каталоги с выставок и фотографии украшений можно встретить и у нее дома. Однажды наш повзрослевший молодой человек приходит к ней в гости. Их отношения к делу не относятся и поэтому нас не интересуют. Нас интересует то, что молодой человек увидел одну фотографию. И сказал, что ему приходилось видеть точно такую же вещь. На девушку его сообщение производит очень сильное впечатление. И она с интересом спрашивает его о подробностях.

После этих слов абсолютно на всех лицах, включая мое, легко можно было прочесть безмерное удивление. Что еще за молодая барышня? Откуда она взялась, а?

– Сопоставив все имеющиеся у них сведения, молодые люди пришли к выводу, что вещь, находящаяся в деревенском доме и вещь на фотографии идентичны и являются парой.

Мы с Борисом и Ваней кивнули с пониманием.

– Они с большой долей вероятности предположили, что вещь все еще в доме, так как о ней никто ничего не знает, а ее владелица скоростижно скончалась. Молодому чело-

веку припомнилось, что он слышал что-то о надежном тайном месте, когда Екатерина Андреевна и ее гость прощались на крыльце. Молодой человек поехал в деревню первым, барышне пришлось ждать отпуска. В деревне он развернул бурную, но очень осторожную деятельность. Он раздобыл все нужные ключи и отмычки, смазал замки на дверях и окнах, чтобы входить и выходить, когда будет нужно. Но тут возникло неожиданное препятствие. В деревню приехала Катя, наследница Екатерины Андреевны, хозяйка дома и, соответственно, спрятанного в нем сокровища. Я не знаю, возникали ли у нашего пирата, назовем его так, мысли рассказать обо всем Кате. Если и возникали, то он успешно с ними справился. Сам или с помощью своей музы и вдохновительницы. Они решили не ждать, пока у Кати закончатся каникулы, а устроить ей индивидуальный аттракцион иррационального ужаса, чтобы ей самой захотелось поскорее уехать. Возможно, сначала это казалось развлечением. Все было как бы не всерьез, по детски: прыгающие полотенца, ужасный смех, шаги и вырванные страницы... Но это не действовало, и нужно было придумать что-то более существенное. Тогда наш пират вспомнил о том, чего Катя боялась в детстве больше всего. И организовал ей это. Как известно, детские страхи очень живучи и можно было предположить, что на такую впечатлительную особу это подействует очень сильно. Темный плащ с капюшоном, черная маска на лице, подходящий момент и нужная атмосфера... Результат был

достигнут. Катя испугалась. Но сдаваться не хотела. И тогда наши злоумышленники решили увеличить дозу страха.

Степан Пантелеевич замолчал. Я смотрела на всех, кто сидел за столом, и лихорадочно думала. Он. Он, а не она. Значит, это или Антон, или Серый. Больше никому. Это не может быть Ваня. Точно не может. Я переводила взгляд с Серого на Антона. Серый был таким же, как всегда: угрюмым и недовольным. Антон выглядел удивленным и заинтересованным.

– А вы знаете, кто это? – вырвалось у меня.

– Да, – сказал Степан Пантелеевич. – Я знаю, кто был здесь в том январе, знаю, кто под благовидным предлогом постоянно навещал чердак ваших соседей, откуда легко вести наблюдение за вашим домом, и, наконец, знаю, кто из присутствующих был знаком с Юлией Панкратовой, которая работала в ювелирном салоне и шесть дней назад тайно приехала в Васильки. Ему кажется, что терять уже нечего, но это не так. Если он сейчас же пойдет в полицию и признается, расскажет все, как было на самом деле, то наказание не будет суровым. В конце концов не так уж сложно доказать, что злодеяние было совершено непредумышленно. Кстати, следователь по этому делу сейчас находится в Мальцево.

После этих слов Серый резко отодвинул стул и поднялся.

– До свидания, – произнес он сиплым голосом, глядя на исключительно на Степана Пантелеевича и не глядя ни на кого из нас.

– Хорошей дороги, – сказал Степан Пантелеевич.

– Это что... он? – спросила я, когда Серый вышел.

Степан Пантелеевич устало кивнул.

– Я ничего не понимаю. При чем тут милиция и о каком непредумышленном... злодействе вы говорили?

– О злодеянии, – поправил меня Глаз.

– И где же сейчас эта... Юлия? Тоже в Васильках?

– В морге, – ответил Степан Пантелеевич.

У меня отвисла челюсть.

Глава 27, где разоблачения продолжаются и, наконец, обнаруживается сокровище

Все подробности мы узнали только на следующий день. Вечером Степан Пантелеевич рассказал только о том, что найденная в лесу девушка и есть Юлия Панкратова.

– Вы хотите сказать, что ее задушил... Серый? – я была так будто в прострации. – Я не могу поверить, что Серый – убийца.

– Я тоже, – сказал Степан Пантелеевич, – не верю в это.

– Но тогда...

– Давайте поговорим об этом завтра, – спокойно произнес Степан Пантелеевич. – Я думаю, на сегодня достаточно.

– Но...

– Завтра, – повторил он. – Я навещу вас после обеда.

Он удалился, а мы, растерянные и взбудораженные, просидели до поздней ночи, обсуждая услышанное. Кое в чем нам удалось разобраться, а кое в чем – нет.

– Я догадывался, что тут что-то происходит, – сказал Антон, – но чтоб такое...

И он потребовал всех жутких подробностей. Я только покачала головой. На меня вдруг навалилась страшная уста-

лость.

– Да, – неожиданно поддержал Антона Борис. – Неплохо было бы пересмотреть все... в свете новой информации.

И мне пришлось вспоминать все с самого начала. А сначала было полотенце, которое прыгнуло мне в лицо.

– Наверное, он его просто бросил, – предположила Белка.

– Ага, – сказала я. – А потом спрятался под ванной.

– В окно. А окно закрыл.

– Он бы не успел. И я бы услышала, как захлопывается окно. Я же в ванной стояла. Нет, тут что-то другое.

– Ты говорила, что слышала какой-то вжик, – напомнил мне Ваня.

– Да, – кивнула я.

– Это мог быть вжик от катушки с леской.

– Точно! – воскликнула я. – Звук похож. Что же ты раньше молчал? Хотя... что это нам дает?

– Серый всегда умел изготавливать всякие механизмы, особенно связанные с рыбалкой. Я думаю, это было нечто, изготовленное из лески, катушки, крючка и пружины. Правда, я представляю эту конструкцию только приблизительно... но ведь это не так уж и важно.

– Ладно, – согласилась я. – Пусть будет леска. А насчет тяжелых шагов я сама знаю.

– Ну? – с интересом воззрились на меня Белка и Ваня. – Кто же мог так топтать?

– Утюги, – сказала я. – Большие тяжелые чугунные утюги.

Если их бросать с размаху, я думаю, будет как раз такой звук.

– Но на чердаке не было никаких утюгов, – возразил Ваня.

– Вот именно. А когда я поднималась туда в первый раз – были. Я об этом потом вспомнила, когда засыпала, и снова забыла, потому что появился этот... в капюшоне. До сих пор не могу поверить, что это был Серый. Мне показалось, что он растворился в воздухе.

– Просто ты была очень испугана, – сказал Ваня.

– Так, значит, хохотал тоже он? – спросила Белка.

– Это как раз самое легкое, – отмахнулся от нее Борис. – Для такого эффекта можно использовать самый обыкновенный диктофон. Просто записать какой-нибудь жуткий смех из фильма ужасов.

– Значит, это он меня душил, – слова застревали у меня в горле.

– Он хотел только напугать тебя, – сказала Белка.

– Так же как эту Юлю?

Все замолчали, и это молчание было плотным и тяжелым, как густой туман.

– Но зачем ему понадобилось вырывать страницы из книги, обливать их клубничным вареньем и прятать в кустах? – в голосе Белки звучало неподдельно удивление.

На этот вопрос никто из нас не смог вразумительно ответить.

– Наверное, он просто слетел с катушек, – предположил Антон.

– Нет, – Борис покачал головой. – Наверняка в этом есть какой-то смысл. И потом, Серый вовсе не выглядит ненормальным.

– Драгоценные камни имеют влияние на сознание и поведение людей, это давно известно, – сказал Орлиный Глаз.

– Вы хотите сказать, что все дело в драгоценных камнях? – спросила я.

Мы наконец-то дождались Степана Пантелеевича. Он приехал в четыре часа, хотя мы очень активно ждали его с двенадцати, меряя шагами гостиную.

– В каком-то смысле это так, – кивнул он. – Юлия Панкратова увидела фотографию и узнала, что существует вторая сережка... Она сразу поняла, какие это открывает возможности. Вы слышали, что говорил Павел Юрьевич.

– Это он ее узнал?

– Да, он. У него хорошая память на лица.

– А Серый?

– Он был влюблен в нее. Мечтал, что они продадут сережку и заживут сказочной жизнью. Только когда он увидел, как ее руки сомкнулись на вашем горле, он испугался и понял, чем может обернуться вся эта история. Он рассказывал, что еле оттащил ее, так она увлеклась.

– Так, значит, это она меня душила...

– Да. У нее длинные волнистые волосы.

Точно! Я же видела фотографию.

– Я не могу поверить, что Серый ... мог убить ее. Чтобы он стащил что-нибудь, что плохо лежит, я вполне могу представить, но убийство...

– Конечно, он вовсе не кровожаден. Это было непредумышленное убийство. Они вернулись домой, спорили, она кричала на него, обвиняла в неспособности к решительным действиям, призналась, что он ей нужен только, чтобы найти сережку, попыталась ударить... Он оттолкнул ее, сильнее, чем следовало, она не удержалась на ногах и упала, ударившись головой об угол стола. Смерть была мгновенной.

– А потом он испугался, решил, что его обвинят...

– Да. Спрятать тело было легче, чем все объяснить. Тем более, что ее никто в деревне не видел.

– То есть она была не задушена, а... – дошло до меня.

– А кто вам сказал, что она задушена? – спросил Степан Пантелеевич.

– Серый, – пролепетала я и замолчала. – А что с ним теперь будет? – спросила я через некоторое время.

– Учитывая явку с повинной и то, что это было непредумышленно... я уверен, он легко отделается. Скорее всего, условным сроком.

– Мы тут вчера думали, – начал Борис.

– Как интересно, – вскинул голову Степан Пантелеевич.

– И решили некоторые загадки, – добавил Ваня. – Но с одной так и не смогли разобраться.

– Продолжайте, – подбодрил его Орлиный Глаз.

– Эпизод, первый по значению, – произнес Ваня.

– А, это! – радостно улыбнулся Степан Пантелеевич. – Это же вообще не имеет отношения к делу. Поэтому и первый по значению.

– А если не имеет, то... как? и почему? – Опять он говорит загадками, это Орлиный Глаз.

– Сергей вернулся, чтобы найти рыболовный крючок в вашей ванной, – сжалился Степан Пантелеевич. – Влез в окно и случайно опрокинул варенье на книгу. Он не хотел, чтобы вы догадались, что кто-то влезал в окно, поэтому вырвал страницу и заменил книгу.

– Он думал, я не замечу, что книга другая?

– Конечно, нет. Он думал, что это вас запутает и отвлечет от мыслей об окне. А, может, и напугает немного, заодно.

– Никогда бы не подумала, – медленно проговорила я, – что у этого случая такое простое объяснение.

– Мы отвлекаемся от главного, – неожиданно произнес Орлиный Глаз.

– Да, – поддержал его Борис.

Интересно, о чем это они? Я в недоумении посмотрела на Ваню.

– Сокровище, – прошептал он одними губами.

– Точно! – воскликнула я. – Я совсем забыла о сокровище. То есть о сережке.

– Я вижу, вы напряженно думали, – обратился Глаз к Борису.

Интересно, как он это видит? Сквозь череп Бориса или по морщинам на его лбу?

– И у вас есть какая-то идея, – продолжил Глаз.

– Фотография, – произнес Борис медленно и замолчал.

По его виду легко можно было догадаться, что его гложет какая-то мысль, которую он считает гениальной.

– Ну, не томи! – накинулась я на него. – Что – фотография? Какая фотография?

– На столе, вот здесь, – он указал пальцем, – стояла фотография в рамке. Прислоненная к кувшину. Помнишь?

Я попыталась сосредоточиться. Да, что-то такое мелькало где-то на задворках моей памяти. Кувшин, васильки, фотография... Когда я пыталась рассмотреть это смутное воспоминание более пристально, оно теряло краски, расплывалось и вообще исчезало.

– Кажется, помню... но не могу понять, что именно.

– Эта фотография сейчас висит на стене в твоей комнате. Дома, в городе.

– Да! – воскликнула я. – Я поняла. Но я не помню, чтобы она стояла на столе. Мне кажется, она лежала в альбоме...

– Может, когда-то и лежала. Но, когда мы приехали сюда после смерти бабушки, она стояла на столе. Я это точно помню.

– Странно, – растеряно произнесла я. – Думаешь, это что-то значит?

Я посмотрела на Ваню. Он был спокоен и неподвижен, но

что-то мне подсказывало, что его, как и меня охватило волнение. Потом я перевела взгляд на Степана Пантелеевича. Он встретился со мной взглядом и сразу низко наклонил голову, но я успела заметить его улыбку. Или усмешку.

– Черт побери, – неожиданно проговорил Орлиный Глаз. Слова словно сами сорвались с его губ.

– Так что было на этой фотографии? – спросил Ваня почти безразличным тоном.

– Я, – ответила я.

– И все?

– Из одушевленных предметов – все. Еще был стол, кувшин и... васильки, – закончила я почему-то шепотом.

– Кате на той фотографии лет восемь или девять, – решил прояснить Борис. – Она сидит вот на этом самом столе. Рядом с ней кувшин. В кувшине – васильки. Она обнимает его одной рукой. Правой, – добавил он, мгновение подумав. – А второй рукой опирается о стол. На ней платье... то ли с зайчиками, то ли с мишками. А на голове бабушкина соломенная шляпа.

– С мишками, – зачем-то сказала я. – С мишками и с мячиками.

Мы все уставились на кувшин, который стоял на столе. Первым из состояния оцепенения вышел Борис. Он подошел к столу и взял кувшин в руки.

– Тяжелый, – сказал он.

– Еще бы, – хмыкнула я. – Он же железный.

– Медный, – поправил меня Борис.

– Какая разница.

– Этому кувшину лет сто, – сказал Борис.

– Вряд ли, – сказал Орлиный Глаз. – Максимум – пятьдесят. Но скорее всего – сорок.

– А откуда вы знаете? – спросила я.

– Ваш дедушка привез его из Индии, куда ездил после аспирантуры.

Я подошла к Борису и взяла из его рук кувшин. Он действительно был очень тяжелым. Но это я и так знала. Я повертела кувшин в руках, заглянула вовнутрь, посмотрела на его дно... и снова вернула Борису. Потом кувшин оказался в руках Вани, который тоже очень тщательно его осмотрел. Степан Пантелеевич сидел молча и не пытался принять участия в наших исследованиях.

– Но что-то же должно быть! – воскликнула я в отчаянии. – Не может же быть, чтобы эта фотография оказалась там случайно?

Я с надеждой посмотрела на Степана Пантелеевича.

– Я бы не стал утверждать, что это совсем уж невероятно, – улыбнулся он. – Но в данном случае я склонен с вами согласиться.

– То есть вы думаете...

– Я думаю, что этот кувшин – и есть ключ к разгадке вашей тайны.

– Но... как?

– Точно пока не знаю. Но у меня есть одно предположение...

Он протянул руку, и кувшин в ту же секунду оказался у него в руках. Орлиный Глаз пристально осмотрел кувшин, медленно поворачивая его вокруг своей оси. Потом поднес его к лицу, потом перевернул. Он пробормотал что-то невнятное, и мне показалось, что он разговаривает с кувшином, и кувшин сейчас ему ответит... Мы застыли и затаили дыхание, наблюдая за его манипуляциями.

Вот он встал, подошел к окну, где было больше света, взялся одной рукой за горлышка кувшина, другой – за его дно... через мгновение мы увидели, что дно осталось у него в левой руке, а весь остальной кувшин – в правой. Дружно охнув, мы бросились к Степану Пантелеевичу и уставились на нижнюю часть кувшина, которая сейчас выглядела как медное блюдце. На дне этого блюдца лежал сложенный вчетверо листок бумаги. И больше ничего. Я протянула к листку дрожащую руку.

Это было письмо от бабушки. Я сразу узнала ее каллиграфический почерк с характерными подчеркиваниями. Сначала буквы расплывались у меня перед глазами, и я на мгновение отвела от них взгляд, прижав письмо к груди и заморожено уставившись на Степана Пантелеевича, который выглядел чрезвычайно довольным, но, почему-то немного уставшим...

«Здравствуй, Катя. Надеюсь, тебе доставило удовольствие

это маленькое расследование, – так начиналось послание. – Тебе всегда нравились тайны, а желание найти сокровища в определенный момент стало просто наваждением. Конечно, сейчас ты уже взрослая и у тебя другие интересы, но что-то мне подсказывает, что твоя тяга к приключениям с возрастом не ослабеет. Так что даю тебе последнюю подсказку: вспомни мой шестьдесят пятый день рождения. То, что, ты найдешь в тайнике – не просто драгоценная безделушка. Она передается в нашем роду из поколения в поколение по женской линии. У этой штучки есть одно волшебное свойство – она приносит своей обладательнице счастливую любовь и благополучную семейную жизнь. Это проверено не только мной, но и всеми нашими прапрабабушками». Внизу стояла подпись «Бабушка Катя».

Я была в смятении. Мои чувства так переплелись и перепутались, что я ничего не понимала. Неужели это правда письмо от бабушки? Неужели оно действительно пролежало столько лет в этом кувшине? Когда я его читала, у меня было ясное ощущение, что я слышу бабушкин голос и чувствую ее взгляд... Как это на нее похоже! Она ни слова не написала о себе, о своем сне и своих опасениях. А ведь она понимала, что, если я найду и прочитаю это письмо, значит, ее уже не будет в живых. Мне было ужасно грустно... Оттого, что бабушки больше нет, оттого, что меня тоже когда-нибудь не будет, оттого, что наше приключение закончилось... Закончилось? Но ведь мы еще не нашли сапфировую сережку! И,

кстати, бабушка ни словом не говорит о том, что это именно сережка.

– Шестьдесят пятый день рождения, – произнесла я.

– Мы были здесь, – сказал Борис.

– Что-то я не могу вспомнить, – пожаловалась я. – Сколько мне было лет?

– Двенадцать.

Я изо всех сил наморщила лоб, но это не помогло. Я ничего не вспомнила.

– В тот день ты впервые в жизни самостоятельно испекла торт. Полдня никого не пускала на кухню, – пытался оживить мои воспоминания Борис.

– Торт? – Какое это очень смутное и нечеткое воспоминание зашевелилось в моей голове.

– Кажется, он был из опилок, – с ухмылкой продолжал Борис. – Во всяком случае, на вкус очень напоминал кусок фанеры.

– Неправда! – возмутилась я. – Торт был вкусный. Всем понравился.

– Ну что, проснулись воспоминания? А сверху были украшения из разноцветного пластилина.

– Это был марципан! – Как только у человека хватает наглости так клеветать на меня!

– Ну что, прояснилось в голове? – спросил Борис.

– Есть немного, – согласилась я. – Но если это имеет отношение к моему тарту, то я ничего не понимаю.

Я беспомощно посмотрела на Ваню и на Степана Пантелеевича.

– Не сомневаюсь, что торт был вкусный, и вы съели его без остатка, – сказал Ваня.

– Спасибо за поддержку.

– Думайте дальше, – ответил на мой вопросительный взгляд Степан Пантелеевич.

– Подарки, – сказал Борис.

– По-моему, мама с папой подарили ей утюг, – сказала я.

– Электрический чайник, – поправил меня Борис.

– Утюг, – возразила я.

– Чайник.

– Утюг, – я твердо стояла на своем.

– Ты же сама говорила, что ничего не помнишь, – попытался сбить меня с толку Борис. У тебя тогда в голове были одни телепузики.

Я чуть не задохнулась от возмущения.

– Мне было двенадцать лет, а не три!

– Ну тогда покемоны.

– Сам ты покемон! Самый настоящий! Я в то лето, между прочим, прочла «Войну и мир» и три раза перечитала «Вечера на хуторе близ Диканьки»!

– Добровольно? – спросил Борис.

– Добровольно.

– Я вам говорил, что моя сестренка слегка чокнутая? – обратился Борька к присутствующим.

– Ваша сестренка – очень образованная и начитанная ба-
рышня, – сказал Орлиный Глаз. – Мы все это прекрасно зна-
ем.

– Да, – пробормотал Ваня.

Мне показалось, что после слов Борьки, Ваня стал смот-
реть на меня как-то настороженно.

– В общем, это был какой-то электроприбор, – подытожи-
ла я.

– А ты помнишь, что я подарил бабушке? – спросил Борь-
ка с плохо скрываемым ликованием в голосе.

– О! – вспомнила я. – Ты подарил кресло-качалку! Бабуш-
ке оно очень понравилось.

– А ты сказала, что теперь бабушка станет похожа на на-
стоящую бабушку, которая была нарисована на картинке в
какой-то детской книжке: с седым узлом на голове, в кресле
качалке и с вязанием в руках.

– А бабушка сказала, что вязать она не умеет и учиться
не собирается. Так что картинку придется немного испра-
вить...

Мы с Борькой замолчали и уставились друг на друга. Че-
рез мгновение мы ринулись к креслу-качалке. Борька схва-
тил его и перевернул вверх ногами. Потом потряс. Потом
положил его на пол и внимательно осмотрел, сначала с од-
ной стороны, потом с другой. Я, Ваня и Степан Пантелеевич
сгрудились возле Бориса, пристально оглядывая кресло.

– Подушка, – сказал Ваня.

Борис перевернул кресло в нормальное положение, отстегнул подушку и начал ее ощупывать. На его лице застыло напряженное выражение. Я не выдержала и тоже вцепилась в подушку с другой стороны.

– Давай ее разрежем, – предложил Борис.

– Давай, – согласилась я.

– Неси ножницы.

Я пошла к комоду, Борька – за мной.

– Подождите, – услышали мы голос Вани.

Он наклонился к сиденью и что-то пристально разглядывал. Мы грохнулись на колени рядом с ним.

– Тут скотч, – сказал Ваня и, протянув руку, дотронулся до одной из бамбуковых перекладин, образующих каркас кресла.

Кресло было покрыто лаком, и поэтому скотч совершенно не бросался в глаза.

– А под ним – разрез, – произнес Борис шепотом.

Он попытался подцепить край скотча ногтем, но у него ничего не получилось.

– Дай я, – я несколько раз провела пальцем вдоль скотча, нащупывая, где будет удобнее за него ухватиться и, обнаружив такое место, поддела его самым длинным своим ногтем на безымянном пальце.

Ваня и Борис дружно выдохнули.

– Не дышите мне в затылок, – сказала я, стараясь отделить скотч от бамбука. Это мне удавалось с большим трудом. Но

все же удавалось.

Через пять минут напряженного пыхания поверхность вокруг едва заметного разреза была очищена. Я осторожно надавила на разрез. Он легко поддался моему нажиму. Окажется, по бокам от этого разреза находились еще два перпендикулярных разреза, образуя сильно вытянутую в ширину букву «п».

– Надо поддеть ножом, – сказал Борис и метнулся на кухню.

Он принес нож с длинным тонким лезвием, вставил его в разрез и провел им туда и обратно по всей букве «п». После этого осталось только открыть образовавшуюся крышку импровизированной шкатулки и достать то, что там находилось.

Сначала мы увидели край голубой шелковистой ткани. Я осторожно потянула за него и вытянула плотный сверток. Я держала его в руках, не в силах пошевелиться. Мои руки внезапно ослабли, в пальцах не было ни капли сил. При всем желании я не могла раскрыть этот сверток. Но меня никто не торопил. Все молча смотрели на голубую ткань, под которой, очевидно, скрывалось то, что мы так долго искали, и молчали.

– Ну же, – первым не выдержал Борис. – Давай, разматывай.

Я сразу вышла из оцепенения, которое показалось таким долгим, но на самом деле длилось, наверное, всего лишь

несколько секунд и развернула сверток.

Это была она. Сапфировая сережка. Она переливалась в ярких солнечных лучах, и я не могла бы сказать точно, какого она цвета: синего, фиолетового, голубого или сиреневого. В середине этого сверкающего великолепия был большой сапфир, а вокруг него – множество мелких сапфиров и бриллиантов, как и говорил Павел Юрьевич.

– Ух ты, – восторженно воскликнула я. – Это действительно настоящее сокровище!

– С ума сойти, – поддержал мой восторг Борька.

– Вы знали, что этот кувшин с секретом? – спросила я Степана Пантелеевича, когда мы, наохлавшись и наворосторгавшись, пошли на кухню, чтобы подкрепиться чаем и остатками торта.

– Нет, – он покачал головой. – Про этот конкретный кувшин я ничего не знал. Но мне приходилось сталкиваться с подобными изделиями в прошлом.

– Если бы не вы... – начала я.

– Если бы не я, – прервал меня Орлиный Глаз, – вы бы, несомненно провозились с этим сосудом тайны гораздо дольше. И получили бы от всего процесса немалое удовольствие, – добавил он с улыбкой.

– Я не уверена, что нам удалось бы его открыть.

– Ну, откуда такие сомнения в собственных силах? Конечно, вам бы все удалось.

– А если бы Борис не вспомнил про эту фотографию...

– Рано или поздно кто-нибудь из вас обязательно вспомнил бы. Может быть тогда, когда вы вернулись бы домой... Ведь она висит у вас на стене.

– Да, – пришлось согласиться мне. – Наверное, все же вспомнили бы. Но...

– Никаких «но», – подмигнул мне Орлиный Глаз.

– Я хотела сказать, – снова начала я.

– Иногда лучше ничего не говорить, – он прижал палец к губам.

Может, он и прав. Он знает, что я ему очень благодарна. И не только я... И мы это знаем. А если все знают, может быть, слова, действительно, не нужны. Но все-таки... Я открыла рот, чтобы разразиться очередным высказыванием, но обнаружила, что слушать меня уже некому. Степана Пантелеевича на кухне не было. Я растеряно озиралась по сторонам. В воздухе он растворился, что ли?

Засунув сокровище в кувшин, где оно, скорее всего и хранилось в былые времена, и оставив Борьку его сторожить, мы с Ваней пошли прогуляться к речке. Белка осталась с Борисом. Они были очень заняты: смеялись над давней историей, из-за которой Белка не хотела видеться с моим братом. Оказывается, Белка однажды все же приезжала в Васильки. Меня тогда там не было, но зато был Борис. Ей было четырнадцать, ему – двадцать. Он произвел на нее неизгладимое

впечатление. Настолько неизгладимое, что Белка, наплевав на гордость и собственное достоинство, бегала за ним, как собачонка (по ее словам), писала записки, посвящала стихи и вообще не давала прохода. Борису было сначала смешно, а потом очень неловко. А теперь ей настолько стыдно об этом вспоминать, что она предпочла бы не увидеть Степана Пантелеевича, но зато избежать встречи с Борисом. Хорошо, что я притащила Белку к нам, заманив сокровищем. Борис неожиданно сказал, что у него амнезия после удара о троллейбус, Белка рассмеялась и напомнила ему, какой она была дурочкой. Теперь они вспоминают былые времена и хохочут. А мы идем к реке. Солнце собирается закатываться за горизонт, окрашивая все в веселые и очень красивые цвета. Даже на Ваниных волосах можно было заметить сиреневый отлив.

Когда мы только вышли из дома, нам навстречу попался мой старинный приятель, Генка Крокодил. Видимо, только что приехал. Идет, улыбается, демонстрируя все свои сто тридцать три зуба и сияя крупными оранжевыми веснушками. На самом деле на крокодила он ни капельки не похож, скорее на радостного бобра. Я тоже заулыбалась ему в ответ, но, как оказалось, это было необдуманно и преждевременно.

– Да это же Катька Выдра! – радостно прокричало это бестолковое существо.

Нет, ну бывают же люди, у которых с возрастом ни капли мозгов не прибавляется!

– Привет, – холодно произнесла я.

– Ты что, не узнала меня?

– Как же, узнала. Крокодил без Чебурашки.

– Подумаешь, какие мы важные стали.

– А ты ни капли не изменился.

– Ну так! – с довольным видом произнес... – Ну, еще увидимся. Я к Вовке иду. Слышала, они с Галкой поженились? Ну и дела...

– Слышала, слышала. Даже видела. От меня привет.

И он засеменял быстрыми шагами в противоположную сторону.

– Ну вот ты и знаешь мою страшную тайну, – сказала я, смущенно глядя на Ваню, который в продолжение всего диалога стоял, спокойно за нами наблюдая и не проявляя никаких эмоций.

– Странно, – задумчиво произнес он. – Никогда бы не подумал...

– Что я похожа на выдру?

– Ага, – Ваня кивнул и улыбнулся.

– А тут дело вовсе не в выдре, которая зверь. Выдра в дано случае – производное от слова «выдрать».

– Как интересно, – заметил Ваня, ожидая продолжения.

– Я как-то подралась с Вовкой...

– Ничего себе, – уважительно произнес Ваня.

– И в пылу драки больно схватила его за волосы. Признаю, это было нечестно... Вовка заорал, что я выдрала у него клочок волос. И что я выдра. Так и приклеилось.

– Какие неожиданные формы принимают некоторые глаголы, – глубокомысленно изрек Ваня.

Я взяла его за руку. Я была очень благодарна ему за то, что он ни разу не произнес вслух слово «выдра».

– Просто я, как только тебя увидел, сразу понял: все, приехали, – очень романтично объяснялся мне в любви Ваня, когда мы оказались на речке, и я снова уселась на ту самую корягу, где меня кусали комары.

– Сразу?

– Сразу. Это было совершенно неожиданно. Не запланировано. Такого со мной никогда не было... Поэтому я вел себя, как редкая разновидность идиота.

– А ты, – осторожно спросил через некоторое время Ваня. – Ты когда поняла?

– Что поняла? – сделала я круглые глаза, но, увидев его лицо, сжалилась. – Не знаю. Знаю только, что очень боялась понимать. Не хотела. Сопротивлялась.

– Боялась? – переспросил Ваня.

– Да, – кивнула я. – Я и сейчас боюсь.

Он заключил меня в теплые уютные объятия.

– Обещаю тебе, – услышала я горячий шепот, – что я сделаю все...

– Тихо, – я закрыла его рот ладонью. – Не надо банальных слов и страстных обещаний под влиянием момента.

– Да я не... – возмутился Ваня, но я прервала его бурную

эмоциональную речь, предусмотрительно прижавшись губами к его губам.